

Юрий Гализдра

Волчьи пляски

Остросюжетный роман

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Юрий Гализдра

Волчьи пляски

«Автор»

2014

Гализдра Ю. А.

Волчьи пляски / Ю. А. Гализдра — «Автор», 2014

Россия 90-х годов. Разгул криминала. Судьбы людей, волею случая оказавшихся вместе при очень непростой ситуации. Кровавые дороги, связавшие простого дальнобойщика, девушку с навыками телохранителя, похищенного сына олигарха, агента под прикрытием и еще многих и многих. Это детективная приключенческая история о стране, переживавшей сложные времена. Содержит нецензурную брань.

© Гализдра Ю. А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	17
Глава 3.	23
Глава 4.	33
Глава 5.	41
Москва. Маргарита Корнеева. 1 августа 1996 года.	46
Глава 6.	53
Москва. Андрей Силантьич Козин. 10:30 утра 2 августа 1996 года.	55
Москва. Маргарита Корнеева. 14:45 2 августа 1996 года.	57
Глава 7.	61
Маргарита Корнеева. Приблизительно в 15:30 часов дня 3 августа 1996 года.	63
Заимка Козина. Грач. 16:00. 3 августа 1997 года.	68
Москва. Маргарита Корнеева. Около 16:15. 3 августа 1996 года.	71
Окрестности села Кочубеевка. Ночь с 3 на 4 августа 1996 года.	75
Глава 8.	77
Данил Бельский. Село Кочубеевка. Утро 4 августа 1996 года.	85
Глава 9.	89
Москва. Козин. Приблизительно в то же самое время 4 августа 1996 года.	96
Москва. Всеволод Артемьевич Бельский. Около 15:45 часов 4 августа 1996 года.	102
Глава 10.	105
Глава 11.	118
Глава 12.	127
Село Кочубеевка. Данил Бельский. 5 августа 1996 года.	130
Омск. Маргарита Корнеева. Полдень 5 августа 1996 года.	132
Глава 13.	138
Омск. Иван Усов. Утро 6 августа 1996 года.	142
В восьмидесяти километрах от Белогорска. Гурген. Полдень 6 августа 1996 года.	144
Глава 14.	146
Приблизительно в восьмидесяти километрах от города Белогорска.	150
Михаил Багин. Полдень 6 августа 1996 года.	150
Глава 15.	163
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Юрий Гализдра

Волчьи пляски

Эпиграф:

Смятенье в ум, благое в прах

Главней невежество и толки

А на империи костях

Танцуют волки...пляшут волки...

Глава 1. Москва. Генерал Угрюмов. Июль 1987 года

Лето, постепенно переваливавшее за свою середину, продолжало дарить уютные теплые деньки. Они выгодно отличались от предыдущего летнего месяца ровным плюсовым фоном с нечастыми, но обильными дождями. Казалось, что природа пришла к золотой климатической середине и на том успокоилась. Самое время отдохнуть! Взять вот и бросить, к чертовой матери, все дела, небрежно кинуть в багажник верной «Волги» пару наспех собранных чемоданов и, усадив на переднее пассажирское сиденье, что расположено рядом с водительским, престарелую супругу, нажать на педаль газа, держа путь куда-нибудь в сторону Юга. В Анапу, например. Или в Адлер. Помнится, там он неплохо отдохнул с семьей в конце семидесятых. Тогда еще Алешка был жив... Бойкий стройный паренек со светлыми вихрами и глубоким голубоглазым взглядом с легким намеком прозелени. Стремительный в движениях и поступках. Стремительный в жизни... Таким он и остался в его памяти, в отличие от других, в разное время ушедших в небытие близких людей, не превратившись в серую размытую фигуру отдаленного воспоминания. Впрочем, наверное, так и должен ощущать отец свое дитя. Пусть и ушедшее раньше срока, отпущенного ему на земле.

Генерал Угрюмов подавил вздох и, собрав морщинки у прищуренных глаз в рельефно выделившиеся «лучики», окинул пространством набережную Москва-реки, залитую полуденным солнцем. Странная штука память. Чем дальше живешь с ней, чем больше собираешь багаж воспоминаний, тем ярче и красочнее они становятся. С каждым прожитым годом. Даже те, самые ранние, которые, по логике, давно должны были улетучиться или, по крайней мере, остаться в виде легких подсознательных ассоциаций. А так все происходило с точностью «до наоборот». Вспоминая далекое собственное детство, генерал теперь с удивлением отмечал, что перед ним, как никогда четко, встают не только яркие картинки бездонного голубого неба и сочно зеленой травы, но еще и (вот парадокс-то!) сопутствующие им ассоциации запахов. Таких, как запах парного, только что выдоенного молока, или запах летнего покоса. Запахи, которые он давно не встречал в жизни. По крайней мере, лет десять. Если сказать в общем, то теперь Угрюмов вполне понимал пожилых людей, жизненный путь которых клонился к окончанию. Понимал, что для них бытие, точнее самая яркая и емкая его часть, находится теперь в прошлом. В том, что отжито. Понимал потому, что и сам ныне относился к этой категории жителей планеты. Для него, теперешнего, являлось вполне естественным постоянно ощущать рядом фантомный образ энергичного сына, уже лет восемь как сложившего голову в негостеприимной, по волчьему оскаленной афганской земле.

– Смотрю я на вас, Василий Егорович, и диву даюсь, – голос собеседника вернул генерала к действительности, вырвав из цепких объятий раздумий, то и дело норовивших взять верх над реальностью, – По вашему усталому виду плачет какой-нибудь тихий и уютный черноморский санаторий. Или, по меньшей мере, курорт. В ваши ли семьдесят играть в подобные игры?..

– В семьдесят четыре, – машинально поправил Угрюмов, фокусируя взгляд на том, кто произнес только что отзвучавшую реплику, – И не в игры. Это моя жизнь, сынок. Неласковая и беспокойная на всем протяжении, но моя.

Старческие глаза окинули подтянутую фигуру паренька, пристроившегося рядом у парапета. Вот еще один образчик «несуществующей реальности». Только с несколько иным значением. Вызывая в памяти образ своего Алешки, Василий Егорович знал, что тот давно умер и остался обитать только в его мысленной сфере. Человек же, стоящий перед ним в данный момент, несмотря на то, что тоже умер для некогда знавших его окружающих, все равно

являлся реальным. Пусть и жил теперь с другим, новым лицом. Пусть и с новой, искусственно созданной судьбой.

– Моя жизнь вышла очень беспокойной, Сережа, – с неожиданной мягкостью в голосе продолжил генерал, – На всем ее протяжении. Всякое было. Потому, наверное, я и не могу успокоиться до сих пор. Слишком много ответственности на себя взял однажды. Сейчас многие кичатся своим знакомством со знаменитыми людьми, отношениями с кем-то, кто имеет громадный авторитет в обществе. Это придает им, по их же мнению, большой вес в обществе. Нет. Вес и авторитет человеку придает лишь он сам. Поверь. Я был знаком со многими, чьи имена если не стали, то скоро станут легендой. Тесно общался с Судоплатовым, Андроповым и, как следствие, с целым рядом лиц, имена которых до сих пор находятся под грифом «совершенно секретно» и «государственная тайна». Это накладывает определенные обязательства. Так что, я даже теперь, официально находясь в отставке, продолжаю жить в той же самой, привычной для меня колее. Жить и продолжать дело, порученное мне страной. Нет, не государством, устои которого трещат по швам. И не политическими деятелями, состав которых меняется постоянно, а сами они мельчают катастрофическими темпами. Речь именно о нашей Родине, выживавшей во все беспокойные времена всевозможных перемен только за счет таких, как мы с тобой.

Выговорившись, Угрюмов снова замолчал, возвратив свое внимание пустынной набережной, уже прямо-таки дышавшей накопленным летним зноем. Большая, искусственно созданная строительным гением сковородка. Лишь единичные, видимо случайно забредшие сюда истомленные солнцем прохожие слегка разбавляли здешнюю безлюдность. Неудивительно. В это время сезона значительная масса жителей столицы уже пополнила собой рать отдыхающих во всевозможных здравницах. Или, по меньшей мере, убралась куда-нибудь за городскую черту, дабы отсидеться в тени у водоемов.

Впрочем, это сейчас даже к лучшему. Никто не помешает, не попытается встрять в разговор.

– Вообще-то, – продолжил разговор генерал, – Я не выбирал такую судьбу. Не рвался к ней. Она выбрала меня сама. А так... я бы с большим удовольствием посвятил все те десятилетия, что прожил на государственной службе, например тому, что выращивал хлеба и сажал в огороде картошку... Для меня, верни фортуна хотя бы половину жизни, выбор был бы очевиден. Может поэтому, я не совсем понимаю твой выбор, твое решение. Спору нет, цель вполне благородна и высока, ради благоденствия нашей Родины выполнение подобной миссии очень актуально. Проблема еще не вполне наболела, она еще в будущем, однако скоро станет просто бедствием для нас всех. И, не скрою, что твоя кандидатура, ее появление и перспективы, что она дает, очень заманчивы. Хоть, не совсем понимаю тех мотивов, которые подтолкнули тебя на такую жертву.

– Лукавите, Василий Егорович, – тихо отозвался молодой человек, устремив взор на водную речную гладь, – Еще один психологический тест? Не волнуйтесь – мое психическое состояние стабильно. Как и мотивация, благодаря которой я сам вызвался на это дело. По крайней мере, специалистам по приказу вашего начальства не пришлось заниматься искусственным формированием личности кандидата для выполнения подобного задания.

– Искусственно сформированный кандидат с аналогичной мотивировкой не будет так психически константен, как ты, – спокойно заметил Угрюмов, игнорируя колкость, – Наши технологии внушения и кодирования еще не настолько безупречны. Особенно в тех случаях, когда агент запускается в столь долгое «одиночное плавание». Время, к сожалению, стирает многие барьеры, табу и мотивировки. Поэтому, нет ничего надежнее такой кандидатуры, как ты.

Василий Егорович поймал взгляд собеседника, и его лицо посетила скупая улыбка. Можно изменить черты лица, можно сотворить орлиный нос с явно выраженной горбинкой

вместо обычного с легкой курносинкой, однако взгляд... Этот острый пронзительный взгляд являлся определенным идентификатором. Такой взгляд был у Сережиного отца... Сознание Угрюмова посетила горечь. Возможно это чисто стариковская черта, но все же... У него, у старого генерала, прожившего жизнь, несмотря на столь болезненную преждевременную потерю собственного сына, все равно оставались близкие. Жена, да взрослая дочь, давно живущая своей жизнью и воспитывающая собственных детей. А у него, у Сережи, теперь не осталось никого. Отец, мать, младший брат, невеста... По странному стечению обстоятельств они погибли разом в один день. Страшный день.

Василий Егорович вспомнил заголовки газет тех дней, скупо упомянувших о том чудовищном преступлении. «...Вчера, в одной из квартир дома... в переулке... зверски застрелены четверо человек, в числе которых две женщины и один подросток тринадцати лет». Криминальная статистика, сообщившая только общие данные и более ничего. Ничего о том, что единственным взрослым мужчиной из этих четверых жертв стал известный во всей столице адвокат Изветов, что молодая женщина, приходившаяся Изветову будущей снохой, находилась на пятом месяце беременности, и о том, что тринадцатилетний сын Изветова был застрелен выстрелом в голову из обрезка. В упор. Так, что разнесло череп. Учитывая этот факт, в общем-то, несложно понять тот основной психологический мотив, которым руководствовался Сергей при выборе своего дальнейшего пути. Никто из ближайшего окружения покойного адвоката Изветова не смог логически объяснить причины столь чудовищной расправы. Все это не укладывалось в канву общепринятого морального уклада бытующего еще, хоть и успешно изживающего себя советского общества. Ни один из общепринятых мотивов, выдвинутых кем бы то ни было, не дотягивал до того, чтобы стать отправной точкой для произошедшей бойни. И лишь один Угрюмов, да и то только по проществу определенного промежутка времени смог, по отрывочным данным, тщательно собранным от разных источников, узнать о том, какие на самом деле интересы оказались затронуты его старинным приятелем. Деньги... Всегда деньги... Из-за них, из-за больших денег, да из-за посулов обладания неограниченной властью, в разные времена пролились целые реки человеческой крови. Из-за них истреблялись целые народы и умерщвлялись собственные дети. И начиналось это, как правило, в преддверии беспокойных времен. Чудовищные злодеяния, способные всколыхнуть еще умиротворенное общество, являлись не только предвестниками, но и, зачастую, отправной точкой для этих самых беспокойных времен. А потом, когда заспанное и испуганное общество окуналось в пучину кровавых игр, они постепенно забывались за чередой новых, более зверских злодеяний.

Все по вине слабого руководства страны. То ли дело раньше были руководители! Одно их имя приводило страну в трепет. Какие там мысли о скором обогащении! Кара, как правило, наступала быстро и неотвратимо. Теперь все не так. Распущенное общество низменных середнячков, лишенное прослойки интеллигенции. Оно мечтает только о сиюминутном. О наживе. Глаза генерала остановились на рекламном плакате неподалеку, изображавшем нынешнего главу государства, блещущим запятанной лысиной на красном фоне. «Демократия, перестройка, гласность». Слова, одни слова. Не для людей это, не для народа, населяющего просторы российской державы. Для тех же, упомянутых им только что середнячков. Для них духовные ценности ничто, прах. Хапнуть больше, не смотря ни на что, а затем трава не расти. Те деятели, которым перешел дорогу адвокат Изветов, принадлежали к этой самой новой формации, любой ценой желавшей проложить себе дорогу. И ради этого они вполне сознательно начинали толкать страну в хаос гражданских междоусобиц, ради этого потворствовали усугублению криминальной обстановки, зная, что в такой мутной «водичке» легче всего заработать капиталы и приобрести необходимый для завоевания власти авторитет. Старый генерал, умевший анализировать, способный делать выводы, собирая разрозненные и часто мало схожие

между собой факты, ясно видел, что ситуация накаляется. Еще чуть-чуть, и процесс станет необратим, постепенно выходя к пиковой точке. А там...кто знает...

Неизвестно, знал ли, подозревал ли молодой офицер армейской разведки Изветов о том, какие страсти сейчас назревали в высших эшелонах перерождающейся власти. Возможно да, а возможно и нет. Угрюмов не стал лезть в душу молодого человека, потерявшего до единого всех близких ему людей. По крайней мере, мог знать. Так, верно, подумали и тот, оставшийся неизвестным, организатор злодеяния. Тот, кто так стремился убрать со своей карьерной дороги нежелательных людей. Этот «кто-то», очевидно, мог знать о том, что отец Сергея собирал «компромат» на известных политиков и иных «деятелей». Мог знать или догадываться о том, что Изветову-старшему почти удалось привести свой план разоблачения в действие и едва не завершить свое, в сущности правое, дело, призванное вывести кое-кого на чистую воду. Скорее всего, именно поэтому могущественный «некто», против кого затевалась акция, и принял столь «резкое» решение по устранению адвокатской семьи.

По счастливой (или несчастливой) случайности, в тот самый день Сергей по делам в городе отсутствовал. Потому, наверное, и остался цел. Киллеры, нанятые для умерщвления Изветовых, так и не сумели отыскать его ни на одном из известных им адресов. А потом, когда уже все случилось, завершить им миссию не позволил подоспевший Угрюмов. Задействовав частным образом целую структуру, он в экстренном порядке устроил для Изветова-младшего искусную инсценировку несчастного случая. Устроил с такой достоверностью, что ни у кого, даже у официальных властей, сомнений в том не возникло. В тот момент им двигал совсем не оперативный расчет. Василию Егоровичу, прежде всего, захотелось просто спасти молодого человека, сына его старого товарища.

А потом генерал сделал для Сергея новую жизнь, новую личность. Сделал так хорошо и технично, что ни единая душа не смогла бы связать эту новую личность с той, прежней. Все ниточки были искусно оборваны. Новые документы, подтверждающие реальность ее, сделаны по официальным каналам, так что с этой позиции легенда нового «человека из ниоткуда» изьянов иметь не могла. Для начала такая основа представлялась достаточной. Второй составляющей стало тайное изменение внешности Изветова-младшего. На этом настоял сам Василий Егорович, лучше всех знавший о том, что фамильные черты могут стать для того путевкой на тот свет, независимо от того, что формально он умер уже около года назад. Единственное, что он не смог бы дать молодому человеку заново – это воспоминания.

«Воспоминания, – проскользнула тяжелая мысль в голове генерала, – Ими теперь Сережа будет обеспечен надолго. Уж я-то знаю.

– Я знаю, сынок, – эти слова вырвались у Василия Егоровича спонтанно, как отзыв на порыв сердца, – Что тебя совсем бы не потребовалось кодировать. Твоя кодировка сильнее всего, что может придумать наука на сегодняшний день. Не предложи я тебе поучаствовать в нашем деле и останься ты предоставленный сам себе с этим грузом, то не видать бы тогда покоя душе. А у тебя ведь еще целая жизнь впереди. И такое бремя не поможет тебе реализоваться в правильном русле. Возможно, на протяжении всей дальнейшей жизни. Я знал людей, которые так и не сумели найти правильного выхода своему гневу. Он сжег их изнутри. День за днем. А потом это усугублялось тем, что человек начинал искать какой-то психологический выход. Сначала подспудно. Затем сознательно. Психологические тренинги, развлечения, алкоголь... Постепенно душа выгорала дотла. Я не хотел бы, чтобы ты так кончил.

– И поэтому вы протезировали меня на эту роль? – острый взгляд собеседника резанул по стариковским глазам, – Можно подумать, что существовала целая очередь из желающих поиграть в русскую рулетку.

– Нет, Сережа, – покачал головой Василий Егорович, – Эту роль я для тебя придумал сам. Может это слишком меркантильно, извини меня, но я подумал о том, что было бы очень

полезно совместить твои душевные порывы и твои навыки с теми целями, которые пойдут на пользу нашему государственному строю. Зачем пропадать столь чистому пыли?

– Высокопарные слова, товарищ генерал.

– И не только они. Трезвый расчет. Я запускаю тебя в свободный полет. Словно хищную птицу, которая должна выследить и изловить искусно маскирующуюся добычу. И эта добыча не всегда безобидна. Бывает, что добыча по силам и возможностям превосходит потенциал охотника, однако является всем, чего желает птица-охотник. Что ты слышал о человеке по кличке Сталевар?

– А я о нем должен был слышать? – настороженно блеснул взором молодой человек.

– Возможно... – Василий Егорович отвернулся и склонил массивную седую голову, будто снова углубляясь в думы.

Однако затем встрепенулся и снова вступил в разговор.

– Возможно, и слышал. Так или иначе. Вскользь и мимоходом. По крайней мере, знание об этом человеке сейчас могло бы тебе очень помочь.

– Почему?

– Хотя бы потому, что именно он и его деятельность интересовали твоего отца в последнее время перед трагической гибелью.

Собеседник снова кольнул генерала внимательным взглядом.

– Вы что-то знаете, – сделал он вслух вполне определенный вывод, – Знаете, но боитесь рассказать.

– Ты не прав, – отрицательно качнул лицом Угрюмов, – Не боюсь. Просто, рассказывать особенно не о чем. Одни догадки и косвенные указания...

Выражение мимики его собеседника выразило живейшую заинтересованность. И еще, решимость, граничащую с абсолютной. Этот не отступит, пока не выяснит все до конца. А раз так, то стоит выложить всю информацию до копейки. Ровно все то, что он сейчас знает сам.

– После смерти твоей семьи, – продолжил Василий Егорович, – Я предпринял самые серьезные шаги для того, чтобы вывести на чистую воду не только исполнителей того зверства, что произошло в вашем доме. Меня интересовал заказчик. Тот, в чьих интересах было совершено это преступление. И...

– Ну же!

– Повторяю, что ничего конкретного выяснить не удалось. Несмотря на то, что личности киллеров нам в то время также были неизвестны, всеобщими усилиями нелегальных оперативных служб мы смогли их найти. Но сделали это поздно – те уже почили вечным сном при помощи кого-то, кто пытался замести все следы. Нужно отдать должное – этот «инкогнито» сделал свое дело хорошо. Ни единой зацепки, кроме этой невыразительной клички, которую озвучил один из убийц прямо перед собственной гибелью одному из своих контактов. Сталевар...

– Нет, – уверенно тряхнул вихрами молодой человек, – Не слышал. Если бы слышал, то запомнил бы наверняка. Я не умею забывать.

– Это пока.

Генерал внимательно изучал движения мимики на лице собеседника. Хорошо поработал пластический хирург. Но... эти вихры. Лишь прическа, как последняя дань прошлому Сергея, осталась в его новом облике. И то лишь на некоторое время. Пока не придет нужда полностью подогнать этот новый образ под нужное клише.

– Скажу больше, – продолжил он, не отводя глаз, – Косвенные данные указывают на то, что этот Сталевар – лицо влиятельное и, возможно, весьма высокопоставленное. И, скорее всего, опирается на поддержку подобных ему продажных корыстолюбцев. Он преследует какие-то свои цели. Власть это, или большие деньги, суть не важно. Важно то, что цели определены и ради их достижения Сталевар готов на все. Случай с твоей семьей показатель. Но

не единичный. Опираясь на все те же косвенные данные, можно утверждать, что Сталевар и его сообщники готовы раскачать политическую ситуацию в стране. Посеять в обществе хаос. Дестабилизировав ее, они постепенно создадут условия для того, чтобы прибрать власть в собственные руки. А это, знаешь ли, чревато самыми непредсказуемыми последствиями. Возможно, даже, гражданской войной.

– Я думал, что подобные личности канули в историю, – дернул головой в сторону «экс-Извеков-младший», – Манипулирование толпой, беспощадное уничтожение всех, кто может помешать осуществлению планов. . . . Насколько я помню из школьного образования, подобные методы были присущи нацистам.

– И не только. Такие методы присущи любой силе, стремящейся к диктатуре. Будь уверен, все это еще будет. И оружие толпы с дурацкими лозунгами, и чудовищные убийства. . . и нацисты тоже. Все будет. Вплоть до попыток переворотов. И все потому, что кому-то очень хочется стать у руля. Им все средства хороши и приемлемы. Что ты знаешь о уголовно-криминальной среде, бытующей в нашей стране? Тебе ведь придется много общаться с подобными людьми.

– Воры, убийцы и прочая шушера? – хмыкнул Сергей, – Я изучил ту литературу, которую вы мне дали в рамках подготовительного курса. Даже немного практикуюсь в «фене».

– Как ни прискорбно, – вздохнул Угрюмов, – Но к этой, как ты сказал, «шушере», так или иначе, относится едва ли не каждый третий в этой несчастной стране. Уголовная среда живет по своим, специфично созданным законам. Никто из обычных людей, впрочем, как и многие из нынешних деятелей, не осознает того, что по своей сути уголовники давно самоорганизовались настолько, что готовы из толпы отпетых, но, как правило, стихийно действующих головорезов превратиться в одну из самых влиятельных сил в стране. Им и нужно-то всего ничего. Хорошая финансовая подпитка и достойный организатор, который сумеет собрать разрозненные группы в единый кулак. Противостоять такой силе, если подобное случится, сможет только официальная государственная власть. И то при условии, что не срастется с этой самой уголовщиной. А это не исключено. Примером тому является именно Сталевар, который ради достижения собственной выгоды уже инициировал процесс такого сращивания. В данный момент времени оперативные службы не располагают никакими данными о нем, как о личности. Зато знаем некоторые его связи, завязавшиеся в криминальной среде. Серьезные связи, подобраться к которым будет чрезвычайно сложно. Только через них, как я смекаю, ты сможешь выйти на след убийцы твоей семьи. А для того, чтобы не сойти с дистанции, не срезаться, нужно постараться предусмотреть все возможные нюансы. Знание основ устройства криминалитета и знание «фени» еще далеко не все, что тебе предстоит узнать. Это всего лишь азбука, не дающая особых преимуществ. Для начала, прежде чем соваться в само полымя, тебе надлежит повертеться в этой среде на задворках, обвыкнуться рядом с этим контингентом, проникнуться спецификой, которой придется дышать на протяжении долгого времени. Заплыв будет долгим, сынок.

– Кто же эти люди, которых вы, Василий Егорович, назвали серьезными связями Сталевара? Не секрет?

– Секрет, – усмехнулся генерал, – Но не для тебя. Эта информация станет отправной точкой для твоей работы.

– Я слушаю.

– О, слушать придется недолго. На самом деле мы знаем только то, что Сталевар напрямую связан и координирует свои действия со строго определенным кругом авторитетных в криминальной среде лиц. Так называемыми «ворами в законе». Одним из наиболее вероятных союзников из этого числа сведущие люди называют Сазона Прямого. Есть такой лидер из криминалитета Сибирского региона. Думаю, что завязавшиеся отношения между ними Сталевар планирует вскоре перевести на другой качественный уровень. Конечно, в разработке не только этот самый Сазон. Конечно же, есть и другие. Затяжное Сталеваром дело настолько

громоздко, что просто обязано иметь не один вариант развития процесса. Возможно, даже, что здесь десятком кандидатур не обойдется. Но... Определенных зацепок и конкретных оперативных данных нет ни на кого. В этом направлении поле, как говорится, не пахано.

– Вы предлагаете мне внедриться в его окружение?

– Если честно, я бы этого не хотел. Чревато. Выполнение задания при нахождении среди окружения Сазона представляется мне чрезвычайно тяжелым. Что ни говори, но для этого нужно сперва основательно проникнуться спецификой этой братвы и стать на голову умнее и прозорливее самых пронирыливых из них. Это опыт, который наживается далеко не сразу, и требует максимума внимательности и терпения. Другое дело, если попытаться проникнуть в окружение другого, не менее авторитетного лица. Я говорю о некоем Козине.

– Чем он лучше Сазона? Наверное, такой же матерый бандит.

– Не торопись с аналогиями. Козин, насколько известно после анализа первичных данных, действительно бандит. Серьезная личность, требующая трепетного подхода в разработке. Однако, на самом деле, эта фигура не принадлежит к уголовному миру.

– Это как понять? Бандит, не относящийся к бандитам?

– Можно и так сказать, если утрировать, – слегка поморщился Угрюмов, – Андрей Силантьевич Козин, как фигура, способная оказать влияние на ход политических событий, появился совсем недавно. Всего год или два назад. Загадочно появился. Так, что и концов, то бишь истоков этого происхождения, не нашли. Однако, будто взявшись «из ниоткуда», он быстро набрал силу, заставив с собой считаться всех прежних авторитетов.

Собеседник выглядел несколько озадаченным.

– А это вообще возможно? – осторожно поинтересовался он, – То есть, если судить из доступного мне уложения воровских понятий, такое явление авторитетного лица...

– Ты прав, сынок, – согласно кивнул генерал, – Поэтому, несмотря на всю свою силу и мощь, фигура Козина хоть и стала чувствовать себя в Сибирском регионе весьма вольготно, но так и не стала для маститых урок своей. Козин держится на отшибе. Или, если сказать иначе, где-то между уголовниками и теми, кто держит власть. Этакое промежуточное звено.

– Занятно.

– Еще бы, – продолжил Василий Егорович, – К тому же очень удобно для того, кто хотел бы использовать силу уголовного мира в своих корыстных интересах. Этакое передаточное звено в его истинном выражении. Исходя из упомянутых соображений, я и порекомендовал бы тебе двигаться именно в этом направлении. Вполне вероятно, что все-таки именно Козин сейчас является наипервейшим контактом искомого нами Сталевара и тем лицом, через которого тот оказывает влияние на настроения и планы криминалитета. По крайней мере, это выглядит логично.

– Точных данных нет?

– Точными данными, к сожалению, – поджал губы Угрюмов, – Оперативные службы не располагают. Вся информация вилами по воде писана. А персону Сталевара и вовсе можно отнести к мифическим персонажам. Он где-то витает, но пока на недоступной нам высоте. Главная задача – вывести его на чистую воду, определить как личность, выяснить местонахождение и затем так прижать к ногтю, чтобы кишки наружу выплеснуть. Чует моя душа, что в череде последних политических событий, планомерно сталкивающих Россию-матушку к хаосу, без его участия не обошлось.

– Мне ясна ваша затея, – кивнул молодой человек, – Теперь ясна. Остались детали.

– Да, – согласился генерал, – Но их немного.

Он протянул руку в портфель и вынул из него пухлую коричневую картонную папку, заботливо перевязанную зеленоватым шнурком. Подержал на ладони перед собеседником, прежде чем протянуть ему. Словно еще сомневался, правильный ли выбор сделал, доверив молодому человеку такое ответственное дело.

– Здесь все, – произнес он глухо, в упор, глядя совсем не по-стариковски внимательным взглядом, – Все, что накопили оперативные службы. Начиная с момента расстрела вашей семьи. Некоторые документы будет больно читать. Однако прошу это сделать во благо нашего общего дела. Может быть, меня подвело мое стариковское чутье, и я не сумел заметить чего-либо важного.

– Я почитаю, – пообещал собеседник, пряча папку в аляповатую спортивную сумку, висящую у него на плече, – Обещаю быть внимательным. Это все?

– Нет, не все, – Угрюмов полез в карман и вынул из него небольшой сверток, – Здесь сумма денег на первое время и твои новые документы. Сделаны частным образом через официальные каналы. Они совершенно настоящие. Паспорт, водительские права. Даже трудовая книжка. Ты теперь у нас Глеб Куликов. И по документам, и по внешности. Детдомовец и некогда известная личность среди местной гопоты Вологды. От этого будешь, так сказать, плясать. Я позаботился о том, чтобы твоя новая фамилия ни единого раза не мелькнула для оперативных служб. Ни в одном из архивов правоохранительных структур, кроме как в паспортном столе по месту твоей новой прописки ее, то бишь фамилии, нет. Больше того, я позаботился о том, чтобы твоих новых установочных данных в письменном виде не осталось даже у меня. Эту информацию, как и многое, самое важное, я собираюсь держать только в своей голове. Такие предосторожности необходимы, если ты теперь станешь новым автономным игроком на поле той большой игры, что затеял и разыгрывает Сталевар.

– Полностью автономным?

– Безусловно, – генерал достал из внутреннего кармана пиджака записную книжку, по закладке нашел нужное место и вырвал из нее листок, – Здесь я записал для тебя частоту, на которой тебе нужно будет выходить в эфир. Частота была предназначена для нужд резидентуры внешней разведки, сейчас используется мало, однако регулярно прослушивается. Твой позывной – Кречет. На случай, если частоту станет прослушивать кто-то из посторонних, ты будешь использовать смысловой словарный шифр, образец которого я вложил в папку. Разобрать его несложно, но потребуются время и специальные навыки. В любом случае, сообщай только общую информацию. О чем-либо конкретном мы сможем договориться при личном контакте.

– Это будет возможно?

– Это необходимо, – кивнул генерал, – Однако, перечень подобных мест будет неизменным, и известным только нам двоим. В папке найдешь листочек и с таким списком. Но, прошу, избавься от него сразу же, как только запомнишь наизусть.

– Ясно. Будут еще рекомендации и указания?

Генерал вздохнул и полез в карман. Затем, достав аккуратно сложенный вчетверо носовой платок, промокнул им вспотевший лоб.

– Указаний я тебе теперь давать не вправе. Только одна рекомендация. Будь осторожен. Верить никому нельзя. То место, где ты сейчас обитаешь, смени. Опасайся «хвоста». Я не удивлюсь, если за мной сейчас ведется слежка. Слишком много я маячил перед глазами у тех, перед кем не следовало.

Молодой человек задумчиво опустил взор вниз, на сверток с документами, который сжимал в руке.

– Значит, – произнес он, улыбнувшись улыбкой знакомой теперь, наверное, только Василию Егоровичу, – Глеб Куликов? Вы у меня останетесь основным контактом?

– И пока единственным, – подтвердил генерал, – До тех самых пор, пока я не подберу надежного человека. Когда это произойдет, я сообщу тебе и лично представлю новый доверенный контакт. Лишний человек в окружении может провалить все дело.

– Понял, – блеснул глазами в ответ собеседник, – Расходимся?

– Да, – подтвердил Угрюмов, – Пора. Мы слишком долго находимся вдвоем на этом месте. Основное я до тебя довел. Остальное найдешь в папке. Бывай, сынок. И не забудь проверить, когда станешь уходить к месту твоего нынешнего места проживания.

– Проверюсь, – отозвался собеседник и, удобнее перехватив лямку висящей на плече сумки, быстро направился с набережной прочь.

Угрюмов, переборов желание посмотреть тому вслед, тяжело вздохнул и пространно уставился на рябь водной глади.

—

Одна полутемная арка отделяла его от двора, в котором он прожил без малого четверть века. За ней еще три десятка шагов до подъезда, недолгий подъем по лестнице на третий этаж, и, повернув налево, он упрется в обитую кожзамом входную квартирную дверь. За этой дверью ждет его супруга, теплые тапочки и тарелка горячего куриного супа, в которой плавают горсть ржаных сухариков. В общем, обыкновенный быт, который становится особенно дорогим именно на склоне лет. Наверное, потому, что год от года, потом весь окружающий мир для стариков постепенно начнет сужаться соразмерно убывающим физическим возможностям, пока не сосредоточится весь в этом внутриквартирном быте. Потом, когда это произойдет, останется только вести безуспешную борьбу с застарелыми болячками, да вспоминать тех, кого некогда потерял.

– Здравствуйте, Василий Егорович, – голос застиг его уже тогда, когда он вошел под сень арки, – Давненько не виделись.

Остановившись в полушаге, Угрюмов обернулся и смерил взглядом полутемный силуэт человека, вышедшего ему навстречу.

– Здравствуйте, Скоробеев, – сухо отозвался он, настороженно изучая лицо явно поджидавшего его оперативника, – Какими судьбами?

Мужчина остановился в пяти шагах, с невозмутимым видом хозяина положения разглядывая пожилого человека.

– А у вас неплохая память для пенсионера, товарищ отставной генерал. Не думал, что вспомните.

Хохоток Скоробееву не удался. Натянутый, наигранный. Явно не под стать психическому настрою. Как и положение рук, судорожно засунутых в карманы короткой ветровки. Можно поклясться в том, что из одного кармана сквозь ткань просматривается дуло компактного пистолета. Возможно «браунинга». Стандартная ситуация для дешевого детектива.

– Память у меня профессиональная, – холодно ответил Василий Егорович, – Склероз пока меня посещением не удостоил. Я помню всех, с кем работал, даже молодых лейтенантов.

– Теперь я капитан, – поправил Скоробеев.

– Не важно, – отрезал Угрюмов, – Кто вас послал за мной следить?

– А с чего вы взяли?

– С того, что этого молодчика я уже срисовал трижды, пока шел сюда от метро, – кивнул генерал в сторону рослого мужчины спортивного телосложения, вынырнувшего из проема арки следом за ним и остановившегося сзади, явно закрывая отход назад.

Взгляд Скоробеева, обернувшийся к только что упомянутому человеку, приобрел вопросительный оттенок. Сомневаться не приходилось – это был его агент.

– Что? – коротко спросил капитан «топтуна».

– Не сумели, – отрывисто сообщил тот, – Явные навыки. Запутал следы и сбросил «хвост»

Огонек тихой радости согрел стариковскую грудь. Все-таки не зря он приложил столько сил, не зря дал такую выучку Кречету. Судя по раздраженному тону разведчика слезки, тот ушел от них играючи. Потенциал у мальчишки явно есть.

– Кто это был? – поинтересовался у Угрюмова Скоробеев, снова сфокусировавшись на нем.

– Где? – разыгрывая из себя тупицу, недоуменно отозвался генерал.

– Полно вам, Василий Егорович, – укоризненно заметил на это капитан, – Не поверю. Мы ведь с вами только что убедились в вашей адекватности. Мне кажется, что ответить правдиво будет сейчас в ваших интересах. Сами понимаете, шуток шутить никто не станет. Не намерены.

– Понимаю, – презрительный прищур собрал морщинки вокруг глаз Угрюмова в характерные «лучики», – Болезненный интерес тех, кому я перешел дорогу ведет к тому, что из меня постараются вытрясти всю ведомую мне информацию. Вместе с душой, если потребуется. Подскажите мне, если я не прав.

Стоящая напротив фигура собеседника не шелохнулась. Такая поза, очевидно, должна была придать ситуации большее значение и драматизм. Устаревшие методы, повторяемые лишь непрофессиональными тупицами.

– Что ж, – Василий Егорович усмехнулся, – Это не новость. Многие на протяжении моей жизни и службы хотели того же. Пытались добиться этой цели разными способами. Правда раньше, если припомнить, и набор методов сводился больше к психологическому давлению и шантажу, а то и к прямому мордобою. Сейчас все изменилось. Способы добывания информации стали изощреннее. Стали такими, что часто обходят стороной волю носителя интересующих сведений. Сыворотки правды и все такое...

– Много слов, товарищ генерал, – фигура Скоробеева угрожающе двинулась ближе.

– Это стариковское, – устало махнул рукой Угрюмов, – А может, просто захотелось пофилософствовать... перед смертью.

Он предупредил дальнейшие действия пришедших за ним людей, запоздало спохватившихся и попытавшихся предотвратить то, что должно было произойти через мгновение. Тело, как оно это делало уже сотни раз в пиковых ситуациях, автоматически привело в действие группу нужных мышц, изогнулось и изменило положение, предупреждая бросок «мордороты», кинувшегося из-за спины. Рука генерала перехватила запястье и, согласно технике айкидо, используя кинематику противника, вывела того к потере равновесия, а затем отправила в беспорядочный кувырок.

– Не делайте глупостей, Василий Егоро...

Он не дослушал этот выкрик до конца, занятый тем, на что только что выгадал несколько секунд. В конце концов, он ведь просто пожилой человек со стариковскими рефлексам и подточенным здоровьем. Ему бы долго не выстоять против тренированных оперативников. Другое дело Кречет... Генерал притянул ко рту край своего воротника и, нащупав зубами едва различимую выпуклость, с силой прикусил ее, вкладывая в этот прикус весь остаток боевого пыла. Еле слышимый треск расколотой капсулы, незнакомый химический привкус во рту...

– Идиот! – донеслось до его слабеющего слуха, – Я же дал тебе сигнал блокировать его! Что же мы теперь скажем!

«А ничего! – с чувством мстительного удовольствия успел подумать Угрюмов, цепляясь за ускользящее сознание, – Вы остались с носом. Самонадеянные недоучки, надумавшие получить информацию от матерого... она останется для вас недоступной... навсегда...»

Он еще успел подумать о нескольких вещах, прежде чем его сознание полностью кануло в той пучине, которую называют небытием. Успел пожалеть о старой верной супруге, которой теперь в одиночку суждено провести остаток жизни. Порадовался тому, что его последний «птенец», его выкормыш, начнет свою деятельность в относительной безопасности. Он надежно прикрыл ему тыл. Жаль, что не успел подготовить дублирующего координатора вместо себя. Теперь, Кречет отправлен в полностью самостоятельный полет...

Капитан Скоробеев подошел ближе, внимательно наблюдая за агонией старика. На удивление, она началась очень быстро и уже заканчивалась. Всего несколько секунд. Похоже на

специальный яд, изготовленный в лабораториях спецслужб. Чтобы у агента всегда оставалась возможность тихо и безболезненно уйти в мир иной, избежав худшей участи. В любом случае, здесь он ничего поделать не мог. Да и противоядия от подобных препаратов, как правило, не существует.

– Старый козел! – злобно прошипел в стороне посрамленный агент, так и не сумевший исполнить последний приказ командира.

Поднявшись с земли, потирая явно ушибленное плечо, тот подошел к лежащему старику и с силой пнул его в бок. От удара тело Угрюмова колыхнулось и раскинуло конечности.

– Пулю бы ему в башку для верности, – мстительно добавил агент, поворачиваясь к Скоробееву.

– Ему теперь от этого ни жарко, ни холодно, – пожал плечами капитан, – Да и зачем? Следов яда при вскрытии, как водится, не найдут. Причиной смерти запишут сердечный приступ. Зачем приводить патологоанатомов в замешательство какой-то там пулей? Глуп, ты, Сеня. Непроходимо глуп. И как тебя в органы только взяли? Пошли отсюда.

Он в последний раз взглянул в спокойное лицо умершего, а затем, аккуратно обойдя его стороной, направился прочь из арки.

Глава 2.

Москва. Яков Сергеевич Соболев. Июль 1992 года.

Майор Соболев всем своим видом выражал неудовольствие. С самого утра, а точнее с тех самых пор, как на рабочий стол легла обобщенная сводка происшествий и преступлений в сфере зональной деятельности его отдела за отчетный период. Если судить по этой сводке (а так и сделают те, кто оценивает их работу «наверху»), то сработал отдел из рук вон плохо.

«Что же творится-то? – озадаченно ломал голову майор, раз за разом просматривая цифровые данные, – За последнюю декаду ни одна крупная из запланированных операций не увенчалась успехом. В «сети» попала только мелкая рыбешка. Шушера. До серьезных «клиентов» добраться так и не удалось.

Пробежав цифры в последний раз, Яков Сергеевич снова застыл за столом в задумчиво-напряженной позе. Потом выпрямился и ожесточенно потер ладонями небритые скулы. Он уже две ночи не ночевал дома, окончательно обжив неуютный гулкий кабинет. Ладно, хоть, выручал пока старенький неуклюжий диванчик, оставленный ему кем-то из предшественников. Пусть неудобное, но все-таки ложе.

«И, тем не менее, – снова вернулся к проблеме майор, – Как же так получилось, что из десятка запланированных оперативно-розыскных мероприятий провалились именно те, которые касались больших денег и «больших пацанов»? Словно в издевку, а может для проформы, дабы показать, хоть какую-то работу отдела, привлечены к ответственности, лишь мелкие дилеры и какая-то «левая братва».

На должность начальника отдела по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков Соболева назначили всего пару месяцев назад. Прежний здешний начальник, являвшийся, по слухам, чьим-то протеже из главка, пробыл на должности недолго. Ровно для того, чтобы дожидаться другого, более выгодного назначения. Получив его, он скорострительно убыл в неизвестном направлении, даже не передав, как подобает, дела своему преемнику. Точнее сказать, преемника-то, на тот момент как раз и не было. Так иногда случалось в ситуациях, продиктованных меркантильными местническими интересами. Соболев, не первый год находившийся на государственной службе, об этом знал не понаслышке и, соответственно, не удивлялся. Обычная внутриведомственная крысиная возня, подогретая жаждой власти и более высоких должностных окладов. В конце концов, ему, попавшему на место начальника отдела только по случайному стечению обстоятельств, пенять особо не на что. Что ни говори, а засиделся майор Соболев на должности старшего опера.

Назначение для Якова Сергеевича получилось неожиданным. Почти спонтанным. Привычно занимаясь рутинной розыскной работой, майор никак не мог предположить, что выбор руководства при определении подходящего человека на столь неожиданно появившуюся руководящую вакансию, падет именно на него. Соболев, по своему характеру никогда не искавший поддержки у вышестоящего начальства и не умевший заискивать перед ним ради собственной выгоды, этого не ожидал. Не та натура. Яков Сергеевич умел работать с большой самоотдачей, мог сутками пропадать в разъездах, засадах и на обысках. Привык, как это ни печально, при необходимости дневать и ночевать в кабинете, за делами забывая о еде. Однако, даже спустя годы, так и не научился «подлизывать задницы» (как он это сам называл). А без этого элемента карьеризма, как не извращайся, ныне карьеры не сделаешь. Так что недавнее назначение «засидевшегося» оперативника следовало бы в полной мере считать подарком судьбы.

Учитывая это обстоятельство, ныне Соболев был готов вылезти из кожи вон, а доказать всем, что выбор, павший на него, оказался обоснованным. Ради сего и «зависал» на службе

сутками, сосредоточенно разгребая завалы скопившихся «неотработанных» бумаг, да планируя новые мероприятия в рамках оперативно-розыскной деятельности.

«И все же этих усилий мало, раз отдел сработал на «неуд», – подумал Яков Сергеевич, – Сейчас, пока я только еще обживаюсь на новой должности, на это закроют глаза, но потом... потом обязательно ткнут носом в дерьмо.

Разгребать упомянутые завалы и расхлебывать упомянутое дерьмо придется уже сейчас. Никуда не денешься. Нужно только преодолеть органическое отвращение к тому, в чем придется копаться. А копаться, ни больше, ни меньше, придется в людях. В их душах и наклонностях.

Все время, пока Соболев изучал сводку, пока раздумывал и пытал себя, ответ лежал на поверхности. Среди его людей работал «крот». А возможно и не один. Рыться придется в том контингенте сотрудников, которые, так или иначе, имеют касательство к разработке и планированию оперативных мероприятий. Утечка, вероятнее всего, идет на этой стадии, хотя... тоже не факт.

Майор тяжело вздохнул, предвкушая «перспективку». В поле наблюдения и разработки попадет не менее десятка сотрудников. И проверять придется всех до единого.

«Надо срочно подключать службу собственной безопасности, – мысль, промелькнувшая в его голове, стала результатом логической цепочки предварительных раздумий, – И подключать пока необходимо конфиденциально, используя, преимущественно, опыт личного общения. Мало ли, какие кадры сейчас обретаются в СБ. Утечка информации не исключена на любом уровне.

Он не стал долго ломать голову, ибо в структуре нужной ему службы хорошо знал только одну кандидатуру на уготованную роль заинтересованного «копателя». Капитан Кручина. Педантичный в работе, повидавший многое служака. Похвально щепетил в вопросах офицерской этики. Именно его он подключит к делу. Пусть исподволь собирает информацию и анализирует данные.

Утвердившись в решении, Яков Сергеевич встал со своего стула, а затем и вовсе вышел из-за стола. Затекшие от вынужденной позы мышцы требовали движения. К тому же... Мелькнувшее в голове соображение заставило его в ускоренном темпе покинуть кабинет. Благо идти недалеко.

– Семен, я могу оторвать тебя от дел? – произнес он с внимательной осторожностью заинтересованного человека, через пять минут просунув голову в слегка приоткрытую дверь кабинета начальника службы технического обеспечения.

Сидевший вполоборота к Соболеву за письменным столом человек в форме капитана милиции поднял голову и сфокусировал на нем рассеянный посторонний взгляд.

– Яков? – спросил он, ощутимо вкладывая в произнесенное имя немой вопрос.

– Если у начальника отдела технического обеспечения найдется для меня минутка, то я буду весьма благодарен.

– Проходи, – так же лаконично согласился на его предложение Семен и долгим взглядом проводил фигуру визитера, усаживающегося на одном из боковых стульев.

Семена Васильевича Лежнева, несмотря на относительно молодой возраст, исчислявшийся двадцатью восемью годами, Соболев уважал. И не за здоровый карьеризм, удивительно гармонично сочетавшийся в этом случае с высоким умственным потенциалом, что вылилось, как разумное следствие, в капитанский чин и должность начальника отдела. Яков Сергеевич отмечал Семена за его уникально аналитический ум, позволявший ему интересоваться абсолютно всем и, что уже совсем удивительно, также и быть во многих областях действительным знатоком. Находясь, в общем-то, на не особо пыльной «работенке» технаря, Лежнев умудрялся находиться на таком перекрестии разных внутриведомственных направлений работы, и часто был в курсе того, о чем не знали многие руководители этих самых направлений. Помимо выше-

указанного, этот кладезь разнообразной информации еще обладал специфическим набором необходимых знаний, позволявшим ему время от времени давать коллегам уникально полезные советы.

– С чем пришел? – все так же коротко поинтересовался Лежнев, наконец оторвавшись от каких-то, ведомых только ему раздумий.

Соболев выложил перед товарищем листы с цифрами итоговых сводок и замер в ожидании. Знал, что тому требовалось время для того, чтобы переварить новую информацию.

– Негусто, – через пять минут сделал вывод Семен и, отодвинув от себя машинописные листки, возрился на собеседника глубоким взглядом, – И что же ты от меня теперь хочешь?

– А ты обрати внимание на документ в целом, – подал реплику Яков Сергеевич, – Видишь? Там присутствует странная закономерность.

Лежнев засопел, наново пересматривая сводку, затем поднял глаза.

– Вижу, – согласился он, – Прослеживается четко. Думаешь, что кто-то из наших?

– Уверен, – заявил Соболев с уверенностью в голосе, – Больше некому.

– Ай-яй-яй! – крутанул головой Семен, – А контингент велик. Трудновато будет охватить. Что думаешь делать?

Яков Сергеевич поджал губы в глубокой задумчивости. Потом в сердцах ударил кулаком по столу. Перспектива разгребать все это ему «не улыбалась», но деваться некуда.

– А черт его знает. Думаю, нужно поставить на прослушку все служебные и домашние телефоны подозреваемых. Это я решаю. Через месяцок – другой все, глядишь, и прояснится.

– Маловато, – покачал головой Лежнев, – С «прослушкой» я тебе помогу, но, возможно, особых результатов это не даст. Пятьдесят на пятьдесят. Наши сотрудники тоже не лыком шиты. Все профессионалы. А организовать явочную систему контактирования совсем несложно.

– А что, на твой взгляд, – прищурился на собеседника Соболев, – Какие еще способы экстренной и рабочей связи может использовать наш «крот»?

Лежнев улыбнулся. Уж на эту-то тему он мог бы прочитать целую лекцию.

– На самом деле, Яша, вариантов уйма, – Семен откинулся на стуле и принял профессорский вид, явно сев на своего «конька», – Начиная с простой телефонной связи и телеграфа до голубиной почты и уличных тайников для корреспонденции. Перечень этот постоянно расширяется за счет научно-технического прогресса и постепенного удешевления ныне дорогих видов связи. Допустим, если сейчас на территории нашей страны мобильная связь очень дорога и ее пользователи, как правило, люди состоятельные либо облаченные полномочиями государственной власти, то лет через пять, возможно, пользоваться ею станут все кому не лень. То же самое я мог бы сказать и о компьютерных технологиях...

– Стоп! – слегка притормозил излияния товарища Соболев, – Меня пока не волнует то, чем мы будем пользоваться через пять лет. Меня интересуют возможности «крота» на нынешний момент времени. Я более чем уверен, что пустить за всеми подозреваемыми «нарушку» мне никто не позволит. Слишком уж большая трата сил и средств. Остается «прослушка».

– Можешь попробовать прослушивать радиочастотный спектр, используемый нашими средствами связи. Не нужно иметь семи пядей во лбу и университетского образования для того, чтобы научиться профессионально пользоваться радиопередатчиком. Используй заранее оговоренный словесный шифр, и все.

– Словесный шифр можно использовать и по телефонной связи.

– Можно, – согласился Семен, – Однако у этого способа связи очень большой недостаток – легко проследить абонента. В случае ведения радиопереговоров, даже если кто-то посторонний сумеет перехватить обмен информацией, то он в лучшем случае сумеет определить приблизительное место, откуда ведется передача. Для точного же определения отправителя подобных сообщений потребуется целый арсенал специальных мероприятий.

– Если исходить из твоих соображений, – майор Соболев попытался продолжить цепь предположений и ассоциаций, запущенную собеседником, – То данный вид связи очень активно используется до сих пор.

Лежнев ухмыльнулся, поняв, что произвел впечатление.

– Используется, – не сдержал он легкий хохоток, – Очень активно и на протяжении всего столетия. Ты не знал этого, товарищ майор? Я скажу тебе больше. Существует целая служба радионаблюдения, сутками напролет ведущая прослушивание спектра всех использующихся радиочастот. В нашем ведомстве она как-то не особенно развита, однако коллеги из конторы госбезопасности с прослушки эфира не слезают ни днем, ни ночью. Безопасность страны, знаете ли...

– Я вижу, ты осведомлен...

– Так, – пожал плечами Лежнев, – В теме по роду службы. Общаюсь со специалистами и в курсе последних веяний. Я правильно понял, что ты хочешь организовать подобные изыскания?

– А чем черт не шутит, когда бог спит, – в тон ему ответил Яков Сергеевич, – Хотя бы для очистки совести. Может быть, и накопается что-либо загадочное.

– Каков по твоим предположениям временной срок деятельности «крота»?

– Не знаю. Предполагаю, что лет этак с пяток. А что? – внимательный взор Соболева скользнул по физиономии Лежнева, – Это был не праздный вопрос? Есть что-то такое, что не вписывается в обычные рамки?

– Есть, – кивнул тот, – Я не знаю, правда, насколько эта информация близка к твоему делу, но... Коллеги не так давно подкинули одну загадку, разгадать которую так и не смогли на протяжении пяти, а, то и более лет...

– Временной интервал подходит. А поподробнее?

– Службой технической разведки перехвачено не менее пяти одиночных сообщений на частоте, некогда использовавшейся службой внешней разведки. Частота резервная и используется крайне редко. Было бы чертовски интересно, если бы мы с тобой, по случаю, разгадали отправителя этих сообщений.

– Интересно, – протянул Соболев, – И о чем же шла речь в этих сообщениях? Я могу об этом узнать?

– Отчего же нет? – с заговорщицким видом почесал нос – пуговку Семен, – У тебя, как и у любого оперативника, есть допуск к сведениям подобного рода. Коли пожелаешь, могу тебя посвятить в подробности этой загадки прямо сейчас.

– Давай, – Соболев даже заелозил на месте от нетерпения.

Не став более испытывать терпение майора, Лежнев склонился к тумбе письменного стола и выудил из нижнего ящика тоненькую картонную папочку.

– Вот, – коротко проинформировал он, передав ее Якову Сергеевичу, – Читай.

Соболев послушно придвинул к себе папочку и, привычно раскрыв ее, воззрился на гербовую бумагу с надписями «секретно». Это была ксерокопия. Ниже, под «шапкой» откопированного документа лист оказался разграфлен на несколько полей, в каждом из которых можно было прочесть по одному сообщению.

«18 ноября 1990 года, 20 часов 10 минут, – прочитал майор первое из них, – Кречет Доктору. Адаптация завершена. Приступаю к функционированию».

Он прочел это сообщение снова и внимательнее, однако ничего нового, кроме информационных сносков, указывающих на частоту радиосигнала, более ничего не нашел.

– Занятно, – пробормотал он, – Настоящие псевдонимы. Особого метода зашифровки информации нет, однако и нет никаких конкретных указаний на людей и места пребывания. Как будто они оговорены заранее. Просто и надежно. Если не перехитрить абонента, то и саму

личность вычислить не удастся никогда. Тем паче, что периодичность-то, не чаще раза в один год.

– Передача рассчитана на то, что будет записана и прослушана при случае, – подал реплику «по ходу пьесы» Лежнев, – Ответа, как я понял, отправитель не требовал ни разу. Просто передача общей информации о ходе деятельности. Либо этот неизвестный агент работает в полной изоляции, либо у него с резидентом функционирует еще один налаженный канал связи.

– Как-то больше похоже на первое, – пробормотал Яков Сергеевич, рассматривая следующую запись, – Слушай. «Кречет Доктору. Начат подготовительный этап операции внедрения. Тщательно прорабатываю легенду. Функционирование проходит без накладок. Отсутствует предметная информация по объекту за последнее время. Требуется информативная база. Жду по возможности». Это сообщение перехвачено в конце девяносто первого. Судя по нему, запущен автономный агент, работающий под прикрытием. Только кто и куда его заслал, вот вопрос?!

– Точно, – подхватил Семен, – Вполне возможно, что этим агентом может оказаться и твой «крот».

– Если посудить, то вполне, – был вынужден согласиться Соболев, – Если проанализировать кадровый состав отдела, то он почти целиком имеет стаж не менее чем десяток годков. Но это еще, ни о чем не говорит. В то время много мутили. И в политике, и вообще. Кто во что горазд. Если помнишь, даже до путчей доходило. Вполне может оказаться, что это кто-то из засекреченных сотрудников, работающих от госконторы.

– Вряд ли, – со скепсисом отозвался Лежнев, – Я интересовался этим вопросом и пробиравал по каналам всех родственных структур. Конечно, без каких-либо подробностей. Так, для очистки совести. Мне однозначно ответили, что вариант с нашим агентом в данном случае отмечен. Ни одной разработки с агентом, носящим оперативный псевдоним «Кречет» не было, и нет до сегодняшнего момента. Это явно кто-то левый.

– Занятно, – без определенного выражения произнес Яков Сергеевич, – Рыбка запущена в мутную водичку, а тот, кто это сделал, остался инкогнито. Я думал, что у спецслужб возможностей поболее.

– Они тоже не боги. Попробуй, держи под контролем страну, которую раздирает на части свора политиков. Мы с тобой, например, до сих пор считаем территорию бывшего Советского Союза своей, в то время как на самом деле, ее уже давно поделили эти самые политики. Поди, теперь, найди крайнего.

– Вот это-то, как раз, сделать и нетрудно, – не согласился майор Соболев, – Было бы желание. Но, перекинувшись на политические хлеба, мы слегка выбились из русла беседы. А смысл ее состоит в том, как нам лучше вычислить «крота» в моем отделе.

– И не причастен ли к деятельности этого «крота» загадочный Кречет, – подхватил Семен, – Слишком уж непонятна подборка этих странных сообщений.

– У него, кстати, прослеживается период молчания протяженностью почти в два года, – произнес Яков Сергеевич, продолжая взгляды в лист бумаги. После второго сообщения он, как раз, и «выпал». Зато после этого перерыва сообщения стали поступать с равной периодичностью в год.

– Было, – утвердительно кивнул его собеседник, – Однако эти последующие сообщения повторяют друг друга один в один.

Соболев вчитался.

– Точно, – подтвердил он через минуту, – «Функционирую в фазе подготовки. Озабочен отсутствием нужной информации. Прошу корректировки. Назначаю встречу на последнее воскресенье марта». Аналогичных сообщений еще два. Все три сообщения отправлены в эфир

в декабре месяце каждого из последних трех лет. Такое впечатление, что агент потерял своего резидента и находится в затруднении.

– А может, просто намерен пустить кому-то пыль в глаза? – не разделил его убеждения Лежнев, – Автономное «плавание», вещь довольно редкая для агентов. Обычно их плотно «ведет» резидентура. Мало ли что. Может статься, что эта бумага является лишь одним, и не обязательно важным краешком какой-то большой игры. Впрочем, ... трудно судить. Эти сообщения можно с легкостью «пристегнуть» к любой «теме». Равно, как и к твоему «кроту».

– Не думаю...

– А вот прочитай то, что мне передали на этой неделе, – Лежнев, словно фокусник, приберегавший самое главное до последнего момента, протянул поднятую из кипы валявшихся на столе документов бумагу, – Или мне кажется, или слишком все похоже.

«15 июля 1993 года, – прочитал Яков Сергеевич, – Кречет Доктору. Акция внедрения завершилась с благоприятным исходом. Приступаю к разработке объекта под кодовым именем «Цветовод». Имеющиеся данные на объект уточнены путем личных изысканий. Результат удовлетворительный, однако, все равно требуется корректировка. Требую осуществить встречу в установленное число установленного месяца. Место для встречи оговорено. Подойдет вариант №1. Для утверждения randevu прошу дать условный сигнал».

– И что? – недоуменно протянул Соболев, подняв на собеседника глаза, – При чем здесь мой отдел?

Лежнев в ответ только пожал плечами.

– А почему нет? – высказался он, – Языковой шифр может скрывать в зашифрованном сообщении любой смысл. А он там явно есть. Между строк там явно информации гораздо больше. А название «Цветовод» навевает определенные ассоциации. Со сбытом наркоты, например. Поройся, может чего и нароешь. А вообще, я даже не знаю, куда мне эту информацию девать. Она вроде бы есть, а вроде бы и не к чему. Обидно за попусту затраченное время.

– Понятно, – подвел черту в разговоре Соболев и начал подниматься со стула, – Ну, я, наверное, пойду.

– Куда ты? – Лежнев явно не ожидал такого быстрого окончания прений, – И что тебе понятно?

– А ни черта не понятно, – в сердцах буркнул Яков Сергеевич, – Пока много слов, а все без толку. Пойду работать, пока не затянуло. Нужно будет предпринять что-либо конкретное в этом направлении. Может тогда толк будет.

– А эти сообщения?

Майор Соболев поджал губы.

– Если этот «агент» отзовется на те действия, которые я стану предпринимать, и отразит все в своих сообщениях, то тогда я смогу с большей долей достоверности утверждать, что он и есть «крот», либо его сообщник. Пока же, эта подборка для меня какой-то оперативной ценности не представляет.

Высказавшись, Яков Сергеевич обернулся в сторону выхода.

– Постой, – прозвучавший за спиной голос Лежнева показался ему сконфуженным, – Ну... не знаю, ...возьми эти бумаги себе. Может все-таки пригодятся.

– Ладно, давай, – желая побыстрее отделаться от разговора, не принесшего ему ничего полезного, Соболев протянул руку и принял от товарища корреспонденцию, содержащую сообщения загадочного «Кречета», – Авось чудеса на свете случаются.

Глубоко сомневаясь в нужности этих документов, майор, тем не менее, добросовестно вложил листки в папку, прежде чем покинул кабинет.

Глава 3. Пермская тюрьма. Февраль 1995 года.

Сержант внутренних войск Петров втайне всегда мечтал стать каким-нибудь супергероем. Или, по крайней мере, стать хоть немного похожим на героев многочисленных западных боевиков, в последние лет шесть-семь прямо-таки заполонивших экраны кинотеатров и телевизоров, а также проживших короткую жизнь видеосалонов. Там они, рослые, холеные, играющие прокаченными мускулами, в капусту крошили орды всевозможных врагов, скрашивая этот увлекательный процесс скупыми прямолинейными остротами. Илья Петров, несмотря на все свои потуги, никогда бы не дотянул даже до приблизительно похожего уровня. Он попусту тратил время в доморощенных школьных «качалках», ради собственного престижа ходил на секцию карате, потел над атлетическими комплексами, вычитанными в журнале «Здоровье». Однако всех этих усилий явно не хватало для того, чтобы кардинально переформировать физические данные рослого увальня, склонного к грузности и, временами, даже к полноте. К своим девятнадцати годам он и вовсе заслужил у сверстников неблагозвучную, уязвляющую самолюбие кличку «Кругляш».

Положа руку на сердце, может это и подвигло паренька с городской окраины на то, чтобы изъявить желание служить во внутренних войсках. Пусть, они и не пользовались особой популярностью среди простого народа. Зато, погоны, выслуга лет и все такое. А главное, что наличие формы давало молодому человеку хоть какую-то иллюзию своей значимости, и в смелых мыслях, пусть «на чуть-чуть», но приближало к тем, кто смотрел на него с афиш и рекламных постеров.

Впрочем, как ни крути, а это самообман. Обычное самовнушение маленькой человеческой козявки, не отличающейся возможностями, но мечтающей об орлином полете. Не владеющий высшим образованием, давшим бы ему возможность получить офицерский чин, наделенный обычным набором мужских недостатков, в число которых можно зачесть и алкоголь, Петров прозябал здесь, в серых тюремных коридорах одного из казенных учреждений города Перми безо всякой надежды на скорый карьерный рост и регалии. Прозябал, если учитывать срочную службу, без малого пять лет.

Утро не задалось. Наверное, так сегодня расположились звезды. Вздохнув своим невеселым мыслям, сержант поднялся со скамьи в комнате для охраны, где осоловело клевал носом последние пятнадцать минут, и направился на обход своего участка.

«Опять эти облупленные металлические двери, отвратный запах нечистот и грязных немых тел, – мысленно посетовал он, хотя в глубине души отдавал себе отчет в том, что уже давно привык к этому.

Там, за этими бронированными дверьми, длинной чередой уходящими по обе стороны тюремного коридора, шла своя жизнь. Пусть и извращенная, грязная, но, тем не менее, со своими страстями и личностями. Закон волчьей стаи. Здесь выживал сильнейший. И, наверное, хитрейший. Кто не имел сильных черт в характере – неминуемо опускался на дно тюремного сообщества. Слабых топтали, помыкали ими, удовлетворяли с их помощью свою похоть. Заглядывая через смотровые окошки внутрь камер, Петров уже привык видеть «опущенных», которые покорно подтирали заплесанный пол и стирали носки для сидящей в камере «братвы».

Нет, сам сержант в тюрьму попасть бы не хотел. Насмотрелся досыта на тамошний быт. Хотя, признаться, отчаянно завидовал отпетым сорвиголовам, обитающим сейчас на воле. Самая середина девяностых годов двадцатого столетия. Время вольготной жизни для всякого рода бандитов. Джентльмены удачи, мать твою! Сержант сплюнул под ноги, но облегчения не ощутил. Там, на воле, уркам жилось неплохо. Власти, занятые собой, не донимали, заман-

чивых перспектив, хоть отбавляй. Щипай себе новорожденный класс «буржуев», да прогуливай изъятые у них «бабло» в кабаках с развратными девками. Красота! А повезет, возьмешь большой куш и сам заделаешься одним из этих... «новых русских». Вон, только посмотри по газетам и телевидению. Везде уголовный элемент лезет, рвется к власти. Любими путями. Знают, где кормушка-то. Половина депутатов, наверное, с темным прошлым. Добудут тепленькое местечко и отламывают себе понемногу от государственного пирога.

С подобными отвлеченными мыслями сержант вразвалочку двинулся вдоль коридора. Размеренный темп ходьбы, движения тела, выверенные до автоматизма за счет тысячекратных повторений. Остановка, рука взлетает вверх, прикладываясь к механизму открывания наблюдательного окошка в камеру. Проем открылся с легким привизгиванием, смрадно пахнув в лицо надзирателя. Петров привычно поморщился, явив брезгливую гримасу, однако, как и полагалось ему по служебной инструкции, внимательно осмотрел помещение. Ничего особенного – обычный тюремный контингент. Матерые урки лениво взглянули в сторону проема, среагировав на звук, а затем снова вернулись к своим делам. Лишь «угловой» засуетился, вскочил со своего места под нарами и вышел на середину помещения, угодливо улыбаясь лишенным передних зубов ртом.

– П-шел в свою нору, туловище! – прошипел ему сержант с обычным пренебрежением, – Живо!

Небрежно захлопнув проем, Петров двинулся дальше. Все, как обычно, как заведено. Все привычно для его глаз. Он заглянул еще в пару камер, но ничего интересного для себя не увидел. Да и не ожидал увидеть. Интересное, знал, находится в камере под номером триста шестнадцать, следующей по ходу маршрута его обхода. Там обитал человек, сумевший произвести впечатление на сержанта.

Таких, как тот тип, люди за глаза часто называли «волками», «волчарами», вкладывая в эти обозначения самый негативный смысл. Самая короткая и самая полная характеристика для той разномастной когорты «беспредельщиков», появившейся в период вседозволенности девяностых на просторах постсоветских государств. То были отщепенцы, для которых не существовало святого. Они могли удавить ради собственной выгоды и родную мать, а собираясь в сообщества, творили чудовищные вещи, потрясающие добропорядочное общество до конвульсивных судорог. Сержант, наслышанный о подобных вещах, внутренне содрогался, однако невольно благоговел перед «волками», добровольно лишившими себя всего человеческого.

Приблизившись к камере, сержант в том же порядке приоткрыл смотровое окошко и заглянул в него, оглядывая пространство по ту сторону двери. Ничего особенного. Камера, как камера, за исключением того, что в этой большой камере, способной вместить в себя не менее чем восьмерых арестантов, обитал всего один человек. Сейчас этот единственный постоялец камеры номер триста шестнадцать находился прямо посреди помещения, занимаясь своим обычным занятием, за которым Петров заставлял его постоянно на протяжении всего месяца, что тот находился здесь – разминал поджарое тело физическими упражнениями.

Петров вспомнил о том, как этот заключенный здесь появился и невольно качнул головой. Такие истории, как ни крути, не забываются, часто переходя в разряд тюремных баек.

«А чего удивительного, – попытался сам себе противоречить Петров, – Вон, в боевиках сплошь и рядом. Лишь бы дурь в мышцах играла...»

Отчаянно, по-мальчишески стремившийся верить в реальность кинематографического мира, где сила и удача решали все, он почему-то не хотел, не мог отдать должного тому, что наблюдал самолично от начала до конца. А между тем история действительно стоила того, чтобы на ней заострить внимание. Шутка ли, одному человеку так запросто утихомирить восьмерых рослых уроков. И это, если не считать камерной «шестерки».

На первый взгляд все начиналось так, как начиналось десятки раз до этого и, казалось, не стоило и выведенного яйца. Ситуация не выглядела какой-то особенной. Все просто – в тюрьму

этапом пришел заключенный, для которого, как знали опера из оперативных источников, кое-кто приготовил весьма «теплую» встречу. И этим «кое-кем» был ни кто иной, как Ёська Крутой, про которого только ленивый не знал, что это один из самых известных боевиков, работавших на воров в законе. Его боялись не только те, кто мог, в силу специфики своей деятельности стать объектом криминальных интересов. Боялись многие из числа находившихся рядом и считавшихся союзниками. Характер у Иосифа таков, что все могло поменяться в минуту. Тому имелись примеры. Однако, несмотря на свою известность и силу, после своего появления, «смотрящим» в тюрьме Ёська не стал. Не хватало босяцкого авторитета. Он был опытным бойцом, вожаком, жестоким бандитом, но уткой, по сути, никогда не являлся. Оттого, по воровскому закону, ему, как ни крути, оставалось играть на вторых ролях.

Как слышал краем уха сержант, в тюрьму Крутой попал благодаря некоей темной истории, о которой он распространяться среди «братвы» не хотел. Зная его нрав, залезть в душу, соответственно, никто желания не испытывал. Тюремные авторитеты, как наиболее просвещенные, знали только то, что в делах Ёське перешел дорогу кто-то из молодых «беспредельщиков». Банда молодых «отморозков» покусилась на одно из доходных предприятий некоего крупного авторитета, на которого Крутой работал. Личность этого влиятельного лица осталась сокрыта пологом тайны, зато стало доподлинно известно, что все усилия Крутого устранить обнаглевших «новоделов» ни к чему не привели. В криминальной среде ходили какие-то отрывочные слухи о том, что из-за этого противостояния в одном из городов Урала чуть было, не началась очередная война по переделу сфер бандитского влияния.

В конце концов, обошлось без массовой резни и стрельбы. Противник Крутого оказался хитрее, и просто подставил того на какой-то второстепенной «делюге», тем самым с помощью третьей силы убрав с арены назревшего противостояния. Ёська в ускоренном темпе «загремел» за решетку, а его братков, лишенных вожака, легко вынудили уступить позиции.

«Се ля ви, – равнодушно подумал сержант, вспомнив о предтечах нынешней ситуации, дошедших до его ушей слабым отголоском, – Не всегда побеждает сильнейший. Чаше, как ни крути, побеждает более изворотливый.

Естественно, что попавший на нары Крутой поклялся отомстить тому, кто, оказавшись хитрее и проворнее, организовал ему подставу. Злоба в нем выразилась тем сильнее из-за того, что после столь позорного провала тайный покровитель внезапно перестал помогать Иосифу, оставив его на произвол судьбы. Нет, Крутой, находясь в неволе, не испытывал особенных лишений. Пусть и, не являясь официально признанным уголовным авторитетом, он имел достаточный вес, чтобы полнокровно пользоваться благами воровского общака и получать все необходимое. Дело состояло несколько в ином. Отсутствие весомой поддержки с воли умаляло возможности Иосифа и, соответственно, почти сводило на нет надежду на досрочное освобождение.

Заключение, тягостное день ото дня, естественно, только распалало кровожадные желания Ёськи. Потому, наверное, он и возрадовался так, когда окольными путями все же получил с воли известие о том, что его недруг также не избежал своей участи оказаться в местах «не столь отдаленных».

История, по крайней мере, для сержанта Петрова, умолчала о том, какими путями Крутому, движимому столь вызревшими мстительными намерениями, удалось организовать и осуществить пересылку пресловутого обидчика в Пермскую тюремную обитель. Наверное, рассказ об этом, в свою очередь, также мог стать тюремной байкой. Не суть важно. Важным стало то, что уже спустя пару месяцев, въехавший в тюремный двор специализированный «автозак», вместе с партией новых «постояльцев» привез того, о ком теперь обретались все мысли Иосифа.

Постояльца звали Костя Грач. Возможно, что упомянутое имя и не являлось «родным» для этого человека, однако именно под ним он уже на протяжении пяти лет был известен на

воле среди «братвы». Под ним и заработал определенную известность. Таковую, что просмотревший по прибытию нового арестанта его «дело», тюремный опер затребовал его к себе на «задушевную» беседу. Результаты беседы, естественно, остались невыясненным, однако никак не повлияли на поведение Грача, вошедшего в камеру с высоко поднятой головой и уверенным видом.

Впрочем, по-другому вести себя в тюрьме нельзя. Нельзя показывать страх и нерешительность. Любое проявление слабости сразу будет замечено наблюдательными обитателями нар и истолковано соответствующе. Лишь знающий о таких «истинах» и сведущий в воровских «законах», зек может достойно продержаться в этой неблагоприятной среде.

И то не всякий. При определенных ситуациях, ничто не могло бы спасти арестанта, кому кто-то из заклятых врагов вынес свой приговор. В этом случае совсем не играл своей роли воровской закон, не принимались в расчет «понятия». Здесь все сводилось к звериной склоке, результаты которой, обычно, оказывались весьма предсказуемы с самого начала.

Из всего вышесказанного, естественно, проистекало, что Грачу, как ни крути, «не светило» избежать сведения счетов на невыгодных для него условиях. Тюремная практика показывала, что толпа всегда могла сломать человека, каким бы он сильным не являлся сам по себе.

«Должно быть, – подумал сержант, разглядывая сквозь проем в бронированной двери, как перекатываются под кожей обнаженного торса арестанта тугие жгуты тренированных мышц, – Сильно достал Грач нашего Ёську, если тот захотел не просто замочить его, а сперва прилюдно «опустить», чтобы каждый смог вытереть об него ноги. Это уж будет похлеще всего, что случалось в нашем заведении за все последние годы.

И все же, как показал недавний случай, не всегда толпе удастся достигнуть своей грязной цели. Даже, несмотря на то, что при последней «тасовке» заключенных «по хатам» в камеру триста шестнадцать, как на подбор, собрали самых рослых и физически развитых «быков», преданных Крутому. Осуществить задуманную Ёской и негласно одобренную тюремными авторитетами «ломку» они не смогли.

Петрову не довелось увидеть хотя бы часть этого события своими глазами. Не его это было дежурство. Он мог полагаться лишь на рассказ своего сменщика, которому, впрочем, также особо лицезреть ничего не пришлось. А все произошло быстро и, насколько можно доверять свидетельствам дежурной режимной смены, без особого шума.

В тот самый день, привезенного в тюрьму Грача препроводили в «заряженную» для него камеру, после чего персонал тюрьмы, обслуживающий данный участок камер попросту выдержал паузу между обходами несколько большую, чем полагалось по инструкции. Услышав об этом, Петров не удивился – за какую-нибудь подачку заинтересованные зеки вполне могли такое устроить. Поди потом, докажи, что все было устроено специально. Замысел состоял в том, чтобы дать ожидавшим в камере «быкам» побольше времени. За этот, без малого полуторачасовой промежуток времени они собирались в полной мере исполнить задание Крутого.

Должны были, а не смогли! При этой мысли рот сержанта искривился в подобии усмешки. Действительно, не каждый день, и даже не каждый месяц так радуют историями. Нужно только представить, как вытягивается лицо дежурного при виде того зрелища, что открылось через проем смотрового окошка и... хохоток пробивает сам по себе. Хм-м-м! Он ожидал увидеть восьмерых гогочущих урок над униженным новичком, а вместо этого...

Что ни говори, а картина, вырисовывающая нового постояльца спокойно распивающего за общим столом чай в непривычно мертвой тишине помещения и неподвижно лежащие на полу тела остальных его сокамерников, могла потрясти любого. Наверное, его сменщика чуть удар не хватил при мысли, что сейчас придется вытаскивать из «хаты» кучу до полусмерти забитых урок, а то и вовсе мертвяков. Попробуй тогда объясни больший нежели обычно временной разрыв между обходами маршрута!

Впрочем, для сменщика все обошлось. Не пришлось даже писать ни объяснительных, ни рапортов. Когда через десять минут экстренно вызванная им группа «режимников», облаченных в каски и бронежилеты, с обнаженными ПРАми ворвалась в помещение камеры, она обнаружила лишь валяющихся на заплыванном полу охающих от боли «быков», безуспешно пытающихся размять отбитые конечности. По словам зеков, в камере между ними произошла рядовая потасовка по какому-то ничего не значащему поводу. Претензий никто из них ни к кому не выдвигал. Только просили разрешения показаться к дежурному медику. Новый постоялец пускаться в объяснения не спешил, продолжая спокойно дохлебывать из кружки свежесваренный чай. На адресованный ему вопрос ответил, что в произошедший конфликт не вник и рассказать по существу дела ему нечего.

Конечно же, Грачу никто не поверил. Наверное, потому, что, так или иначе, контингент работников тюремной obsługi находился в курсе того, что уготовили новичку местные сидельцы. Сгоряча, кое-кто из дежурной смены даже предлагал засадить его в карцер, чтобы затем выбить показания. Однако, при отсутствии прямых показаний принявших участие в инциденте уголовников, пойти на это не решились, ограничившись одной беседой с оперативным работником учреждения. Остальных препроводили к врачу.

В общем, история, обещавшая выйти тривиальной, на деле получилась довольно загадочной. Особенно после того, как загадочности добавил оглашенный врачом результат осмотра группы пострадавших. Он гласил, что какие-либо видимые повреждения на телах пострадавших отсутствуют, а сами повреждения выражаются в виде временной обездвиженности отдельных конечностей, что спровоцировано нервным спазмом. Это было настолько необычно для тюремной практики, что не нашло объяснения. Проформы ради все списали на режим камерного содержания и тому подобную «лабуду», а пострадавших оставили на лечение.

– Грач! – позвал в окошко сержант, – Подойди.

Все-таки как-то непривычно наблюдать в такой большой камере только одного постояльца. Однако Петров знал это точно, желающих составить ему компанию пока не будет. После первого инцидента Крутой предпринял еще одну попытку свести счеты, снова подсуетившись подселить к Грачу своих людей. Эта попытка снова потерпела фиаско, и медсанчасть учреждения в результате пополнилась до предела пациентами, нежно баюкающими временно отказавшие руки и ноги. Согласно тому, что теперь подсказывала логика, после этого в ближайшее время подселений не предвиделось.

– Слушаю, гражданин начальник, – перед проемом смотрового окна показалось скуластое лицо Грача.

Лицо заключенного оказалось вблизи так быстро, что Петров едва сумел подавить в себе позыв отшатнуться.

– Привет тебе от кума, – тихо произнес он в окошко, – Просил передать, что твоя просьба удовлетворена.

– Когда?

– Завтра. После дневного кормления.

– Понятно, – дернул плечом Грач и, сразу потеряв интерес, отвернул прочь свой горбоносый профиль.

– Понятно? Что тебе понятно? – сержант в силу своей привычки хотел сказать это громко и небрежно, однако, почему-то не смог.

Очевидно, подспудный страх и невольное уважение, что внушал ему одинокий сиделец камеры триста шестнадцать, сделали свое дело и голосовой аппарат подвел, выдав произнесенные слова в виде бурчания под нос. Раздосадованный этим, а еще тем, что ничего из переданного им сейчас Грачу он, Петров, сам не понял, сержант со злостью захлопнул створку смотрового проема и, дернув плечом, двинулся дальше. Настроение на сегодня было испорчено. Не любил, ох не любил он, когда его так втемную, ничего не прояснив, использовали опера.

Передать передал, а в суть не вник. Как же, он ведь просто сержант, пешка! Добавив это слово к своему мысленному портрету, Петров и вовсе закричал зубами. В такие моменты он осознавал себя никчемной букашкой, а это очень сильно било по самолюбию и давало очередной посыл питаться.

«Видимо, сегодня этого не избежать, – обреченно подумал сержант и продолжил маршрут, все более проникаясь всплывшим желанием.

После дневной кормежки в камере воцарилось относительно довольное благодушие. Даже «угловой», которому «мужики», питавшиеся с «общака», слили в посудину тюремную похлебку, остался доволен и усердно бряцал алюминиевой ложкой, выскребая ее до последней крохи. Остальные обитатели «хаты», искоса поглядывая на этот непотребный шум, доедали остатки своей трапезы.

– Тише ты, падаль! – цыкнул один из «быков», уловив недовольство во взгляде Крутого, также брошенном в сторону «обиженного», – Сиди себе там, в своей петушатне и не создавай шума. Мешаешь пацанам.

«Петушок» сжался, среагировав на окрик, и застыл на своем месте.

– Вот так, – удовлетворился увиденным «бык» и повернулся к Иосифу, – Босс, а может ты еще сальца замахнешь? Что-то не очень у тебя с аппетитом сегодня.

Тот взглянул на подручного и отрицательно мотнул крупной головой.

– Не хочу, Батон, – он отодвинулся от стола, где перед ним крупными кусками лежала нарезанная колбаса и большой шмат копченого сала, – Лучше чифирку завари. Чуток взбодриться нужно.

– Сделаем, – подхватился с места «браток», – Сейчас кипяточек достану.

Со стороны бронированной двери в камеру донесся приглушенный металлический лязг, заставивший присутствующих обернуться в ее сторону.

– Кого-то бог несет, – сдержанно выразился сидевший по другую руку от Крутого «браток», – Интересно, по чью душу?

– Всем встать и принять безопасное положение! – рыкнул от входа начальственный голос надзирателя, – Руки держать на виду!

Содержавшиеся в камере заключенные поднялись со своих мест и, вполголоса бурча, заняли места у стены и нар, уперев в них руки и широко раскинув ноги. Последним поднялся со своего места Иосиф, неторопливо встав в сторонке, но и не подумал последовать примеру сокамерников. По негласному статусу ему такое позволялось.

Дверь в камеру громко лязгнула отпираемыми засовами и распахнулась, пропустив в спертый воздух плохо проветриваемого помещения толику относительной свежести. Вместе с ней внутрь прошла грузная фигура в грязно-зеленой камуфляжной форме и с погонами прапорщика. «Вертухай» с внимательностью профессионального соглядатая осмотрел содержащийся в камере контингент, после чего осклабился в кривой усмешке.

– Ну что, бродяги, тунеядцы, жулики и грабители, – сотрудник презрительно сощурился, – Нового постояльца к вам привел. Хлеб да соль ему, как полагается! Или «чай-курить». Вам виднее. Уж постарайтесь.

Он кивнул себе за спину и, посторонившись, пропустил в помещение переведенного арестанта. А затем, когда тот, держа в руках свой вещевой баул, оказался в помещении, ретировался восвояси.

– Здесь и так дышать нечем, гражданин начальник! – с плаксивым надрывом крикнул вслед «вертухаю» «угловой», – И мест на нарах на всех не хватает! А вы к нам еще кого-то подселяете!

– Да хоть сдохни здесь, педрилка картонная, – гоготнуло из коридора в ответ, – Мне похрен. Сказали подселить – я подселяю.

Бронированная дверь громко брякнула на прощанье, однако на нее уже внимания никто не обратил. Все присутствующие во все глаза глядели на вновь прибывшего, на его поджарую жилистую фигуру и абрис скуластого лица с орлиным носом и щелочками пронзительно колючих глаз. Тот, в свою очередь изучал обитателей камеры.

– Ты кто будешь, бродяга? – первым оживился Батон, – Чем дышишь? Назовись.

«Бык» бросил взгляд на Крутого, ища одобрения и поддержки, как полагалось по неписанному «этикету». Однако тот не отозвался на немой призыв. В это самое время Иосиф, застыв на месте, не спускал сощуренных глаз с вновь прибывшего.

– Ты не ошибся, Иосиф, – нарушил воцарившуюся, было, тишину голос нового арестанта, – Это действительно я. Ты не рад?

При этих словах Ёська очнулся от столбняка. Не выражая явно заметных эмоций, он прошел к общему столу и присел на стоящий рядом с ним табурет. Камерная «братва», явно ничего не понимая, вопросительно смотрела то на своего жоака, то на новичка.

– Я не думал, что ты осмелишься появиться здесь после всего, что произошло между нами, – Крутой повернул в его сторону свое широкое лицо, и стало видно, как на его скулах играют желваки.

Обитатели камеры затихли, зная, что такое выражение на лице Иосифа не несет ничего хорошего. Было очевидно, что лишь усилием воли он держит себя в рамках видимого спокойствия.

– А почему я должен от кого-то бегать? – повел бровью новый постоялец камеры, – Я не сывка, чтобы уползать от проблем под нары. Тем более, с недавнего времени, когда почувствовал твой ко мне интерес. Это мне льстит, однако предпочитаю обходиться без посредников, которых ты ко мне уже дважды подсылал. Поэтому решил, что для нас обоих будет лучше выяснить все вопросы в личной беседе. Ты не против? Или сперва натравишь на меня своих... мальчиков?

Судя по выражению физиономии, Иосиф оказался заинтригован столь беспрецедентным в уголовной среде поступком. Среди «урок» приветствовались больше нападения из-за угла, чем подобные деяния, больше похожие на дуэльный вызов.

– Давай поговорим, раз ты этого хочешь, – развел в стороны руками Крутой, продемонстрировав на публику игру развитых борцовских мышц, – Один на один. Как ты этого хотел. Без моих пацанчиков. Их всегда успеется подключить к нашей беседе. Присаживайся, – он указал глазами на место по другую сторону стола, – Никто мешать не будет. Не бойся.

– Я твоих хомячков не боюсь, – ухмыльнулся Костя Грач, присаживаясь на предложенное место, – Но каждого из них лучше сразу предупредить. Приблизиться ко мне не стоит. На этот раз что-нибудь сломаю.

– А сумеешь? – с невинным видом поинтересовался со своего места Батон, как бы невзначай рассматривая костяшки собственных пальцев, густо покрытые татуировочной синевой, – Не надорвешься, фраерок?

– А ты попробуй, – коротко отозвался Грач, даже не удостоив того взглядом.

– Ша, Батон, – косо зыркнул на подручного Крутой, – Не встречай.

«Бык», не ожидавший подобной реакции босса, заткнулся и обиженно засопел, разминая пудовые кулачищи.

– Я тебя слушаю, – Иосиф сфокусировал на собеседнике тяжелый, не обещающий ничего хорошего взгляд, – Ты хотел встретиться? Мы встретились.

Грач придвинул табурет ближе к столу и, усевшись поудобнее, положил руки на столешницу. Крутой, наблюдавший за этими манипуляциями, невольно отметил отсутствие на них обычной для урок «росписи».

– Вообще-то эта встреча должна была произойти давно, – сказал Костя, – Еще тогда.

– Зачем обращать внимания на очередных беспредельщиков, разинувших рот на то, что им не принадлежит? Ты и твои дружки – просто отбросы с самой грязной помойки, готовые на все ради пяти копеек.

Реплика, способная в других ситуациях спровоцировать открытый конфликт, в этот раз прошла без внимания.

– Ты допустил ошибку, Иосиф, с самого начала, – беззлобно улыбнулся Грач, – Многие погорели на том, что недооценивали потенциал своих врагов. Почитай историю, если что. Там все написано черным по белому. Даже если ты имеешь за плечами большую силу и поддержку, нельзя сбрасывать со счетов ярость и беспощадность именно таких отбросов, как я и мои приятели. Такому противнику терять нечего. Поэтому, тебе бы следовало либо подавить нас с той же жестокостью, либо пойти на разговор и выслушать. Вышло так, что подавить нас ты не сумел, а поговорить по душам не позволила гордость. Как учила марксистско-ленинская философия: верхи не могут, а низы не хотят. Ситуация, грозящая революцией.

– Ты мне лекцию читаешь, фраерок? – Крутой тоже придвинулся к столу.

По его виду окружающим стало понятно, что он недалек от того, чтобы потерять самообладание.

– Взгляни на меня, Иосиф, – Костя отрицательно мотнул головой, – Я разве похож на фраера? Спору нет, я не примерный гражданин, соблюдающий законы. Но я и не урка. Как и ты, я с ними в союзе, но никогда не стану одним из них. Не тот ранжир и воспитание.

Массивная фигура его оппонента внезапно сменила позу на более расслабленную. Крутой наконец, взял в толк, что Грач играет в открытую. Или почти в открытую. Его поля ягода. Это, правда – та категория людей, к которой принадлежал сам Ёська, никогда не сможет слиться с уголовниками. Такие люди работают на них, в силу знаний и выучки обеспечивают силовое прикрытие, однако никогда настоящими «фраерами» стать не сумеют. Потому, стоило ему так облажаться с «крышеванием» Центрального рынка города Тюмени, «хозяин» так легко забыл о его существовании. Пригодного «спеца» всегда можно найти. Тем паче в нынешние мутные времена, когда без дела осталось столько людей с различными полезными навыками.

Он мог бы сейчас сделать знак, и свора его приближенных «быков» разом кинулась на Костю, начала рвать того на куски. Мог бы. Плевать на то, что до тех пор Грач играючи обезвредил всех, кого он к нему подсылал. Заточки, загодя заготовленные на подобный случай, сделали бы свое дело. Он был в этом почти уверен. Однако, несмотря на все эти соображения, Иосиф не испытывал теперь желания особенно торопиться с решением наболевшего вопроса. Что-то имелось в этом человеке. Что-то такое, что исподволь призывало присмотреться. Он не знал, не видел пока что именно, но вполне ощущал наличие чего-то необычного.

– Мы с тобой очень похожи, – продолжил Костя, – И вся разница заключалась в том, что я, за неимением достойных контактов, вынужден был общаться с бандитом низкого пошиба, а ты, имея авторитетного покровителя, мог сам выбирать для себя команду. Неравные возможности, не правда ли? Но, согласись, даже с такими «оторвижниками», какие имелись в моем распоряжении, я сумел отбить у тебя весь рынок. Помнишь, мы тогда забивали стрелку? Тебе стоило приехать на нее самому. Не следовало присылать вместо себя вот таких, – он небрежно кивнул в сторону Батона, – Битюгов. Глядишь, и результат бы вышел иным. Ты же предпочел другой вариант, тем самым также вынудив меня на крайние действия. Развязывать войну, пусть этим сейчас никого и не удивить, не входило в мои планы.

– Ты просто великий стратег, как я посмотрю, – не удержался Иосиф от ехидного замечания, – Не пробовал сменить имя? Был бы, например, Наполеоном...

Групповой гогот, раздавшийся в пространстве помещения, означал, что «аудитория» вполне оценила шутку босса.

– Дешевый юморок, – хладнокровно заметил Грач, – Игра на публику. Ты перенимаешь привычки уголовников, с которыми общаешься. Я был о тебе лучшего мнения.

– Это ты к чему, пацанчик? – зловеще осклабился Ёська.

– К тому, что, грешным делом хотел у тебя многому поучиться. Видишь ли, я человек достаточно молодой и не особо умудрен опытом, который есть у тебя. Без него мне достаточно сложно строить планы на дальнейшее, – Костя потер горбинку своего орлиного носа, – Имеется сила и умение ее применить. Это ты уже знаешь. Однако, явно не хватает той рассудительности и того мышления, что есть у тебя. Поэтому, дело прошлое, я и хотел видеть тебя своим наставником.

Только слепой сейчас бы не понял, что произнесенные только что слова упали на душу Крутого, словно елей. Это стало заметно по выражению его лица.

– Почему прошлое? – непроизвольно вырвался у него вопрос, – Больше не хочешь?

– Не вижу смысла, – холодно обронил Грач, – Ты разочаровал меня своей непонятливостью. Ты думаешь, что для меня важен этот рынок? Если это так, то ты ничего не понял. Да, он теперь приносит моим корешам неплохой доход, но ты сам знаешь, что это не навсегда. Пройдет год-другой, и появится еще кто-то, кто возжелает отведать из этой кормушки. Опять «терки», «стрелки» и «разборки». И никаких гарантий. Впрочем, как и везде. Но, если разобратся и учитывать такой риск, то я хотел бы участвовать в более серьезных играх, нежели дележ дани с рыночных барыг. Именно поэтому, упрятав тебя в эту тюрьму, я решил, что нам с тобой будет просто необходимо поговорить и прийти к обоюдному решению. Прийти к союзу. Именно поэтому я спровоцировал ситуацию, которая меня тоже привела за решетку. Поэтому сам пустил слух о том, что я нахожусь здесь. Я сам хотел, чтобы ты нашел меня, Иосиф.

– То есть, ты сам посадил себя в тюрьму? – недоверчиво переспросил Крутой, – Наверное, корешок, у тебя совсем с мозгами туго.

– Наверное, – согласился Грач, – Причем они, мои мозги, отказали тогда, когда я решил связаться с тобой. Мне следовало бы искать другой пример для подражания.

– Со мной связываться себе дороже...

– Не лъсти себе, – резко оборвал оппонента Костя, – Твой авторитет, как ты сам понимаешь, не выдержал испытания. Мне надоело плескаться на мелководье, и поэтому я искал в тебе больше не пример для подражания. Искал компаньона. Союзника. Подобного мне по характеру и духу. С кем можно делать серьезные дела. Теперь вижу, что я ошибался.

Последняя тирада, по всей очевидности, произвела на Иосифа самое большое впечатление. Не сводя с собеседника прямого взгляда, он, молча, продолжал внимать ему, опустив колкости и надменность.

– В общем, так, – Костя решил подвести черту в разговоре, – Я знаю причину, по которой ты со мной хочешь свести счеты. И, раз я виноват в том, что провернул это дело и отстранил тебя, будет справедливо не заводить нашу вражду в тупик, а разрешить ее на мирной основе. Ты мог бы спустить на меня своих овчарок и попытаться сейчас, на этом самом месте, утолить свою жажду мести. Хочешь – делай так. А можешь дать мне возможность все исправить. Я верну тебе потерянное. В том числе и свободу. А там уж поступай, как хочешь. Ты вернешь доверие своего покровителя и сможешь дальше продолжать работать на него. Правда, поверь уж мне, с теми ребятами, с которыми ты там связан, рынка в руках тебе все равно не удержать. Здесь требуется другой подход...

Иосиф, не ожидавший услышать подобное, невольно тряхнул головой в изумлении.

– Ты хочешь сказать, что можешь это устроить? Не скажешь как?

– Это только мои проблемы, – отрезал Грач, – Но я это сделаю. Даю слово. После этого счеты наши будут сведены и претензий ко мне не будет?

– Если это так и будет, то могу тоже дать слово, – кивнул Крутой.

– Только не клянись словом фраера, – искривил губы в усмешке Костя, – Как показывает практика, оно ничего не стоит.

– А я и не клянусь. Мое слово – слово мужика.

– Тогда дело улажено. Я все устрою.

– Потом и поговорим...

– Потом уже не будет, – жестко отчеканил Грач, – После нашей беседы я изменил свои планы. Никаких предложений выдвигать более не буду. Найдутся другие, более понятливые. Ты для меня перестал представлять интерес.

Иосиф облокотился на стол и знаком показал Батону свое желание закурить. Тот с готовностью поднес ему сигарету.

– Лады, пацанчик, – Крутой прикурил от зажженной спички, поднесенной тем же «быком», глубоко затянулся и пустил в потолок синеватый дымный выдох, – Пусть так. Почему я тебе должен верить?

Грач развел руками в стороны и широко лучезарно улыбнулся.

– Можешь мне не верить, – произнес он в ответ, – Твоя гарантия – это мое слово. Если тебя это не устраивает, то можешь науськать на меня сию же минуту всех своих хлопцев. Не гарантирую, что я сломаю всех. Тем более, если пацанчики набегут с заточками. Но уж Батона-то твоего по стенке размажу как повидло по хлебу. Хочешь проверить?

Иосиф пылливо посмотрел на него. Поджал губы, что-то прикидывая. И только затем позволил своему лицу смягчить выражение.

– Проверить всегда успеется, – высказался он уже гораздо более миролюбивым тоном, – И я это сделаю, если твои слова окажутся фуфлом. Но сейчас даю тебе шанс. Сколько времени тебе нужно на то, чтобы сдержать слово?

– Два месяца.

– И только-то? – недоверчиво протянул Иосиф.

– Да.

Крутой помолчал, затягиваясь. Принимал решение.

– Договорились, – кивнул он, – Срок тебе дан. Сделаешь то, что обещал, можешь не опасаться с моей стороны подлянки. Не сделаешь, ...сам знаешь. А пока можешь располагаться в хате на правах мужика.

Глава 4.

Пригород Тюмени. Крутой и Грач. Май 1995 года.

Заросшая деревьями улочка явно не принадлежала к разряду богатых. Разномастные неухоженные частные дома, а то и вовсе халупы, собранные, словно некий конструктор, из всякого хлама. На всем печать запустения.

– Далеко еще, Яшка? – нетерпеливо спросил Крутой, повернув голову в сторону своего водителя, – Без малого час крутимся по этому району. И все без толку. Ты же говорил, что раньше бывал здесь?

Водитель, сухощавый мужичонка лет пятидесяти, чуть повернул к боссу физиономию, представлявшую собой минимум мышц и кожи, обтянувших кости черепа, и жутко улыбнулся. Grimаса походила больше на кадр из какого-нибудь «ужастика», чем на проявление человеческой мимики.

– Найдем. Обязательно найдем, – заверил он Иосифа, – Я бывал здесь еще до моей последней отсидки. Лет этак десяток назад. Поэтому, уж извини, не смог сообразить сразу, где здесь расположена улица, которую тебе называли. Еще пять минут и мы будем на месте.

Хотелось поворчать, но Крутой не стал. Не любил он лишний раз без особой надобности «гнобить» своего бессменного шофера. Яшка не был ему ни братом, ни сватом, ни даже другом, однако Иосиф берег его сообразно своим понятиям. Наверное, потому, что уважал. Некогда этот «ушатанный» субъект едва не стал «вором в законе».

Иосиф скосил глаза на Яшку. Непредвиденны дороги, которые ты перед нами выкладываешь, господи! Так и судьба человека. Бросает его из стороны в сторону, бьет, награждает соблазнами, сомнениями, а то и вовсе ломает, как соломинку. А судьба потомственного урки и вовсе непредсказуема. Уж он-то, вынужденный постоянно общаться с уголовниками, это знает наверняка. Хотя бы на примере того же Яшки. Тот и родился в лагере. Выносила его мамашка-воровка, родила за решеткой, в холодной камере, да и оставила на попечение государства. Не с руки ей, видите ли, было растить мальца, если жила она разъездным мошенничеством и воровством в дальних поездах.

Вырос Яков в интернате для таких же, как и он бедолаг. Само собой, особыми моральными принципами не обзавелся. Не та среда, не те условия. И естественно, что уже в подростковом возрасте поддался на те же хлеба, на каких подвизалась его непутевая родительница. Единственной разницей стала несколько иная «специализация» юного Яшки. А стал он, ни много ни мало, а настоящим «медвежатником». К этому занятию у него проявился настоящий талант. Не сразу, с годами, приобрел он ту квалификацию, которая пользуется в криминальной среде наибольшим уважением. Зато, когда набил руку и приобрел определенную известность, высказавшуюся в щегольской кличке «Виртуоз» в определенных кругах, то зажил на широкую ногу. Репутация поднялась на такой уровень, что верхушка воровского сообщества начала подумывать о том, чтобы «короновать» удачливого «медвежатника». Деньги не проходили мимо него, находились в его карманах тугими пачками, однако надолго не задерживались, уплывая так же легко, как приходили. В ресторанных гульбищах прожигал Яшка Виртуоз свою молодую жизнь и так увлекся, что однажды, как это часто бывает с подобными людьми, прожег ее до окурочка. Диагноз «ВИЧ», поставленный врачом после того, когда Яков сдал назначенные ему анализы по поводу очередной и, казалось бы, не такой уж серьезной простуды, стал тем сигналом, что показался тому первым гвоздем, забитым судьбой в его гроб. Теперь было мало толку от того, что одна из многочисленных потаскушек, наградившая Виртуоза страшной болезнью, так и осталась неизвестной. От того, что он нашел бы ее и свел, как полагалось,

счета, уже ничего не изменилось бы. Это тебе не банальный сифилис, встречавшийся сплошь и рядом в те времена.

Болезнь быстро, буквально за несколько лет, изменила бывшего Virtuоза до неузнаваемости. По окончании этого преобразования веселый и общительный рубаха-парень предстал изможденным до скелетообразного состояния немощным человеком.

И все же страшная болезнь не убила Яшку. Дойдя до крайней точки, за которой, казалось, уже начиналось небытие, она вдруг остановилась и затихла. Точнее притаилась. Словно палач перед взмахом своего топора. Казалось бы, обреченному бедолаге осталось только выждать, когда смерть, наконец, устанет играть в кошки-мышки и, смиловившись, нанесет последний удар.

Однако всему сущему на этом свете положен свой срок. Видимо он, Яков, этот срок еще не отбыл. И в таком состоянии ожидания пребывал без малого восемь лет. Нещадные боли, терзавшие полумертвый организм стали привычными и даже принимались за норму. Устав ждать, в один прекрасный день бывший «Виртуоз» вдруг понял, что, обособившись от людей, сам похоронил себя в четырех стенах склепа квартиры. Понимание стало первым шагом к принятию решения вернуться. Вернуться к свету активного существования, к обществу индивидов, вечно озабоченных повседневной суетой. А пуще всего ему хотелось вновь и хотя бы частично ощутить своим измученным существом тот забытый пульс жизни, который он испытывал прежде.

Решить-то, он решил, но на деле осуществить свое решение оказалось несказанно трудно. Естественно, что за те годы, что Яшка Virtuоз провел на больничной койке, общественный уклад кардинально изменился. Тот, кому довелось отсутствовать в мире несколько лет, кто помнил мир еще до всех глобальных политических потрясений, уже не смог узнать его. Соответственно, перестроилось и уголовное сообщество, успевшее заочно похоронить и предать забвению Яшку Virtuоза. Появились новые лидеры, новые удачливые ловцы сиюминутной денежной удачи, свои виртуозы. Сам-то Яшка, если посудить по совести, виртуозом своей былой «профессии» быть уже перестал давно.

И все-таки, несмотря ни на что, он от своего решения не отступил. Не сдался. Мало кем помнимый, мало кем узнаваемый, Яков снова ушел в ту среду, из которой его некогда выкинула смертельная хворь. Со своим исхудавшим ликом, больше походившим на образ выходца с того света, он теперь не напоминал человека, некогда носившего столь «виртуозную» кличку. Новая кличка «Зомби» приклеилась как-то сразу и так прочно, что порой стала заменять родное имя. Впрочем, на это Яшка уже не обращал внимания. В стремлении стать востребованным, он решил переквалифицироваться и стать профессиональным водителем. Благо специалисты по вождению в нынешнее беспокойное время оказались очень востребованы. Всеми правдами и неправдами он «выкружил» свои водительские права и теперь слыл самым лихим водителем среди себе подобных. Впрочем, Крутой держал Якова рядом с собой не только из ностальгических соображений. Зомби действительно считался профессионалом экстремального вождения и сохранял хладнокровие даже в те моменты, когда пули свистели у самого его виска. Сам Яшка о своей храбрости распространяться не любил, сохраняя обычное «гробовое» молчание, однако, как трезво рассуждал Иосиф, удивительным здесь на самом деле и не пахло. Зомби был человеком, который уже некогда попросился с этой жизнью и теперь только ждал момента, чтобы окончательно лишиться ее. Лишиться без боязни и, наверное, с облегчением.

– Вот она, эта улица, – наконец объявил Яков, мельком, оглянувшись на очередной дорожный указатель, – Она самая, можешь не сомневаться.

– Точно она? – переспросил Крутой, в свою очередь, попытавшись разобрать надпись на проржавевшей табличке, установленной здесь, наверное, еще во времена царя Гороха, – Что-то и на улицу как-то не похоже. Даже на переулок не тянет. Так себе. Три дома где-то на отшибе, да заросший бурьяном пустырь.

– Она, босс, – заверил водитель, – Можешь не сомневаться. Главное, чтобы этот адрес действительно оказался обитаем. Гляди, как заросло все деревьями. За ними никто не ухаживал, наверное, еще с застойных времен.

– Проверим, – буркнул Крутой, вглядываясь вперед через лобовое стекло, – Мой источник не должен был соврать. Это ему может обойтись слишком дорого. Давай, рули туда. Посмотрим номера домов. А то еще может оказаться, что такого не существует.

– Существует, босс, – донеслось с заднего сиденья, – Вон смотри, там нужный нам номер!

Иосиф проследил за направлением руки, протянувшейся у него из-за спины и ткнувшейся в нужном направлении.

– Кажется, ты оказался прав, Батон, – заключил он через минуту, – Тот самый дом. Зомби, останови тачку где-нибудь так, чтобы не особенно бросалась в глаза. А мы с ребятами прогуляемся в гости к нашему старому знакомому.

– Босс, а может, мы не станем заходить внутрь дома? – снова донеслось из-за спины, – Слышал же, что про него рассказывают. Перерезать горло или пустить пульку в лобешник ему ничего не стоит. Зверюга он.

– Зверюга, – согласился Иосиф и, дождавшись остановки автомобиля, потянул за ручку открывания боковой дверцы, – И что теперь? Наложил в штаны? Кончай ныть и пошли за мной!

Крутой вышел наружу и с наслаждением потянулся, приводя в тонус затекшие мышцы. Затем с усмешкой обернулся к выходящему из машины недовольно бурчащему подручному.

– Больно уж ты трусоват стал, – осуждающе покачал он головой, – Посмотришь на твои бицепсы и не скажешь, что ты порядочный «очкун». Гляди, будешь и дальше шкнить, я тебя разменяю на другого телохранителя, – он перевел глаза на другого «быка», выходящего из других дверей, – На Чибиса, например.

Он невольно хохотнул, перехватив ревнивый взгляд Батона на своего «конкурента», голенастого высокого малого с выдающимся клювообразным носом.

– Ладно, – примирительно произнес, вдруг озаботившись тем, чтобы бойцы, вместо того, чтобы охранять его персону, не сцепились друг с другом, – Не бзди. Шучу я. Лучше займитесь-ка делом.

Издали интересующий Крутого дом выглядел необитаемым. Заколоченные окна едва проглядывали сквозь заросли разросшегося клена, однако не только они свидетельствовали о полной заброшенности строения. О том же говорил густо заросший бурьяном двор.

– Пошли внутрь, – Иосиф решительно толкнул рассохшуюся калитку, ведущую внутрь двора.

Та не отворилась, а отвалилась, открыв проход.

– Босс, мы вперед, – сказал на ухо ему Батон и на пару с ногастым рослым Чибисом обогнал его на тропинке, ведущей к крыльцу, – Сейчас проверим, что там внутри.

– Не спеши, если жизнь дорога, – Ёська не стал прибавлять шаг, – Подождите меня у крыльца. Если наш друг там, то лучше будет предупредить его о нашем приходе.

Он приблизился, но прежде чем ступить на крыльцо, внимательно осмотрел ступеньки. Может, конечно, и врут люди, однако, береженого бог бережет.

– Эй, есть, кто дома? – крикнул Иосиф в полуотворенную сенную дверь, – Грач, ты здесь? Это я, Крутой, твой старый знакомый! Проведать тебя заглянул!

– Хорошо, что назвался, – раздался из помещения спокойный уверенный голос, – А то мало ли кто шляется в этих закоулках. Не каждого забулдыгу я хотел бы здесь видеть.

– Я могу войти? Мы тут с ребятами. Батона ты ведь помнишь?

– Помню, – невидимый собеседник не изменил тон, – Но пока лучше войти тебе одному. Пусть ребята позагорают на солнышке. И, кстати, лучше аккуратно переступи порог в сени. Не задень струнку.

Вникнув в совет Грача, Крутой осторожно приоткрыл двери сеней и внимательно осмотрел порог. Так и есть. Тонкая струна оказалась натянута почти на уровне его щиколотки и уходила в темный угол. Не иначе растяжка. Иосиф аккуратно перешагнул ее и двинулся внутрь избы.

– Это ты от местных забулдыг растяжками спасаешься? – поинтересовался он, осматривая дальнейший путь с тем же вниманием, – Воюешь с ними что ли?

– А почему бы и нет? – в глубине темного сумрачного помещения смутно обозначилась человеческая фигура, – Хоть немного меньше быдла на земле гулять будет. Мне не жалко. Иди, не бойсь, больше сюрпризов не заготовливал. Тут-то, если что, и самого может осколками посечь. Ф-1 рвет так, что мало не покажется.

– Это точно, – согласился Крутой, входя в комнату, – Но бог с ней, с растяжкой. Я не за тем пришел, чтобы вести пустые базары. Здорово, что ли?

– Ну, здравствуй, коли не шутишь, – Грач подошел ближе, – Раз не хочешь болтать про подобные игрушки, скажи, зачем пришел?

– Спасибо хотел тебе сказать.

– Мог бы обойтись и без этого. Я просто выполнил свое слово, которое дал. Такими вещами нормальные пацаны не бросаются.

– Нормальных пацанов-то почти не осталось, – Крутой осмотрелся по сторонам, – Присядем? Если подозреваешь подвох – остынь. Я не за тем пришел, чтобы строить подлянки человеку, заслужившему мое искреннее уважение. Мои ребята остались снаружи, а я сам без оружия.

– Присаживайся, – не стал противиться Костя, – Может, хотя бы так скажешь, зачем пришел на самом деле.

Иосиф углядел в метре от себя старый продавленный диван, покрытый каким-то несвежим на вид покрывалом, и без церемоний плюхнулся на него. Его собеседник, продолжая выглядеть настроженным, присел на стоявший в углу стул.

– Я и пришел к тебе потому, что увидел в тебе реального мужика по духу, – произнес Крутой, – В нынешние времена, когда каждый норовит кинуть ближнего, это большая редкость. А ты дал слово и выполнил его. Даже раньше того срока, который сам себе назначил.

– Это, оказалось, сделать легче, чем я думал.

– Позволь с тобой не согласиться, – многозначительно поднял бровь Иосиф, – Для того, чтобы вернуть свободу мне, нужно было сделать так, чтобы вся прежняя доказательная база, на основании которой меня приговорили к отбытию срока, оказалась несостоятельной. Следователь, известивший меня о признании меня невиновным и прекращении срока отбывания наказания, обмолвился о том, что менты совершенно случайно вышли на настоящего преступника по моей делюге и нашли при нем всю доказательную базу, полностью опровергавшую обвинение в отношении меня. Ты настоящий умелец. Мало того, что сам для себя устроил нечто подобное и освободился уже через неделю после нашего разговора, так и для меня все подготовил так, что комар носа не подточил.

– На самом деле устроить это оказалось не так уж и сложно, – с равнодушным видом дернул плечом Грач, – Особенно в отношении меня самого. Я попал в тюрьму по своей воле. Для того чтобы навести рамсы с тобой. После нашего разговора мне оставалось только подать знак доверенному лицу, чтобы тот запустил в ход оправдывающие меня документы. В твоём случае пришлось пораскинуть мозгами, чтобы «повесить» делюгу на того, кто действительно заслуживал наказания. Тот, к кому привели найденные ментами улики, полностью отвечал таким соображениям. Хотя бы из-за того, что был конченным педофилом. К тому же, когда личность этой твари оказалась, установлена и опера приехали к нему на адрес, они нашли его повесившимся в собственном гараже. Так что ему теперь все равно. Может вынести хоть еще с десяток подобных делюг.

– Ты помог? – покосился на Костю Иосиф.

– Какая разница, – тот опять дернул плечом, – Экспертиза не нашла признаков насильственной смерти. Органы решили, что он просто решил свести счеты с жизнью на почве хронического алкоголизма. Так что никто в обиде не остался. Все получили свое. А уж обстригать остальное оказалось делом техники. Ну, там, какие-то крохи на молочишко подкинул «следаку», так тот взялся за твое дело с рвением пса. Сделал свое дело даже раньше срока. Вот такой вышел фокус-покус.

– Молодчик! Соображаешь! Но, насколько я знаю, этим фокусом ты не ограничился, – Крутой потянулся во внутренний карман и, уловив брошенный на него опасливый взгляд, успокоительно махнул рукой, – Не бойся, братела, никаких подлянок. За сигареткой.

Под пристальным наблюдением Кости он вынул из кармана початую пачку сигарет с фильтром и, щелкнув зажигалкой, с наслаждением прикурил.

– Вот блин, – хмыкнув, продолжил он, выпустив в потолок дымный сизый выдох, – Снова привыкаю к финдиперсовым сигаркам. Успел отвыкнуть за время отсидки. Закуришь?

– Знаешь же, что не курю.

– Знаю, – Крутой сделал еще одну затяжку, – Не куришь. И, наверное, не пьешь?

– Не пью, – равнодушно отозвался Грач, – И что?

– Зато в других делах поспел, – ухмыльнулся Иосиф, – Банду Повара, с которой отбил у меня рынок, порешил, как котят помойных. Как это ты так? И не жалко было глушить братков, с которыми дела начинал?

Костя блеснул глазами на эту тираду, однако более ничем себя не проявил.

– Не жалко, – скупно обронил он в ответ, – С моей помощью они хоть немного пожили, как баре. А то до сих пор бы собирали крохи гоп-стопом. Я их с помойки подобрал, я их и опустил, как они того заслуживали.

– А зачем мочил-то?

– А что ты, мил человек, думаешь, Повар и его ребята сами бы тебе рынок отдали? Сами отошли бы от кормушки?

– Да, ладно, ладно, – словно извиняясь, выставил перед собой ладони ухмыляющийся Иосиф, – Я тебе не батюшка. Заставлять каяться в грехах не стану. Проблему ты решил быстро и кардинально. Правда, я диву даюсь, как тебе удалось уложить в могилу без особых проблем полтора десятка крепких мужиков.

– А ты не вникай, – ослепительно сверкнул широкой улыбкой Грач, – Уложил и уложил. Банда-то была, по сути, небольшой и не особенно устойчивой. Костяк составлял десяток проверенных пацанов, а остальные...пришей-пристебай. Убери костяк, и остальные разбегутся, как тараканы от тапка. Я и убрал. Рынок перешел в твои руки без особых хлопот. Разве ты недоволен.

– Отчего же. Доволен, – не стал спорить Крутой, – Рынок перешел в мои руки. Недовольных нет. Тишь и гладь. Барыги отстегивают регулярно...

– А хозяин, на которого ты со своими ребятами работал? Остался доволен? Расположение-то вернул?

– Тоже порядок. В этом я тебе особенно благодарен. Андрей Силантыч мужик жесткий. Шутить не любит. За просчет может напрочь лишить поддержки. Однако справедлив и умеет исправлять свои ошибки. А в данном случае он счел свое поведение в отношении меня большой ошибкой...

– Извинился, что ли? – Грач поскреб заросший жесткой щетиной подбородок, – Ну, это дорогого стоит.

Иосиф искажил широкое лицо скептической ухмылкой.

– Извиняться Козин не умеет. Слышал о нем?

– Слышал упоминание, – неопределенно протянул Костя, – Большой пацан с немалыми возможностями. Я с людьми такого уровня еще не общался, так что ничего конкретного сказать не могу.

– А я могу, – Крутой еще раз затянулся и после затяжки задумчиво посмотрел на тлеющий сигаретный окурок, – Такие люди, как Козин, уж поверь мне, имеют огромный потенциал. Такие люди порой вершат историю. Поэтому, даже если Андрей Силантьич кинул меня в той ситуации, посчитав, что Иосиф Крутой выработал свой потенциал, я все равно с большим желанием отнесся к перспективе наладить утраченные отношения с ним. Они стоят того. Хотя бы тем, что Козин, хоть и ворочает делами, никогда не принадлежал к уголовникам. Как и я.

– К чему лирическое отступление? – коротко поинтересовался Грач, – Я выполнил обещанное – ты сказал мне спасибо. О благодарности я не просил, но все-таки приятно. Что еще? Что дальше?

– А то, что я приехал не только речи говорить. Есть предложение. Хочу, чтобы ты работал у меня в команде.

– Почему?

– Умеешь держать слово. Да и другие качества у тебя, как посмотрю, развиты. Может, все-таки расскажешь, как умудрился за два дня умертвить полтора десятка здоровенных братков? Никто из них доходягой не был. Патологоанатом, с которым у меня состоялся интересный разговор, пояснил некоторые детали, наводящие на определенные мысли...

– Какие там мысли, – фыркнул Грач, отмахиваясь, – Против лома нет приема. Это истина. Есть еще одна, гласящая – спастись от взрыва бомбы может только сам господь бог. У них не было шанса.

– Не прибедняйся, – увещательным тоном подал реплику Крутой, – Бомбой ты подорвал только пятерых. Остальные десять умерли другой смертью. Доктор сказал мне, что в каждом из трупов нашел только по одной пуле.

– Не во всех.

– Не спорю, – кивнул Иосиф, – Последних двоих, самых главных в банде, ты завалил ножом. Факты сами характеризуют тебя, как бойца.

– И что же они говорят, эти факты?

– Многое, – Крутой изменил позу, щелчком пальцев метнул в сторону погашенный о ладонь окурок, и склонился в сторону собеседника, – Во-первых, факты говорят о том, что ты не понаслышке знаком с подрывным делом. Взрыв, положивший за один раз пятерых бойцов, свидетельствует о том, что ты это умеешь и даже очень хорошо. Во-вторых, стреляешь ты так, как многим из моих стрелков и не снилось. Это говорит о хорошей огневой подготовке. Я даже думаю, что ты одинаково хорошо управляешься со стрелковым оружием разных типов. Так?

– Возможно, – сдержанно отозвался Костя, – Есть и третье?

– Есть. Патологоанатом, осматривая тела двух последних братков, которых ты уложил с помощью одного ножа, с уверенностью сказал мне о том, что виновник их гибели, то бишь ты, в совершенстве владеет техникой ножевого боя. Ударов нанесено немного, но все они одинаково смертельны. Все эти три составляющие, сложившись в одну общую картину, только уверили меня в том, что ты хороший специалист в военном деле. Где ты так наострился, мил человек?

– С чего такие вопросы?

– А с того, – Крутой многозначительно поджал губы, – Что поначалу я принял тебя за какого-нибудь мента. За подсадного. Таково было первое впечатление. Среди мусоров иногда встречаются толковые люди. Но...

– Но что?

– Потом я поразмыслил и понял, что к ментуре ты не имеешь отношения. Если бы это было так, то сейчас бы не прятался в яме от тех «крвников», что остались по твою душу. Скорее всего, обучался ты в каком-нибудь специальном месте, где готовят специалистов дивер-

сионного дела. Такие люди что-то нередко стали мелькать на фоне российских будней. Мои предположения верны?

– Отчасти, – ограничился неопределенной репликой Грач, – Подготовка была. Набирался ума-разума за счет чужого дяди.

– Где?

– Кавказ. Там вполне удобно получать определенные навыки за счет халявных дотаций из-за рубежа. Что из этого?

– Ничего, – развел руками Крутой, – То, что ты делал на Кавказе, меня не касается. Это твои дела. Дело в другом. Ты мне нужен именно для того, чтобы с пользой применить то, чему тебя научили.

– Как?

– Если говорить в общем, то мне нужен проверенный человек, способный обучить для Козина определенное число бойцов, – Иосиф сделал размашистый жест рукой, словно сделал акцент на последующие слова, – Я думаю, что ты понял. Нужны не простые стрелки, которых у меня полно и сейчас. Нужно подобрать команду спецов, против которых не выстоит ни одна из беспредельных группировок. Ты способен выполнить эту задачу.

– А зачем?

– А зачем ты тогда предлагал мне работать вместе? – вопросом на вопрос ответил Крутой, – Ты сказал тогда, что ищешь компаньона. Я тебе это компаньонство и предлагаю. Во взаимовыгодных интересах. Вместе мы сможем достичь с тобой определенных целей и оказать дельную помощь Андрею Силантычу. Он это оценит – я уверен. Ему сейчас нужны надежные и боеспособные ребята. На них у Козина имеются определенные планы.

– У него в распоряжении есть множество вариантов, – недоверчиво покрутил головой Грач, – Были бы бабки и он купит всех, кого нужно. На то, чтобы крышевать рынки, много умения не нужно.

– Крышевание рынков, это пока, – уклончиво ответил Иосиф, – Для начала. Чтобы окрепнуть и завоевать авторитет. Не забывай, что Козин не принадлежит к криминалитету. Это человек со стороны. Кто он, точно никто не знает. А раз так, то и двинуться он может в разных направлениях. В том числе и в тех, в которых ворами в законе двигаться заказано. Например, во власть. А для этого нужен совершенно другой потенциал и, соответственно, люди. Обученные, способные выполнить любую задачу быстро и без колебаний. Так, как на это способны военные.

– Так пусть и наймет военных, – Костя не разделил запальчивости своего собеседника, – Сейчас их много бездельничает. Как и различных спецов. У Козина, как пить дать, и такие найдутся.

– Военные не смогут выполнить любой приказ Козина. Есть такие вещи, которые может выполнить только специально подготовленный человек. Можно, конечно, переучить и их, но будет сложно сломать в их мировоззрении определенные, вложенные системой стереотипы. Легче обучить человека, чья голова не захлавлена никаким этическим мусором. Таких сейчас среди молодежи пруд пруди. Обучишь их, и они смогут с легкостью либо убить человека, не спрашивая о том, заслуживает ли он этого, либо украсть ребенка, если того требуют интересы их хозяина. Требуется беспрекословная исполнительность.

– Видимо, высоко витают интересы хозяина, если он включает в свой арсенал киднепинг.

– На войне, которую затевает Андрей Силантыч, все средства хороши. Ты прав, у него есть и свои спецы. Один из них, Глобус, пользуется у хозяина полным доверием и является правой рукой. Он и пара его парней пришли из какой-то влиятельной государственной конторы, славящейся своей подготовкой. Навыки действительно присутствуют. Но их всего-то три человека. Плюс еще столько же, которых они сумели уговорить присоединиться. А нужны десятки, если не сотни обученных бойцов.

– Вот эти спецы пусть и готовят стрелков. Я-то причем?

– Притом, что эти спецы не будут никого готовить. Если бы они это умели, то Козин их бы давно заставил подготовить, хотя бы одну команду нужных ему человечков. Для тебя же я специально уготовил место, находясь на котором ты целиком будешь отвечать за такую подготовку. Естественно, не задаром.

Выслушав тираду, Грач лукаво сощурился и посмотрел на Крутого в упор.

– Кажется, дядя, ты забыл добавить «во-первых»? Это ведь не все соображения, которые витают в твоей голове?

– А что тебе еще? – попытался сделать непонимающее лицо Иосиф, – Козин направил меня заведовать его заимкой. Знаешь, что это такое? Это место, которое для хозяина стало вотчиной. Именно оттуда он планирует все свои действия. Я буду заправлять общими делами, а ты в качестве инструктора займешься обучением бойцов...

– Я вижу, что эта роль тебе не особенно по нутру, – на лице Грача исчезли все признаки веселья, – Тебе хочется большего? Так? Хочется занять при Козине более влиятельное положение? Если так, то я уже догадываюсь, кто тебе перешел дорогу. Глобус?

Отчетливо произнесенные слова резанули воздух и вызвали невольную паузу. Собеседник явно взвешивал то, что говорил.

– У него большой авторитет и вес в глазах Андрея Силантьича, – Крутой поморщился, будто съел что-то кислое, – И против него я один. Нужен компаньон, вместе с которым мы постепенно сможем усилить наше положение, и, дай бог, убрать конкурента. Именно поэтому, оценив ситуацию, я подумал о тебе. В тебе есть все качества для того, чтобы оказать мне помощь в этом деле. Так, что ты думаешь по этому поводу?

– Что я думаю? – Костя Грач взглянул в проем окна, мимо которого в этот самый момент дефилировала туша Батона, – Может, ты удивишься, но думаю я сейчас о многом. И не только о деньгах, которые ты мне пообещал. Здесь важнее возможности... И это мне кажется интересным.

Глава 5.

Москва. Андрей Силантьич Козин. 25 июля 1996 года.

Он обожал орхидеи. Трепетно нежные цветы самых разных цветовых оттенков, формой лепестков неизменно вызывавшие у него подсознательные эротические ассоциации. Так было с самого детства. Держа их рядом с собой, впитывая существом их изысканную прелесть, Андрей Силантьич неизменно испытывал душевный подъем, переходящий в деловую активность. Причины для такой ассоциативной связи он не искал, хотя использовал «цветочную терапию» на протяжении многих лет. Впрочем, зачем ему копаться в подсознании, если метода действует? Пользуйся, как говорится, и не задавай лишних вопросов.

Свою тягу к орхидеям Козин не забывал никогда. Однако если ранее лишь довольствовался красотой покупных букетов, то ныне предпочитал выращивать цветы сам. Возможно, что это можно было бы счесть пижонством своего рода, но чего не сделаешь ради своей страсти. Для этого и приобретал просторные апартаменты на самой верхотуре высотных домов, дабы иметь возможность разбить в своем жилище, хоть небольшую оранжерею.

По большому счету, конечно, Андрей Силантьич, как всякий здравомыслящий человек, не давал своему увлечению перерасти в паранойю. Подсознанием понимал, что это будет не совсем нормально выглядеть. Однако на сегодняшний день все-таки имел две постоянные оранжереи. Одну из них он содержал здесь, в своей огромной квартире, которую он приобрел в центре Москвы несколько лет назад. Вторая же, более впечатляющая по размаху, находилась на территории его сибирской заимки, расположенной посреди густых малохоженных лесов.

Вспомнив о своей вотчине, расположенной в самом сердце сибирской глуши, Козин ощутил некоторую гордость за самого себя. Прозорлив. В отличие от многих дельцов, имеющих далеко идущие планы, он понимал, что мало закрепить собственную персону на столичном горизонте себе подобных. Желая обрести действительное политическое могущество, должен опираться на широкие массы, иметь большой ареал влияния. А сделать такое без того, чтобы официально не осесть в российской периферии, не было никакой возможности. Влиятельный деятель просто обязан, помимо финансового благополучия и наличия весомых связей в высоких структурах государственного строя, иметь поддержку определенной части российского населения. Из этих соображений Андрей Силантьич и выбрал сибирский край для места своего официального обитания. Богатый потенциалом, дающий большие перспективы деятельному человеку край. Конечно, по большому счету этого было бы мало, чтобы с уверенностью грезить о том недалеком времени, когда ему будут доступны и звезды, но...

Впрочем, Козин сразу и не мыслил взойти на самый верх политической и светской власти. Слишком много ступенек нужно перескочить, чтобы оказаться на том месте и в таком положении, где можно не опасаться конкурентов. Андрей Силантьич понимал, что не сможет человек, даже при больших финансовых возможностях пройти локомотивом к подобной цели. Существует масса способов сделать так, чтобы этот локомотив дорогу-то утратил. Другое дело, воспользоваться бронепоездом, идущим к той же цели, и, пристегнувшись к последним его вагонам преодолеть опасный путь в относительной безопасности.

Козин так и поступил, создав тайный альянс с нужным человеком. Да не с человеком! С титаном! Иначе нельзя назвать личность, сумевшую сохранить авторитет в самых высоких политических кругах на протяжении трех десятков лет. Со Сталеваром считались, к его мнению прислушивались. По собственному мнению Андрея Силантьича, пожелай Сталевар достичь поста главы страны раньше, и нынешней нестабильности на постсоветском пространстве просто бы не существовало. А может, это самое постсоветское пространство и не обра-

зовалось бы. Кто знает. Жили бы себе народ при очередном генеральном секретаре, и славил Советский Союз.

В общем-то, для Козина особой разницы, выбрать себе в союзники Сталева, либо кого-то другого, не существовало. Он ориентировался не на человека. Ориентировался на потенциал. Существовали материальные соображения, коими он руководствовался, прежде всего. Везде должен присутствовать фактор прогресса. Как в финансовых делах, так и на политическом поприще. Перенеся свою официальную ставку в сибирскую заимку, Андрей Силантыч добился не дешевой известности и сиюминутной славы покровителя для простого народа. Он, прежде всего, создал в центре России территориальный конгломерат, функционирование которого не только приносило стабильный доход, но и позволяло ему оказывать некоторое влияние на общественность.

«Деньги сами по себе ничто, – в унисон с общим током мыслей подумал Козин, – По разным надобностям они утекают также быстро, как и прибывают. И вот парадокс-то, чем значительней объем финансовых возможностей, тем глобальней возникают задачи, требующие затрат. Не напасешься. Только успевай, следи, чтобы не уйти «в ноль». Другое дело – капитал. При правильном его обороте, прибыль не только покрывает статьи расходов, но и дают возможность для расширения. А я очень хочу расширить ареал собственного влияния. Время такое. Оно дает возможность для реализации собственных амбиций, которых, естественно, хоть отбавляй.

Так же, как он поступал в отношении финансов, предпочитая умножать их, чем просто расходовать в свое удовольствие, Козин поступал и в плане реализации своих политических амбиций. Примкнув к Сталева, в его деятельности, он рассчитывал на свое скорое возвышение. И ему представлялось совсем неважным то, что возжелавший на старости лет власти, тот не считался ни с какой моралью и ни с какой этикой, желая достигнуть ее, даже если придется шагать по головам. Для него это представлялось приемлемым. Не привыкать. Он пока с удовольствием побудет на вторых ролях. Выждет, когда его покровитель и партнер вынесет на себе все встречные удары конкурентов и недругов. А когда придет время, тихонько спровадит того на покой, и, приняв перед всеми вид, что взваливает на себя бремя, получит воделенное.

Так, несомненно, и будет. Так почти принято в качестве хорошего тона. Однако, возвращаясь от мечтаний к действительности, Козин в очередной раз отметил, что до мига триумфа ему еще ой как далеко. Впереди еще большой путь, на котором ему суждено принести еще не одну жертву. Что ж, он готов. Принесет, коли понадобится. Принесет в жертву всех, вплоть до последнего человека.

Ему нравилась собственная решительность. Он стремился к этому. Козин никогда не желал, чтобы его считали решительным и целеустремленным. Он и был таким на самом деле, каждую минуту держа в кулаке даже самого себя. Может поэтому в свои сорок «с небольшим хвостиком» выглядел на десяток лет моложе, совмещая шарм привлекательного мужчины с бесценным опытом прожитого времени. За своей внешностью Андрей Силантыч следил так тщательно, словно являлся светской красоткой. Яркий блондин с точеным волевым лицом, высокий и стройный, обладающий «дворянской» осанкой, он неизменно привлекал к себе внимание женского пола. А между тем, вся эта холеная внешность требовала жесткого отношения к самому себе на протяжении многих лет.

«Нельзя расслабляться, – как некую аксиому, принятую давным-давно, повторил про себя Козин, – Расслабившись, человек начинает допускать фатальные ошибки.

Он не позволял. Держал себя в тонусе. Контролировал все и вся вокруг своей персоны. И даже не потому, что не доверял своим людям. Не доверять для него также было естественным состоянием. Так же как и заниматься кипучей деятельностью. Постоянно. Козин давно придерживался подобного образа жизни. Ради этого ощущения, ради этого состояния, дарящего ему некую эйфорию, Андрей Силантыч убивал прорву свободного времени на тренажерные

залы, массажные салоны, а также солярии, сауны и тому прочее. И, нужно сказать, усилия не пропадали даром. В свои сорок пять этот эффектный ухоженный блондин с модной стрижкой легко укладывал в собственную постель двадцатилетних красоток. Укладывал, что называется, «на интерес», манипулируя только личным обаянием.

«Что-то Глобус запаздывает, – лениво подумал Козин, оторвавшись от раздумий за осмотром великолепной панорамы утренней зари, встающей над столицей, – Уже должен быть с докладом.

Отвлекаясь от этой мысли, он потянулся рукой с леечкой в сторону ближайшего куста розово-белых орхидей, щедро плеснув на его корни порцией питательного раствора.

Позади него раздалось вежливое покашливание. Осторожный звук заставил напрячься. Подмывало, как некогда учил преподаватель «рукопашки» войти с разворота в пируэт и угодить так тихо вошедшего в оранжерею человека хорошим тумачком в челюсть. Он это мог. Физическая форма позволяла. Андрей Силантыч мысленно сказал «браво» своему пылу, однако на самом деле совершать подобных выпадов не собирался. Не по статусу. Да и все равно Глобус, обладавший отличной реакцией, легко ушел бы от удара.

– Ты опоздал, – вслух произнес Козин, не оборачиваясь, – Изменяешь своим привычкам.
– Нисколько, босс, – отозвался помощник, – Ровно девять. Минута в минуту.

Слегка удивившись, Андрей Силантыч обернулся и бросил быстрый взгляд на большие настенные часы, висевшие над входной дверью в помещение. Глобус не врал – стрелки указывали ровно на девять часов утра. Значит, это у него самого отчего-то сбились внутренние биологические часы, обычно точно указывающие текущее время. Подобное случалось чрезвычайно редко. Но, в принципе, могло произойти. Возможно, от нетерпения.

– Хм-м, – коротко хмыкнул Козин, – Ладно. Не суть важно. Ты с новостями? Выкладывай.

Он уже стал забывать, как зовут Глобуса на самом деле. Так «приросла» кличка. Внешне неторопливый в движениях, однако же, все и всегда успевающий тощий субъект с блестящей лысиной на крупной голове. Андрей Силантыч держал его рядом с собой с самого начала... И, естественно, доверял ему более, чем многим другим. Человек, чью жизнь он некогда спас от мучений, поругания и позорной кончины. Человек, проверенный сотню раз.

– Он ответил отказом, – скупой изрек помощник, сохраняя почтительную позу, в которой он появился здесь минуту назад, – Наотрез. Заявил, что предан тому выбору, который уже сделал.

– Какой пафос! Так и сказал? – губы блондина невольно дрогнули, однако более ничем он своего огорчения не выказал.

– Почти дословно.

– Глупец, – презрительно скривился Козин, – Еще питается иллюзиями, что те высокопоставленные хапуги, с которыми он некогда заключил союз на волне поросшей былью перестройки, могут изменить историю. То было простое совковое ворье, которое, наворовавшись, предпочитает просто просиживать зад на мешках с добром. Бельский не понимает, что пришло время для новой генерации и что она все равно придет, даже если ей для этого придется зубами выгрызть себе место под солнцем.

Глобус в ответ на эту тираду промолчал с непроницаемым видом. Знал, что шеф нередко любил пофилософствовать.

– Значит, отказал, – скорбно продолжил Козин, – Напрашивается на то, чтобы мы начали действовать по запасному плану. А отступаться нельзя. Слишком многое зависит от поддержки этого человека. Придется приручать, как дикого пса.

– У Бельского серьезная охрана, – изрек на это Глобус, – Деньги и возможности для этого имеются. Целая структура, созданная им на вполне официальной основе. Там, похоже, работают профессиональные инструктора из «спецов». Сотрудники этого агентства неплохо

подготовлены и, насколько я осведомлен из косвенных источников, денег для оплаты их услуг не жалеют.

– У олигархов похожие причуды, – небрежно отмахнулся Андрей Силантьич, – Каждый старается создать для своих нужд маленькую армию, чтобы затем считаться независимым. Пусть, – он ослепительно улыбнулся, обнажив великолепные ухоженные зубы, – Тем интереснее. Мы уже доказали нашим конкурентам в регионе, что заслуживаем уважения. Теперь тоже самое нужно сделать в столице-матушке. Тебе предстоит внимательно прозондировать окружение Бельского. Необходимо найти уязвимое место, чтобы затем, надавив на него, добиться требуемого. Тем паче, что некоторый задел в этом направлении у нас с тобой, как ты знаешь, имеется.

Глобус шагнул ближе и протянул Козину черную папку для бумаг. Тот принял ее и, быстро раскрыв, принялся просматривать содержащиеся внутри листки с информацией.

– Мы уже произвели первичную рекогносцировку, – в такт чтению принялся пояснять Глобус, – Наш человек в его окружении снова расстарался. Всеволод Артемьевич Бельский проживает один, постоянной пассии не имеет. Пользуется услугами одного закрытого столичного интим-салона. В остальном ведет светский, но довольно замкнутый образ жизни. Осторожен в контактах с людьми. Профессионально, как я уже сказал, охраняется...

– Это дело относительное, – перебил помощника Козин, – Было бы желание убрать... никакая охрана не спасет. Дальше!

– Самой близкой личной связью Бельского, – продолжил Глобус, – Является его родной сын и наследник Данил. Воспитывается фигурантом единолично с момента смерти супруги...

– Это уже интересно!

– Мальчик обучается в закрытой школе под присмотром целого отряда личной охраны. Кроме того при нем почти неотлучно находится личная телохранительница.

– Кто такая? Проверяли? Может, можно перекупить?

– Маловероятно, – скептически скривился помощник, – Эта девица довольно неординарная личность. Ее имя Корнеева Маргарита. Предана Бельскому, как отцу родному. По слухам, является для него почти приемной дочерью и считается членом семьи. Попытка подкупа обречена на провал со стопроцентной вероятностью.

– Почти приемная дочь? – вопросительно поднял брови Козин, – Это как?

Глобус в ответ неопределенно мотнул лысиной.

– Выяснить не удалось. Какая-то темная история. Другое дело, что Бельский доверяет этой кукле почти как к себе.

– Так ли?

– Так говорят.

– Увлекательно, – подал реплику Андрей Силантьич, – Кукла, говоришь? Как из себя?

– Двадцать пять лет, – с готовностью выдал информацию помощник, – Брюнетка. Развита физически. Подготовлена на базе того же охранного агентства. Не красавица, но обладает вполне привлекательной внешностью.

– Значит, – отвлеченно произнес вслух Андрей Силантьич, – Наклевывается интересное противостояние. Выучка наших людей против их бойцов. Ну что, Витя, поиграем?

Глобус встрепенулся. Он уже забыл, когда босс называл его по имени. Такое случалось чрезвычайно редко и по особым случаям.

– Отчего же нет? – он, слегка улыбнулся, – Выучка наших стрелков уже на достойном уровне. Есть серьезные спецы. Вполне можем дать Бельскому фору.

– Думаешь? – хмыкнул Козин, – А ревность не гложет? Это ведь не ты, а Крутой подыскал такого дельного инструктора. Говорят, у моджахедов научился воевать.

– А по мне главное, чтобы дело не страдало, – индифферентно высказался помощник, – Крутому просто повезло натолкнуться на полезного человечка раньше. Вот он и выслуживается.

Андрей Силантьич усмехнулся, все-таки уловив в голосе Глобуса нотку затаенного недовольства.

– То есть, ты не боишься, что я приближу Ёську? – лукаво поинтересовался он, – Он-то будет счастлив. Спит и видит себя на твоём месте.

– Вот и пусть спит, – Глобус впервые натурально изобразил улыбку, чем стал несколько походить на упыря из фильмов ужасов, – То, что он хочет, давно известно. Завистливый паскуда. Лезет туда, куда рылом не вышел. Хотя... Ты босс, тебе рулить. Если тебе Крутой нужнее, то, ...пожалуйста.

– Но-но, укоризненно выговорил Козин, – Будет ерничать. Сам знаешь, что довереннее тебя у меня человека нет. Поэтому Крутому и не бывать на твоём месте. Его удел теперь, хозяйствовать на заимке. Управлять тамошними делами и готовить бойцов для наших с тобой нужд. В глубинке народа бесхозного, да бездельного хоть отбавляй. Рады будут за копейку кровь свою пролить. Все лучше, чем по миру идти. А инструктор этот... Пусть занимается своим делом. Он тебе тем более не помеха. Видел его? Чем дышит?

– Чем дышит? Да как сказать? – в тон ответил Глобус, – Судя по виду, наемник. Знаний и умения много. В остальном особенно пока не видно. Такие за деньгами гоняются. Ведет себя прилично, но ребята к нему еще присматриваются. Главное, что стрелков готовит дельных. Не хуже, чем у этого... Бельского. Пара из них у нас уже в снайперах. Пусть готовит, раз у него получается.

– Пусть, – согласился Андрей Силантьич, – Его стараниями в нашем активе действительно уже прибавилось на несколько бригад обученной братвы. При случае, действительно можно и всерьез потягаться с охранным агентством нашего олигарха.

Помощник, уловив последние фразы, метнул на босса настороженный взгляд.

– При случае? А я-то подумал, что мы уже намерились на это противостояние.

– Возможно позже, – склонил голову к плечу Козин, – Но не сейчас. У меня в голове возник план. Если мы его провернем так, как задумано, то наверняка достигнем цели и избежим неоправданных затрат сил и средств. Противник будет молниеносно побежден. Блицкриг, если уж на то пошло.

– Посвятите, босс? – встрепнулся Глобус, – Или я уже не достоин вашего...?

– Посвящу. Безусловно. И прямо сейчас. Для дела много людей не понадобится. Пара человек для экстренной поддержки, мы с тобой и, неверное, Ангелина. Она в подобных делах уже проверена.

Андрей Силантьич произнес эти слова почти скороговоркой и порывисто пригладил белобрысые завитки волос на ухоженной голове. Сейчас он напоминал зверя, напавшего на след дичи. Вожделенной дичи.

Москва. Маргарита Корнеева. 1 августа 1996 года.

Вечер, отмеченный окончившимся с полчаса назад теплым проливным дождем, щедро пропитавшим окрестные дороги и тротуары, готовился перейти в густую и беззвездную из-за облачности ночь, накрывавшую городские окрестности темным покрывалом. Однако людям, оказавшимся в этом месте улицы в такое позднее время, освещения вполне хватало. Главным образом из-за зазывного сверкания вывески ночного клуба «Арлекино», добавлявшей свою щедрую толику к ночному мерцанию ночных фонарей.

– Ну что ты застыла, мать! – голос подруги встряхнул зазевавшуюся на упомянутую панораму Риту, – Как колхозница, право! Разинула варежку на всю ивановскую, будто в подобном заведении ни разу не бывала. Очнись, Марго!

– Анжелка!!! – многозначительно сощурилась Маргарита Корнеева в сторону девушки, минуту назад извергнувшей столь запальчивый монолог, – Ты так много и не по делу говоришь, что кто-нибудь обязательно захочет выцарапать глазенки твоей особе. А заодно и кудряшки проредить. Кому ты после этого будешь нужна, лахудра? Не думала? Павлику своему? Он-то себе, как раз, сразу замену подберет.

Несмотря на то, что Анжела Пашутина, в прошлом одноклассница Риты, а ныне светская кокотка, и считалась одной из ее близких подруг, на деле они виделись нечасто. Тем паче, можно пересчитать по пальцам, когда вместе куда-либо выбирались. Оттого, наверное (а может потому, что она предпочитала в общении с подругами откровенный стиль общения?), девушка предпочитала говорить с ней без обиняков. Или это выплывало наверх скрытое недовольство из-за того, что ее, домоседку, вытащили куда-то в темный ночной город? В самом деле, какая муха укусила ухоженную, ревностно следящую за веяниями моды Анжелку предложить ей, не особо следящей даже за собственной внешностью девушке совместный поход в модный ночной клуб, пользующийся бешеной популярностью среди «навороченной» молодежи? Оставалось только гадать.

«Что ты киснешь в четырех стенах, как нелюдь, – после обмена общими любезностями прощebetал накануне в трубке телефона голосок подруги, – Средства на достойный досуг имеются. Выглядишь ты так, что мужики облизываются. Почему бы не показаться среди приличных людей. Глядишь, и присмотришь себе зажиточного барсука.

Рита поначалу хотела отказаться. Не приучена к «прожиганию жизни». Нет у нее подобных склонностей в характере. Но подруга умела быть настойчивой, и пришлось согласиться, скрепя сердце.

Средства имелись. В отличие от Анжелки, вечно сидевшей на чьей-то щедрой шее, Рита зарабатывала их сама в полном объеме, как высококвалифицированный агент частной охранной конторы «Кондор». В таком статусе она обреталась уже без малого четыре года. Достаточный срок для того, чтобы подтвердить и упрочить статус агента каждодневным трудом. А это требовалось. Хотя бы потому, что ее благодетель, несмотря на все расположение к своей воспитаннице, возведенной им почти в ранг члена семьи, никогда бы не поручил ей столь ответственное занятие, требующее каждодневной самоотдачи и высочайшей квалификации.

Она справилась. Наверное потому, что в характере имелась черта, позволявшая достигать намеченных целей. Пусть большими усилиями, потом и кровью. Этими усилиями (а где-то и слезами в подушку) обрелась и прекрасная физическая форма, что, безусловно, сказалось на достоинствах девичьей фигуры. Кроме того Рита научилась превосходно владеть разнообразным стрелковым оружием, а помимо него еще и целым набором сопутствующих средств самозащиты. Споро управлялась с резиновой палкой, с ножом и весьма «популярными» среди уличной «гопоты» нунчаками. Конечно, в силу хрупкости женского организма, она не могла в полной мере равноценно противопоставить себя опытному бойцу мужского пола в рукопаш-

ном бою. Слишком разнился физический потенциал и уровень выносливости. Зато вполне бы сумела «навалить» какой-нибудь шпане. В крайнем случае, сумела бы профессионально «прикрыть» того, кого поручено сохранить в целостности и сохранности. Именно эти качества и требовались для того дела, которому ее прочил благодетель, в миру звавшийся олигархом Бельским.

Так Маргарите Корнеевой досталась роль личной телохранительницы единственного сына упомянутого олигарха, Данила. Спору нет, у наследника империи Бельского и без того в распоряжении имелся целый отряд профессиональной охраны. Охрана сопровождала его повсюду. Тем не менее, неоспоримым преимуществом Риты, как телохранительницы и гувернантки являлось то, что Данил, подвижный веснушчатый мальчик десяти лет от роду, считал девушку родным и доверенным человеком. Главным образом, поэтому ей так легко давалась своя роль. Гораздо легче, чем целому подразделению суровых тренированных мужчин, сросшихся с личным оружием и потайными бронежилетами. Как говаривал сам Бельский, Маргарита справлялась со своей ролью «по-родственному», а точнее «по-сестрински».

Само собой изначально предполагалось, что ей придется находиться при мальчике почти неотлучно. Данил не относился к психотипу гиперактивных детей, однако, тем не менее, требовал неусыпного внимания «сестры». И это, как раз, Рита могла ему дать. По большому счету девушке, оказалось, совсем нетрудно поддерживать между ними огонек некогда сложившегося доверительного общения. И, даже, более. Положа руку на сердце, она согласилась бы «носиться» с мальчишкой и за более скромное вознаграждение. Бельский это знал, однако, не желая экономить на собственном отпрыске, сам настоял на том, чтобы уровень оплаты телохранительницы соответствовал его пониманию. Может именно поэтому, благодаря самолюбивости Всеволода Артемьевича Бельского, в настоящее время Рита вполне располагала возможностью не только самолично содержать саму себя, но и потакать некоторым из своих тайных прихотей. Например, сейчас она совершенно точно знала, что Анжелка просто сгорает от зависти по поводу красовавшегося на ней изящного золотого кольца с драгоценными камнями.

Короче говоря, образ жизни Риты предполагал возможность подобных трат. Единственное, чего он не предполагал, так это обилия личного времени для себя. В том числе и регулярных выходных дней. Трепетно относившийся к вопросу неприкосновенности собственного наследника, Бельский редко и неохотно разрешал девушке отдыхать от службы, подменяя ее на это время одной и той же, незнакомой Корнеевой тощей женщиной с постным лицом и таким нелюдимым характером, что той до сих пор о ней не было известно ничего кроме имени. Естественно, что при таком режиме существования (по существу, мало кто из немногочисленных знакомых мог назвать ЭТО полноценной жизнью для молодой особы женского пола), у телохранительницы сына олигарха почти не оставалось времени на себя. Особенно в последнее время. Нет, ее нельзя было назвать «синим чулком». Нормальная девушка с нормальным же развитием и, соответственно, психикой. У нее, как и у всех имелся определенный опыт личных отношений и, в отдельных случаях, увлечений. Впрочем, ни одно из этих прошлых приключений не затронуло ее душу настолько глубоко, чтобы стать глубокой привязанностью. Возможно поэтому, Рита ныне и сносила подобный образ жизни, не особенно им тяготясь.

Несмотря на несколько грозную отповедь, высказанную развязной Анжелке, та ею несколько не впечатлилась, залившись смехом. Ей, содержанке по натуре, было не впервой выслушивать резкости.

– Да ладно тебе, Марго, – примирительно прошептала она, хватая ее за локоть, – Не дуйся. Просто в таких местах нужно уметь расталкивать народ локтями. Иначе, если промедлить, можно так и остаться на улице. Видишь, какая толпа у входа?

У входа в ночной клуб и, правда, разбившись на группы, толклось не менее сотни представителей молодого поколения в разномастной, но в равной степени броской одежде. Строй лениво жующих размалеванных девиц беспорядочно разбавлялся стайками молодых людей,

одетых в джинсу и кожу. Все они жались к парадным дверям, расположенным прямо под яркой мигающей вывеской. Там происходил фейс-контроль.

– Стасик! – вдруг запрыгала и громко, с радостным подвыванием, завизжала над ухом Анжелка, обернувшись в сторону возвышавшегося над всеми верзилы, затянувшего плотную фигуру в строгий черный костюм.

Тот, выделяясь среди толпы обликом и серьезностью вида, располагался прямо у входа в заведение и, по всей очевидности, собственно и занимался «сортировкой» посетителей.

– Привет милый!!! А мы вот с подружкой к вам решили заглянуть. Пустишь?

– Милый! – фыркнула от неожиданности Рита, разглядев некрасивое одутловатое лицо, однако тут же сочла за благо замолчать, уловив приветственную гримасу контролера.

Анжелу, ведущую активный светский образ жизни, здесь явно знали. Мужчина в костюме вполне по-свойски кивнул девушкам и сделал знак подойти поближе. Вслед за бойко щебечущей подружкой, Корнеева ринулась в самую гущу толпы, по ее примеру действительно расталкивая народ локтями.

– Уф-ф! Прорвались, – с этим Анжелиным возгласом они вывалились из толпы и, пронырнув под ограждением, оказались около «фейс-контроля».

Тот посторонился, пропуская девушек вовнутрь заведения, однако не упустил случая смачно пройти тяжелой пятерней по играющим под «мини» ягодицам Анжелки. Та, словно одаренная благословением хозяина гарема наложница, в ответ на этот вульгарный жест, зашлась залиvistым игривым смехом.

– Просто кошмар. Содом и Гоморра наших дней, – пробормотала идущая следом Рита и так грозно взглянула на контролера, что тот, было вознамерившийся повторить свою шалость теперь уже с ней, в самый последний момент воздержался и ограничился панибратски приветственным взмахом руки.

Двери ночного клуба открылись перед ними, пропуская внутрь. До сих пор слышавшаяся на полутонах и отголосках, ритмичная музыка бурной волной настигла девушек прямо на входе во внутреннее помещение просторного помещения и почти оглушила, заплескавшись замысловатыми переборами и руладами в окружающем пространстве. Ритм оказался настолько силен, что породил в Маргарите инстинктивное желание зажать уши.

«Дискотека для тугоухих, – невольно чертыхнулась девушка, пересиливая болезненный отклик собственного слуха, – Причем для тех, у кого развитие глухоты прогрессирует в геометрической прогрессии.

Впрочем, это ее первое впечатление сравнительно быстро ушло. Наверное, уши все-таки сумели адаптироваться. Придя в себя, Рита вдруг отметила, что начала воспринимать танцевальный ритм как бы всем телом. Звучание окутало ее пеленой, пропитало до кончиков ногтей и стало увлекать за собой, побуждая к движению. Только теперь она, пусть еще смутно, но начала понимать причину, заставлявшую всех вокруг дергаться в танцевальных конвульсиях. Как ни боролось существо девушки, в общем-то, далекой от молодежных ночных безумств, ритм постепенно овладел ею полностью. Возможно, сыграли какие-то подсознательные инстинкты, в результате чего захотелось влиться в беснующуюся толпу танцующих и тоже отдаться движению. Так, наверное, неистовствуют под грохот барабанов какие-нибудь папуасы, впадая в полугипнотический транс.

Похоже, подобное настроение овладело и Анжелкой. Та, в отличие от подружки, бороться с ним совсем не собиралась, оттого, а может (что не исключено) еще и заметив в людском столпотворении знакомые лица, сразу растворилась в нем без следа. Спohватившаяся Рита кинулась, было, следом, однако уже не смогла найти и намек на то, в какой стороне искать ветреную приятельницу. Оставалось только включиться в эту бесовскую пляску и слиться с окружением.

Тем временем движение людской массы вокруг и вправду стало вводить ее в состояние легкой эйфории. Так быстро, что уже через несколько минут, сама того не желая, Рита уже двигалась в русле ритма быстрого танца, изгибая тело в такт музыке. Глаза, обращавшиеся то в одну, то в другую сторону, не имея возможности сложить в одно целое всю картину, попавшую в поле обзора, выхватывали отдельные ее фрагменты, сменявшиеся так же быстро, как узоры в калейдоскопе.

Вот зрение сфокусировалось на какой-то полуголой девице, танцующей столь вдохновенно и развратно, что под мигающий свет цветомузыки то и дело недвусмысленно оголялись столь интимные части ее тела, что из их ряда плечо и ноги выглядели почти целомудренно. В одном из замысловатых «па», ее тело извилось с такой изощренной похотливостью, что одна из грудей целиком выскочила из выреза платяшка. Инцидент, каким бы фривольным он ни казался со стороны, нисколько не сконфузил девушку, продолжившую плясать так, словно ничего особенного не произошло. Впрочем, это неудивительно. По всему, а особенно по охваченному пьяной негой лицу, можно было догадаться, что эта особа здесь уже не один час и находится в кондиции «море по колено».

«Ничего особенного, – подумала про себя Корнеева, – В подобных заведениях таких танцоров и танцовщиц сотни. Одним словом, бесовщина.

Рядом с упомянутой девицей, нисколько не реагируя на «без малого стриптиз» соседки, отрешенно скакал худощавый паренек в рваных джинсах и яркой куртке. Судя по отстраненному выражению лица и полузакрытым пустым глазам, тот находился под действием эйфории другого вида. ЛСД или героин, кто их «нариков» разберет. Ну и контентентец! Пресытившись наблюдениями, с этой мыслью Рита повернулась в другую сторону, где скованно дергалась группа пьяных мордovorотов в малиновых пиджаках и физиономиями гопников, когда по ее плечу хлопнула чья-то рука.

– Марго! – блестящая глазенками, Анжела выглядела запыхавшейся и раскрасневшейся, – Ты, где потерялась? Я тут уже успела так навеселиться, что чуть каблучки не отлетели. Теперь надо слегка передохнуть и выпить по коктейльчику. А может, хочешь «бейлиса»? Пошли к бару!

Она увлекла Риту с танцпола к барной стойке, бесцеремонно вытолкав с двух сидячих мест укуранных юнцов явно еще школьного возраста.

– Два бейлиса! – громко, силясь перекричать громкую музыку, сообщила Анжелка бармену и указала подруге на место рядом с собой, – Давай посидим, посмакуем. В кои-то веки выбрались с тобой вдвоем. Когда еще доведется еще так погулять...

Анжела явно приbedнялась. Уж она-то, что Корнеева знала с достоверностью, в подобных местах едва ли не дневала и ночевала, напропалую транжиря деньги своего Павлика. С ним и без него. Сам Павлик, владелец нескольких магазинов и пунктов автосервиса, больше предпочитал рестораны и казино, где отчаянно «резался» в покер, однако взбалмошная содержанка вытаскивала его и сюда.

Учитывая вышесказанное, Маргарита едва удержалась от едкого комментария, принимая из рук подруги бокал с тягучей субстанцией дорогого ликера. Впрочем, пусть. У Анжелки свои игры.

– Вау, Марго! – вдруг привлекла ее возгласом приятельница, оторвав от смакования первого глотка, – Смотри, какой кавалер! Такие сюда заходят не так уж часто! Не чета этим сопливым укуранным маменькиным сынкам, что трутся здесь обычно. Просто штучный товар!

Рита проследила за направлением взгляда своей товарки. Чуть поодаль, у барной стойки стоял человек, действительно производивший впечатление. Белый кожаный пиджак безумно дорогого кроя, темно-красная рубашка с цветным галстуком и белые же «джинсы» явно не с рынка. Со своего места Корнеева не видела, но была готова поклясться, что на ногах у незнакомца лакированные туфли из крокодиловой кожи. Помимо отличия в одежде, в глаза броса-

лись мужественный профиль с точеным греческим носом и светлые, с едва заметным желтоватым оттенком волосы, тщательно уложенные в модную прическу. Просто принц какой-то, среди толпы беснующихся пьяных придурков!

То ли от глотка «бейлиса» ей так «захорошело», то ли это подействовал облик незнакомого человека мужского пола с такими выразительными чертами внешности, однако Рита вдруг ощутила какой-то подъем, всколыхнувший ее женское естество. С трудом сдержав нахлынувшее волнение, она застыла на своем месте, не отводя глаз от привлекшего их объекта.

– Он просто милашка! – тряхнув кудряшками, сделала вывод Анжелка в такт ее мыслям, – Красавец. Да я бы такому... сразу дала... – заключила она и в притворном ужасе кокетки округлила накрашенные глаза.

Маргарита невольно хохотнула, среагировав на высказывание. Приятное чувство окрыленности распространялось внутри нее, даря сказочные ощущения.

«Странно, – отстраненно и мимоходом подумала она, – Раньше с ликера у меня подобного не случалось.

До сих пор сидевший профилем, «принц», словно услышав разговоры о его персоне, неожиданно обернулся в их сторону и взглянул, казалось, прямо на нее. Лик не юнца! Перед собой Рита увидела еще выглядевшего молодым, вполне зрелого мужчину с волевыми чертами. Серые глаза с аристократическим разрезом взглянули внимательно и почти заморозили своей глубиной.

– Ой, Марго, – вдруг оторвала ее от созерцания Анжелка, взяв за руку, – Я тебя на минуту покину, – она приблизилась к ее уху и с хохотком громогласно прошептала, – Знаешь ли, мне тут срочно понадобилось в дамскую комнату. Подождешь меня здесь?

Корнеева ей кивнула, выразив согласие, проследила за тем, как подруга упорхнула прочь, сразу канув в толпе, после чего сделала из бокала большой глоток.

– Добрый вечер, красавица, – мужской голос приятного тембра с чуть заметной хрипотцой неожиданно заставил ее вновь обернуться к тому месту, которое только что оставила Анжела, – Я не помешаю?

Рита взглянула и чуть не упала с высокого барного табурета, увидев рядом с собой того самого «принца», внешность которого изучала с минуту назад. Это обстоятельство настолько ее потрясло, что девушка едва не подавилась еще не проглоченным «бэйлисом». С трудом справившись с этим неприятным обстоятельством, она судорожно сглотнула и, не имея возможности ответить голосом, просто кивнула незнакомцу.

– Разрешите поинтересоваться, – продолжил блондин, улыбнувшись ей ослепительно белозубой улыбкой, – Вы здесь одна? Или с партнером?

– С подругой, – улыбнулась в ответ Рита, – Она только что отошла.

Слова, обычно дававшиеся обстоятельной девушке непросто, на этот раз сорвались с губ легко и даже развязно. Что это с ней? Удивление скользнуло отвлеченным ощущением, сразу же улетучившись под напором эмоций.

– Вас чем-нибудь угостить? – предложил ей незнакомец, – Просто так. Ради знакомства.

Корнеева отрицательно покачала головой, продемонстрировав блондину едва ли на четверть опустошенный бокал с ликером.

– Вы не хотите знакомиться? – с явным сожалением отреагировал на ее жест собеседник, – Наверное, несвободны?

Ей все больше нравилась его манера разговора, выгодно отличавшая «принца» перед толпой беснующейся пьяной молодежи. Те только мычать могут в тщетных усилиях выговорить что-то вразумительное.

– Отчего не хочу? – отозвалась она, – Я, вполне свободна и зовусь Маргаритой.

– Очень приятно, – произнес блондин и, приподнявшись со своего места, тоже представился, – Витольд.

Его повадки, как машинально отметила разомлевшая от такого обхождения Рита, больше подошли бы какому-нибудь более респектабельному месту. Как занесло такого на эту кичливую свалку человеческого сброда, выделявшегося от остальных лишь наличием больших денег?

Что-то с ней в этот вечер происходило определенно не так. Обычно трезвомыслящая, Рита запомнила все произошедшее в дальнейшем, как цепь обрывочных кадров, ощущений и смысловых ассоциаций. Они с Витольдом, новоявленные знакомцы, говорили много и ни о чем, перебивая друг друга и неистово хохоча над его остротами, которые вворачивались буквально по всякому поводу и случаю. Девушка не пила ничего, кроме двух стандартных бокалов «бэйлиса», однако, если судить по ощущениям, в наикратчайший срок напилась «в зюю». Где-то на границе опьяненного сознания, в перерыве между приступами болезненного веселья, она мысленно удивилась сему небывалому факту, но почти сразу же отмахнулась от подобных наблюдений над самой собой. Сейчас ее все устраивало, ввиду чего намерение обязательно разобраться с этой загадкой девушка оставила «на потом».

Чуть позже (она не знала насколько – ощущение времени напрочь испарилось из ее сознания), они долго, кажется целую вечность, танцевали, все теснее прижимаясь, друг к другу и совершенно не прислушиваясь к музыке. Риту, все продолжавшую терять чувство реальности, охватило блаженство и такое успокоение, что она почти перестала пытаться осмыслить происходящее. Возможно (девушка уже легко могла это допустить), что все это происходило не с ней. Отстранившись от самой себя, она как бы наблюдала за событиями со стороны. Все равно, что смотреть фильм в кинотеатре или на экране телевизора. Возможно, что именно поэтому Рита восприняла все нестыковки этого вечера, так спокойно, не подвергнув анализу.

Одной из таких немаловажных «нестыковок», все-таки задержавшихся в ее памяти, явилось поведение Анжелы, по сути, бросившей подругу сразу же после появления рядом с ней харизматичного Витольда. Из «минутного» похода в туалетную комнату она так и не вернулась. Не придав поначалу значения этому факту, Рита только по истечении получаса вспомнила о нем. Но, подумав об этом, как-то сразу успокоилась. Приятельница всегда была очень легкомысленной особой, так что, если разобраться, допускался и подобный вариант. Пройдено. Может, кто знает, дала увлечь себя какому-нибудь смазливому недорослю и теперь, словно дорвавшаяся до запретного школьника, жадно обжималась с ним в каком-нибудь из закутков зала. С нее станется.

Маргарита вернулась к этой загадке уже на танцполе, когда сознание начало «плыть» от нежных прикосновений рук Витольда к ее чувствительной спине. Вернулась спонтанно, натолкнувшись мутным взглядом на очередную танцующую поодаль фигуру. Анжелка находилась буквально в нескольких метрах от них с Витольдом и делала вид увлеченной танцорки. Корнеева, словно при замедленной киносъемке, созерцала то, как извивается ее тело, как двигаются конечности и, как в такт этим движениям под тонкой кофтенкой из дорогого трикотажа развратно колыхаются «мячики» ее груди, лишенных поддержки бюстгалтера.

«Она так часто делает, – спонтанно вспомнила девушка, – Не надевает специально, чтобы выглядеть привлекательней ...сучка...

Удовлетворенная увиденным, она уже почти отвела глаза от танцующей Анжелки, когда что-то еще, произошедшее очень быстро, вновь привлекло ее внимание. Показалось или нет? Рита не испытывала уверенности в том, что верно заметила мимику подруги, хотя точно видела, как та пристальным и почти трезвым взглядом наблюдает за ними. Наверное, показало! Не могла, нет, не могла подруга по-свойски подмигнуть Витольду, с которым якобы знакома не была. Решив, таким образом, Корнеева окончательно потеряла Анжелку из виду и более в тот вечер ее не видела.

Впрочем, если разобраться начистоту, ей и не было сейчас дела до мимики, кого бы то ни было, кроме ее партнера. Колдовское ощущение увлечения этим мужчиной все росло где-

то внутри нее, будоража и опьяняя все больше. Положив руки на его плечи, Рита упоенно вглядывалась в глаза Витольда и с замиранием чувствовала, что пропадает в них целиком. Это походило на сказку. Или на пьяный бред. Она еще не решила...

Произошедшее потом она помнила еще хуже. Помнила ночной ветер, дышавший в лицо из-за полуопущенного стекла боковой дверцы какого-то дорогого автомобиля. Помнила буйный восторг от быстрой езды и мелькания проезжающих рядом машин. Помнила огни ночной Москвы, размывающиеся в какие-то мутные пятна... Потом в памяти всплыло ощущение чистого постельного белья... Крепкое мужское тело, страстно извивавшееся в ее горячих руках... Ласки... Море упоительного блаженства, рожденное в тот момент, когда они с Витольдом слились в одно целое... Фонтанирующее ощущение где-то в глубине ее разгоряченного естества... Умиротворенность... Где-то там, утомленная страстью до состояния неги, она окончательно провалилась в небытие, куда-то в цветные сновидения, где снова и снова продолжала падать в могучие мужские объятия...

Глава 6.

Москва. Маргарита Корнеева. Где-то утром августа 1996 года.

Момент ее пробуждения приятным назвать было нельзя. Скорее, его можно было назвать отвратительным. Тело, будто истрепанное в длительном рукопашном бою, ощущало ломоту и мерзостную болезненность. Что это с ней? Маргарита прислушалась к себе, к своему организму. Черт побери! Каждое биение ее сердца вызывало болезненные спазмы и, казалось, отдавалось в каждом органе. В ушах, ощущаемых большим больным местом, гулко отдавались отзвуки этих биений. Подташнивало.

Пересилив очередной такой приступ, она открыла глаза. Затем, все еще продолжая бороться с тошнотой, прижала руку к губам и резко приняла сидячее положение. Голова закружилась, заставив «поплыть» картинку, попавшую в поле ее зрения. Где это она?

Рита обежала вокруг удивленным взглядом. Никогда не виденная ею ранее, большая двуспальная кровать с изрядно смятыми простынями в какой-то незнакомой комнате, уставленной добротной мебелью. Похоже на гостиничный номер в каком-нибудь дорогом отеле. Как она здесь очутилась?

Девушка тряхнула головой и натерла ладонями виски. Напряглась память, начав выдавать какие-то размазанные картинки. Большая светящаяся вывеска с надписью «Арлекино»... Да, это был тот самый клуб, куда они с Анжелой вчера пошли. Какие-то мутные образы, лица и силуэты...ночной ветер, бьющий в разгоряченное лицо... Она еще напряглась и вызвала в памяти образ мужчины в белом кожаном пиджаке.

«Боже мой! – краска прилила к щекам, – Кажется... Мы с ним вчера... Витольд, кажется...

Она вспомнила отголоски той гаммы ощущений, которую пережила вчера. Наверное, он и в самом деле был неплох, если она позволила себе такое. А позволила ли? В размытое поле ее зрения попала запятнанная чем-то простыня. Если судить по этим пятнам, чье происхождение, скорее всего, велось от мужской секреции, то, ...наверное, позволила. Н-да уж! Устроила с незнакомым мужиком ночь разнузданной вакханалии. Без какой-либо контрацепции и иных защитных средств. Ужас!

Девушка скинула с себя укрывавшее ее одеяло и уже без особенной паники заметила, что полностью обнажена. Ну и что? Чего паниковать, если все уже произошло? От пустых переживаний все равно никакого толку. Другое дело, что произошел случайный половой контакт с женщиной, о котором она ничего не знала. Начиная с того, кто он и откуда, и заканчивая тем, насколько здоров. Это было куда хуже. Бог знает, какие болезни носят в себе такие смазливые красавчики. С этой пугающей мыслью Рита потянулась к телефонному аппарату, стоящему рядом на прикроватной тумбочке.

Рука привычно крутанула номерной диск. Рабочий телефонный номер Лерки она знала наизусть. Это ее палочка-выручалочка на случай непредвиденных ситуаций, требующих вмешательства медицины.

В трубке потянулись гудки вызова. Чего там они тянут? Так заняты работой, что никто не может ответить? Глаза упали на циферблат настенных часов. Силы небесные! Уже без малого десять утра!!! Ей уже через полчаса нужно принимать опеку над Данилом в школе! Постная гримза уже, наверное, все свои гляделки проглядела, выглядывая смену.

– Алло? – мужским голосом отозвалась трубка телефона, – Кто это? Вас не слышно!

– Алло!!! – почти заорала в микрофон Корнеева, убоявшись, что на том конце линии сейчас могут отключиться, – Здравствуйте! Мне бы Валерию Губскую к телефону.

– Сейчас, – коротко ответил ей на другом конце мужчина и пропал.

«Скорее, – мысленно поторопила его девушка и, вдруг заметив свое отражение на стенном зеркале, ужаснулась своему раскосмаченному виду, – Вот это да! Будто собаки трепали. Волосы всклокочены, тушь размазана по всему лицу. Клоунада и только.

– Алло, – прозвучал в трубке знакомый жизнерадостный голос, – Кто это?

– Лерка!!! – воскликнула Рита, – Привет!!! Это я, Корнеева! Ты уделишь мне минутку своего драгоценного? Мне сейчас ой как твой совет нужен!!!

– Уже уделила, – невозмутимо ответила трубка, – Говори, я слушаю. Что у тебя стряслось?

– Стряслось то, что я себя отвратительно чувствую. Головная боль, головокружение и тошнота...

– Да ну? – недоверчиво протянула подруга, – Не иначе, как напилась в кои-то веки. Повод, хоть был заслуживающий того?

– Наверное, – проямлила Корнеева, – Но с чего? Я и выпила-то всего два бокальчика ликера. А потом... все остальное помню слабо.

– Н-да, – согласилась собеседница, – С двух бокалов не должно. А что, сильно выстегнуло?

– Напрочь, – пришлось признаться Рите, – Я даже не помню кульминации.

– Да ну?!!!!! – развеселилась Лерка, – А что, должна была? Что-то было?

– Ну, было, – не стала отпираться девушка, – Как – не помню, но проснулась я в ужасном виде и в гостиничном номере.

– Понятно, – произнесла трубка, – И поэтому ты сразу позвонила ко мне? Не уверена в своем избраннике? Хоть красивый?

– Знаешь, я смутно все помню, – со вздохом призналась Рита, – Производил впечатление. Кажется. Скажи, а что это могло случиться с двух бокалов ликера? Я что-то за собой такого не припомню.

– Кто знает, – не стала выдвигать гипотез Лерка, – В жизни все может случиться. Правда я не помню, чтобы здоровая девушка, ведущая правильный образ жизни и занимающаяся спортом, оказалась в ауте после такого количества малоградусного напитка, но...

– Я чувствую себя так, словно по мне каток проехал, – уныло вставила реплику Рита.

– Может ты просто отравилась?

– Не знаю, – девушка звучно сглотнула, подавляя рвотный рефлекс, – Ощущение чем-то похоже, хотя вроде бы и не с чего. А мне еще на работу нужно край... Нужно себя пересилить и отработать. Надо.

– Ясно, – сделала заключение Лерка, – Ясно, что ничего не ясно. Наверное, тебе бы лучше было заглянуть ко мне в лабораторию. Я тебе и лекарствами помогу, и кровь на анализ возьму. Да, заодно профилактику тебе, горемычной, от нежелательных инфекций и беременности сделаю. Я так понимаю, что половой акт произошел безо всякой защиты?

– Мм-м-м, – согласно промычала в микрофон Рита.

– Тогда не теряй времени, – подвела черту в разговоре подруга, – Чем быстрее ты у меня появишься, тем будет лучше для тебя. На работе попроси небольшую отсрочку. Часа тебе хватит. Приедешь?

– Конечно, – поспешно согласилась девушка, – На работе я все утрясу. Подождут. А у тебя буду через полчаса.

– Хорошо. Я тебя жду, – произнесла трубка телефона и отключилась, огласив эфир очередью коротких гудков.

Москва. Андрей Силантьич Козин. 10:30 утра 2 августа 1996 года.

Утро уже начало переходить в день, когда Глобус, дежуривший у окна все последние три часа, увидел знакомый «Порш», подъезжающий к дому.

– Силантьич, – коротко объявил он, через плечо, полуобернувшись в сторону большого кресла, стоявшего от него чуть поодаль.

– Ладушки, – столь же лаконично прозвучал оттуда уверенный женский голос, – Сейчас узнаем все новости.

Глобус проследил за тем, как автомобиль припарковывается около подъезда, а затем отвернулся в сторону комнаты.

После столь длительного лицезрения залитых солнцем уличных окрестностей, комнатное освещение воспринималось ощутимо недостаточным. Поэтому, ожидая пока зрение адаптируется к столь резкой смене освещенности, первый помощник Козина невольно состроил недовольную мину и сощурил веки.

– Видел бы ты свою физиономию, – тут же прозвучал ехидный комментарий, – Ни дать ни взять, кающаяся смерть.

Он неторопливо повел одним приоткрывшимся глазом и смерил им ту, что осмелилась ему такое сказать. Потом прикрыл с показной ленцой.

– Ты на себя посмотри, мыбра, – с долей видимого презрения процедил в ответ, – Без слез не взглянешь. Совсем вид потеряла из-за наркоты. Краше в гроб кладут.

Молодая женщина, восседающая в кресле и правда, здоровым видом не отличалась. Мутные глаза, глубокие тени под ввалившимися глазами, осунувшееся лицо. Из-за этого ужасающего вида Ангелина почти не расставалась с большими солнцезащитными очками, закрывавшими почти половину ее изможденной физиономии.

«За что ее только Козин держит? – привычно, как не раз бывало в последние годы, подумал Глобус, – Нужно вовремя избавляться от отработанного шлама. Неужели за то, что некогда сделал ее своей любовницей? Так, то было давно и неправда.

Впрочем, помощник понимал, что Ангелина Барцева, в прошлом красавица и спортсменка, а ныне конченная наркоманка, Андрею Силантьичу еще могла пригодиться. Нет, не в качестве подруги для постельных утех. В той роли она не использовалась давно, прочно добавившись к длинному списку «бывших» Козина. Забракованная для этой роли, Ангелина или Геля, как ее зачастую называли в кругу знакомых, все равно оставалась преданной «овчаркой» своего хозяина и по его приказу могла «порвать» любого неугодного. Да и навыки пока не потеряла. Так что пусть пока ехидничает. Он стерпит.

Со стороны прихожей раздался звук отпираемой двери, прервав отвлеченные мысли. Глобус и Ангелина, словно пара верных псов, долго ожидавших прихода хозяина, синхронно повернули головы в ее сторону.

– Привет честной компании! – на пороге возникла стройная фигура блондина, – Не заждались? Я, право, не мог оторваться! Молодая девушка в прекрасной физической форме. Одним словом, песня. Не удержался, чтобы не одарить на прощанье лаской.

Глобус на это звучно хмыкнул и с легкой ухмылкой покрутил головой. Ангелина, не проявив особых эмоций по поводу прозвучавшего признания, ограничилась взмахом руки.

– Но от лирики ближе к делу, – согнал Козин с лица самодовольное выражение, – Женщины приходят и уходят, а оно, то бишь дело, остается. В связи с этим могу доложить, что черты предстоящей операции для меня вполне сформировались в своей конечной форме. Девушка оказалась весьма говорливой под действием препаратов.

– А если конкретнее? – поинтересовался Глобус, присаживаясь на подлокотник кресла, на котором расположилась Ангелина, – Место определено окончательно?

Барцева недовольно покосилась на близкое соседство с явно неприятным ей человеком, однако открыто протестовать против этого не стала.

– Да место определено, – кивнул Андрей Силантьич, падая в кресло напротив, – Как мы и наметили ранее, это школа. Другого такого удобного во всех отношениях нам не сыскать. Прикрепленный к мальчику отряд охраны остается снаружи. С ним на расстоянии прямой видимости остается только наша говорливая телохранительница Рита.

– Понятно, – в раздумье склонил свою большую голову набок Глобус, – Остается определиться с тем, как незаметно войти в здание и продумать пути незаметного же отхода. Не улыбается попасть под шквальный огонь бойцов «Кондора».

– Это я беру на себя, – подала реплику Ангелина, – В качестве такого пути сгодится черный ход, забытый всеми уже лет десять. Завален всяким хламом, но вполне годится. Я вчера в отличие от тех, – она блеснула в сторону Козина мутным взглядом, – Кто приятно проводил время, произвела детальную разведку. И нашла подходящего человека, который проводит нас туда незаметно для всех.

– Интересно, – Андрей Силантьич игнорировал выпад отставной подруги, – Кто такой?

– Учитель физики, – брезгливо сморщила физиономию Барцева, – Так себе. Тюфяк. Опускающийся слабачок на фоне личной драмы. Жена его бросила и оставила тем самым в глубокой депрессии. В попытках выбраться из этого состояния он, было, обратился к традиционным средствам забвения, однако заслужил порицание от директрисы, патологически не терпящей алкоголиков. Тогда, дабы больше не привлекать внимания, переключился на наркоту. Я вчера провела с ним весь вечер и могу поручиться, что теперь он наш с потрохами.

– Сойдет, – кивнул Козин, – Если ты еще и переспала с ним, тогда он и вовсе на крючке.

– Ты мне льстишь, – огрызнулась Ангелина, однако опровергать предположение босса не стала.

– Раз так, – подвел итог короткого совещания Глобус, – Тогда окончательно остановимся на этом варианте. Группа поддержки вместе с транспортом будет ждать нас на улице неподалеку от черного входа, используемого для отхода действующей группы. После осуществления акции, погрузимся в машины и запутаем возможную погоню, если таковая будет, силами мобильного отвлечения. Через два часа после окончания основной фазы Ангелина отправится в аэропорт с заложником для его переправки к месту содержания. Я ничего не забыл?

– В общем, да, – подтвердил Козин, – Детали обговорим по ходу пьесы. А сейчас за дело. Каждый из вас знает, что ему нужно сделать. Начало операции через полтора часа.

Москва. Маргарита Корнеева. 14:45 2 августа 1996 года.

Ее еще слабо мутило, однако в целом Рита чувствовала себя в норме. Стараниями Лерки. Наскоро, ввиду спешки подруги, стремившейся быстрее попасть на работу, та осмотрела ее и только покачала головой. Настаивать на тщательном обследовании, она знала, будет бесполезно. Поэтому, сжалившись над явно написанными на лице Корнеевой страданиями, она первым делом вколола ей какой-то стимулятор. Затем, не забыв по-старушечьи прочитать нравов учения на тему незащищенных контактов с малознакомыми мужчинами, сделала комплексный укол от возможных последствий этого контакта и, конечно же, взяла с Риты слово дообследоваться в самое ближайшее время. В завершение скоропалительной процедуры, Лерка взяла у нее кровь на анализ и отпустила восвояси. К великому облегчению нервничающей девушки.

«Чем же это ты так напилась? – всплыл в памяти у Риты вопрос Лерки, – У тебя вид такой, словно тебя химией накачали.

Ничего, анализ крови покажет. Результат будет завтра. Если выяснится, что вместо ликера ей в клубе бармен налил какой-нибудь суррогат, она поднимет такой скандал, что чертям станет тошно в аду.

– Липучка, у тебя все в порядке? – прозвучал в наушнике мобильной гарнитуры голос старшего группы охраны.

«Липучка» – это ее рабочий позывной. Прямо по смыслу. Она должна прямо-таки липнуть к объекту охранения, быть к нему как можно ближе, чтобы выполнить свою задачу. Телхранитель – это человек, в любую минуту готовый подставить себя, свое тело, закрывая собой того, кого обязан сохранить.

– В порядке, Сыч, – машинально отозвалась Рита старшему, в это самое время привычно осматривая окружающее пространство, – А что случилось?

– Пока ничего, – пояснил тот, – Но все вокруг как-то необычно.

– Чем?

– Слишком много автотранспорта для этого времени суток. Какие-то «левые» люди... К тому же, что-то шумно вокруг. Интуиция, знаешь ли.

– У меня пока все чисто, – произнесла Рита и еще раз, для очистки совести, осмотрелась, – Лишнего народа нет. Обычный контингент.

Школьный коридор, в котором сейчас находилась девушка, и в самом деле выглядел почти пустынным. Где-то в его конце копошилась школьная уборщица, орудуя шваброй, да, неподалеку, метрах в десяти от входной классной двери, где сейчас шло занятие у класса Данила, хорошо знакомый ей учитель истории мирно беседовал с каким-то респектабельным господином. Тот, хоть и не был Рите знаком визуально, да к тому же стоял к ней спиной, производил вполне мирное впечатление манерами и жестикуляцией.

– Хорошо, – удовлетворился отчетом девушки «Сыч», – Но будь настороже.

– Принято, – коротко ответила она и взглянула на наручные часы.

Без двадцати пяти минут одиннадцать. Судя по расписанию, через пять минут должно окончиться занятие и детям будет предоставлена перемена. Тогда ей придется покинуть свой пост у класса. Данил, как всякий нормальный мальчишка не станет проводить сиднем отпущенное ему для отдыха время. В его характере скакать и бегать по коридорам в инстинктивном желании выплеснуть накопленную за время занятия излишнюю энергию. По-другому и не может быть у десятилетнего, нормально развитого ребенка.

Уборщица в своем синем заношенном халате за то время, пока Рита вела переговоры с группой охраны, значительно продвинулась в своем занятии. Она уже вымыла своим «орудием» без малого половину коридора и приблизилась метров на десять. Не меньше. Все это время женщина оставалась обращенной к девушке спиной. Так, что та не могла увидеть ее

лица. Впрочем, нужно ли было просить повернуться к ней человека, которого Рита видела изо дня в день на протяжении не одного месяца. За это время она изучила каждую складку фигуры у этой пожилой женщины.

«Что-то она размахнулась сегодня, – мимоходом подумала Корнеева, наблюдая за энергичными движениями школьной работницы, – План перевыполняет что ли? Обычно как-то размеренно и печально, с частыми перерывами.

Словно услышав ее мысли, техничка вдруг остановилась, прислонила швабру к стене и звучно заохала, распрямившись и уперев руки в бока. Ясно. Запал у тети (как ее там?) Мани кончился.

Где-то над головой Риты тренькнул, а потом залился перезвоном школьный звонок. Конец урока. По его сигналу Рита поднялась со своего стула и принялась всматриваться в двери. Сейчас она распахнется и оттуда вывалит гомонливая ватага школьников. Дети оставались детьми даже в таком элитном заведении с собственной охраной и специально подобранными преподавателями.

Коридор огласился детскими голосами и наполнился теми, кто эти голоса издавал. Дети. Разношерстно, но модно одетая ватага, оживленные лица, хохот и писк. Девушка заметила среди них Данила и, махнув рукой, начала приближаться к нему. Тот, заметив ее, в свою очередь, радостно замахал руками и стал пробираться навстречу.

– Липучка, как обстановка, – снова потребовал отчета голос старшего из рации.

Наверное, прошли стандартные пятнадцать минут между сеансами связи.

– В норме, – коротко отозвалась Рита, приняв в сторону и пропуская плотную группу разновозрастных школяров, – Занятие окончилось. Взяла объект под опеку.

Приблизившийся мальчик оказался рядом с учителем и незнакомым господином, все это время продолжавшими беседу. Заметив Риту, он остановился и снова махнул ей рукой. Веснушчатое личико с широкой белозубой улыбкой. Та махнула в ответ.

«Сейчас начнет спрашивать, что я делала вчера, – подумала она, глядя в улыбающееся мальчишечье лицо, – Даня всегда интересуется тем, что я делаю в мои редкие выходные.

Она и в самом деле относилась к этому мальчику почти с родственным чувством. После того, как Бельский принял участие в ее судьбе и ввел в свой семейный круг, Рита приняла Данила всем обездоленным сердцем и с тех пор находилась рядом почти неотлучно. Может из чувства благодарности, а может...кто знает почему... Тот относился к ней с изрядной долей взаимности. Наверное, из-за хронической нехватки женской роли в его воспитании и взрослении. Встречавшись после столь коротких и редких разлук, они неизменно подолгу болтали. Как дети, перебивая друг друга и прерывая речь громкими возгласами. Сегодня, приняв опеку над Даней от «постной дамы» уже в школе, она еще не успела поведать ему о своих последних похождениях.

«Было бы, о чем рассказывать, – чертыхнулась в глубине души девушка, невольно вызвав в памяти воспоминание о вчерашних безумствах, – стыдоба и болезненное похмелье.

Ей почему-то и самой было неприятно вспоминать о недавнем приключении. Что-то в нем смущало. До сих пор. Подсознательно.

– Здравствуй, красавица, – эта реплика принадлежала тому самому уважаемому господину, что, беседуя с учителем истории, до сих пор находился к Рите спиной, – Как дела?

Образно говоря, у девушки сейчас едва не зашевелились волосы на голове. Перед ней, вынырнув подобием призрака из только что промелькнувших мыслей, встал Витольд. Явно загримированный и слегка состаренный, в слегка обвисшем костюме, характерном больше для людей более старшего поколения. Неудивительно, что она не сумела опознать его со спины.

– Ты?!!!! – Рита не сумела выдать из себя ничего, кроме этого слова.

– Я, дорогая, – с ослепительной улыбкой Витольд шагнул к ней и, воспользовавшись замешательством, обнял, – Не ожидала? А между тем, могла бы.

Запоздало среагировав, она резко оттолкнула его, однако в следующий момент, свистнув в воздухе, что-то сильно ударило ее в плечо. Словно зачарованная, она тупо уставилась на пробившую ткань джинсовой куртки и вонзившуюся в мышцы руки маленькую стрелку с ярким оперением. Такие с равным успехом можно использовать в специальных духовых пистолетах, либо метать вручную.

– Рита, – в стороне испуганно пискнул голосок Данила, однако сразу же смолк, явно пресеченный чьей-то рукой.

«Боже мой! – мысленно испугалась девушка, ощутив, как от места укола по телу быстро начинает распространяться волна онемения, – Как же это я сплеховала?»

Она скосила глаза в ту сторону, откуда должна была прилететь стрелка и увидела там женщину в синем халате. Нет, это не была тетя Маня. Вместо нее, из-под всклокоченного парика, имитирующего седые волосы школьной уборщицы, смотрели глаза незнакомой, нестарой еще женщины. Смотрели с профессиональным прищуром, наверное, наблюдая за тем, как меняется лицо у новоявленной жертвы смертельного розыгрыша.

– Зачем? – поморщился в сторону подручной Витольд, – Поторопилась. Я бы сам. Хотя... Негоже собственноручно бить женщину, доставившую накануне столько удовольствия.

Если бы взгляды умели убивать, то он бы уже корчился на полу. Витольд же, заметив выражение ее глаз, только улыбнулся, подступив ближе и слегка подтолкнув рукой в грудь. Оцепенение охватило мышцы девушки уже настолько, что она не имела сил сопротивляться. Потому просто рухнула навзничь, больно ударившись затылком о пол. Словно куль. Глаза от удара широко раскрылись и так застыли, не в силах сделать обратного движения. В слуховые рецепторы ударили испуганные охи тех посторонних людей, что случайно оказались рядом. Криков никто не поднял. Видимо еще никто не понял, что произошло.

– Я знаю, что ты все слышишь и видишь, – сказал Витольд, нависнув над ее лицом сверху.

– Это пока, – подал реплику резкий женский голос неподалеку, – Доза так велика, что она скоро отключится окончательно и может вообще не прийти в себя.

– Ты добавила капельку нейропаралитического яда? – хмыкнув, поинтересовался Витольд, скосив глаза в сторону не попадавшей теперь в остановившееся поле обзора Риты «псевдо-уборщицы», – К чему? Что за кровожадность?

– Для верности, – последовал короткий ответ, – Такой коктейль быстрее всего ликвидирует потенциальную угрозу. А вынесет ли ее организм жертвы – это уже сугубо личное дело. По крайней мере, пока, желаешь ты того или нет, она все слышит, видит и запоминает.

– Это не страшно, – усмехнулся лик Витольда, – Никому не успеть за ходом придуманной мной пьесы. Через две недели все закончится. Благоприятно для меня и не очень благоприятно для Бельского. Конечно, если он станет упрямым, – он повернулся в другую сторону, – А ты чего застыл? Тащи мальчишку через черный ход к нашим ребятам. Сопротивляться и кричать он не сможет, потому что укол уже начал действовать.

«Наверное, это учитель, – утвердилась в своей догадке Рита, – Подкупив, а может и, напугав его, Витольд с сообщниками получил беспрепятственный доступ в школу. Теперь, появившись с ними, историк сделает все, что требуется.

– Хорошо, – удовлетворенно высказался блондин, проводив глазами того, кто утаскивал несчастного мальчишку, после чего вновь обратился к Рите, – А тебя напоследок я могу только поблагодарить за то, что выболтала недостававшую мне информацию. Без нее я бы, наверное, не смог повернуть операцию так гладко. Бойцы из вашего отряда охранения не успеют и глазом моргнуть, как я уже буду на безопасном расстоянии. Адью, крошка.

Он запечатлел на ее покрытом испариной лбу картинный поцелуй, после чего кивнул «лжеуборщице» и исчез из виду. Только легкий звук их шагов, вскоре утонувший в гомоне обступивших лежавшую девушку испуганных школьников, сказал о том, что ее оставили в покое.

«Уходят! – пронеслась в ее голове испуганная мысль, – Уводят Даню!

Наверное, именно эта мысль подстегнула скрытые резервы ее организма. Вопреки утверждению выдававшей себя за уборщицу женщины-стрелка, она, собрав всю свою волю в кулак, сумела принять сидячее положение и, в поисках опоры, привалиться к стене. Затем сантиметр за сантиметром подняла непослушную руку и заставила ее нажать на кнопку переговорного устройства рации.

– Это Липучка, – произнесли губы, которых она больше не чувствовала, – На помощь... срочно на помощь...

После этого силы оставили Риту и она снова повалилась на пол. Белый, плохо выкрашенный потолок школьного коридора вдруг принял над ней вращательное движение. Постепенно усилившееся, это движение тщательно перемешалось с резкими испуганными выкриками из радиостанции, после чего превратилось в мигающее пятно и исчезло совсем, оставив только одну темноту.

Глава 7. Андрей Силантьич Козин. Приблизительно 9 часов утра 3 августа 1996 года.

Снова спокойное утро, заполнившее голубые безоблачные небеса над едва проснувшейся Москвой нежными розоватыми отсветами вызревшей зари. Приятное ощущение покоя и полного успеха в делах. Если так дальше пойдет, то скоро его мечты сбудутся, и он перейдет на более высокую ступень власти. На ступень более высокую, чем может предположить Сазон Прямой, не так давно от имени сибирского воровского сообщества официально отказавшийся от взаимовыгодного альянса. Глупец! Недальновидный глупец! Он не смог разглядеть всех перспектив, которые станут достижимы в этом случае. Споры нет, «блатные» в нынешние времена и без того живут вольготно. Творят свои дела свободно и безнаказанно. Ослабевшая государственная власть не имеет сил вмешаться и довольствуется теми крохами, которые ей бросают на откуп. На «отвяжись». Но, если бы главный авторитет сообщества умел заглядывать дальше собственных нужд, то он, несомненно, увидел такое, от чего бы у него захватило дух. Непременно бы захватило.

«Пусть! Значит, так рассудила судьба.

В какой-то, пусть и небольшой степени Козин считал себя фаталистом. Оттого, наверное, слова «судьба» и «предопределение» для него несли в себе определенный смысл. Пусть и не всеобъемлющий, но все же... Впрочем, нет. Фаталисты покоряются судьбе. Он же, напротив, старается подстроить судьбу под себя и свои устремления. До сих пор это получалось.

Улыбнувшись собственным мыслям, Андрей Силантьич довольно улыбнулся приятному их ходу и, вспомнив о своих обязанностях цветовода, взялся за поливочную лейку. Он только что развел новую порцию питательного раствора для своих орхидей.

– Пейте, дети мои, – благодушно пробормотал он, с особенной заботливостью поливая корневую систему куста с белыми крупными цветами, которые особенно любил – Пейте вволю.

Щелчок тихо закрывшейся двери он, по обыкновению, не услышал. Но понял, что в оранжерею наведалься гость. Наверное, по движению воздуха, либо благодаря своему чутью.

– Как прошло? – коротко спросил Козин, бросив косой взгляд в сторону появившегося человека.

– По плану, – ответил Глобус, – Отправили так, как и планировалось. Без эксцессов.

– Хорошо, – Андрей Силантьич склонился с лейкой к другому цветочному кусту, – При отправлении ничего подозрительного не заметили?

– Нет. Мои люди вели наблюдение. Начали следить за час до отправления самолета и закончили через час после его отлета. Ничего. Ни движений среди ментов, ни слежки. Сработали чисто. Пусть, эта Рита и сумела взбаламутить своих, однако наш отход и отвлекающий маневр с машинами сработал на всю катушку.

Козин согласно мотнул головой, занявшись следующим кустом орхидей. На этот раз светло-сиреневых, с нежными розовыми прожилками и окантовкой лепестков. Споры нет, Маргарита Корнеева его удивила. Другая бы, подавленная произошедшим, перед собственной кончиной просто бы лежала и жалела себя. Мол, жестокая судьба и тому подобные сопли. Эта же, прежде чем отключиться окончательно, сумела собраться с силами и подать сигнал тревоги по рации.

– Черт, – чертыхнулся про себя Андрей Силантьич, – Нужно было не играть в игры, а надежно вырубить ее. Чертова тяга к театральности!

Неприятный был момент, хоть и не повлиял на сам ход событий. Просто пришлось несколько ускориться, дабы спокойно унести ноги и запутать людей Бельского. Запаса времени им вполне хватило.

Похитители уже выбрались из здания школы через черный ход и переправляли бесчувственное тело усыпленного мальчика через заранее проделанную брешь в металлическом заборе, когда сканерная аппаратура в салоне ожидавшей их автомашины огласилась хором взволнованных голосов на радиоволне, используемой отрядом охранения сына Бельского. Это заставило резко сократить и без того крайне урезанное время для погрузки. Они бросили похищенного на заднее сиденье салона, заняли свои места и дали по газам. Дальше наступал черед группы прикрытия, в задачу которой входило отвлечь силы возможного преследования на себя.

«Нет, – сам себя осудил за предыдущее высказывание Козин, – Все-таки зря я пеняю на тягу к театральности. В целом, если отбросить этот маленький инцидент, все было срежиссировано в высшей степени профессионально.

Силы отвлечения, представленные тремя автомобилями, сработали четко. Прямо после того, как автомобиль с сыном Бельского и командой похитителей отбыл в сторону промежуточной точки перегруппировки, экипажи всех трех машин отвлекающей группы устроили суету рядом со школьной оградой в месте выноса через нее мальчика, а затем, завидев силы охраны, картинно «стартанули» у них на глазах в разные стороны. Естественно, те среагировали соответственно и, словно стая гончих, погнались следом, сообразно плану удаляясь в противоположную сторону.

– Никто из бойцов группы прикрытия не пострадал?

– Никто, – отозвался Глобус, – Как и оговаривалось, они некоторое время водили тех по окрестностям, а затем, предоставив тем, возможность себя нагнать и остановить, сделали невинный вид людей случайно попавшихся под руку. Сработало идеально. Нигде до стрельбы не дошло.

– Учитель точно умер? Мне кажется, он еще трепыхался, когда его выбросили из салона автомобиля.

– Точно. Ангелина не оставляет свидетелей. Даже тех, которых прежде убеждает в том, что любит. Будьте уверены, не заговорит.

– Это радует, – дал краткий комментарий Козин, – Лишний шум нам пока не нужен. Да и профессиональные агенты на дороге не валяются.

– Если что, инструктор подготовит еще, – не разделил его мягкости помощник, – Расходным материалом приходится время от времени жертвовать.

Андрей Силантыч удостоил Глобуса косым взглядом, но от обмена мнениями отказался.

– Когда самолет приземлится в Омске? – поинтересовался он вместо этого.

– Через полтора часа.

– Встречу подготовили? Нужно и там исключить возможности утечки информации и обеспечить встречу на высшем уровне. Нельзя мелочиться в серьезном деле.

– Все предусмотрено, – поспешил успокоить его помощник, – Дело поручено лично Крутому, а он уж, сами знаете, из кожи вон вылезет, чтобы себя показать. И, Ангелина, нужно сказать, свое дело знает хорошо. Не впервой. Устроят все в наилучшем виде.

– Надеюсь, – произнес Козин, снова потянувшись лейкой к кустам, – Но ты все равно проконтролируй.

Маргарита Корнеева. Приблизительно в 15:30 часов дня 3 августа 1996 года.

– Меня трогает ваша забота о бедной девушке, Всеволод Артемьевич, – слащавый мелодичный голос прорвался сквозь ватную тишину бессознательного, пробудив ее и заставив сознание всплыть на поверхность бытующей реальности, – Однако это совершенно излишне. Мы и так уже сделали все от нас зависящее, чтобы вытащить пострадавшую с того света. Знаете ли, доза попавших в ее кровь нервнопаралитических веществ оказалась просто запредельной и чудо, что организм сумел оказать достойное сопротивление до приезда квалифицированных медиков. У нее оказался необычайно крепкий внутренний ресурс, который позволил вполне благополучно преодолеть наступивший, было, коллапс, нервной системы. В девяноста пяти процентах таких случаев исход бывает не в пользу пациентов. К тому же, если сказать по совести, вашей девушке очень повезло в том плане, что игла с отравляющим составом попала в ту зону предплечья которая наименее всего снабжена крупными кровеносными сосудами. Оттого, скорость рассасывания полученной дозы также уменьшилась в разы, что позволило бригаде экстренной помощи...

Рита воспринимала рассудком то, что о чем сейчас говорилось, однако, ловила себя на мысли, что не может в полной мере сосредоточиться на сказанном. Ее больше, как ни смешно, занимал вопрос о половой принадлежности говорливого медика. С таким голосом, тот в равной степени мог являться и мужчиной, и женщиной.

Звук, одновременно похожий и на стон, и на рычание, вдруг резанул слух и, словно взмахом ножа, пресек словесные излияния неопределенного существа из области медицины. Девушка знала этот звук. Понимала его. Такое мог издать только человек, сдерживать свои эмоции, для которого было уже выше своих сил. Так мог стонать и рычать отец, лишившийся своего дитя.

– Вы, Жанна Аркадьевна (это была все-таки женщина!), не можете себе представить, насколько важно сейчас спасти эту, в сущности, постороннюю мне девочку, – голос Бельского прозвучал отрезвляюще жестко и взвешенно, – Она мне не жена, не дочь, и не любимая, хотя и является своим человеком в моем семейном кругу...

– О, Всеволод Артемьевич! – горячо вступила в разговор после этой реплики доктор, – Это так благородно! Вы такой участливый и отзывчивый человек! Наша клиника...

– Вы не поняли меня, – с раздражением в голосе вновь перехватил инициативу в разговоре Бельский, – Я сам знаю все мои положительные качества. Восхваляя меня, вы не добавите лишних очков ни в свою пользу, ни в пользу вашего заведения. У меня достаточно средств, чтобы хотя бы изредка проявлять благородство просто так. Я могу позволить такую роскошь.

Он невольно понизил голос при последних словах, хотя, по всей видимости сам факт подобного разговора, случившегося прямо перед постелью больной, говорил о том, что все вокруг считали Риту находящейся в глубоком беспамятстве.

– Девочка мне не чужой человек – это, правда, – продолжил олигарх в колее выбранного тона, – Однако, мне приходилось жертвовать и более близкими. В бизнесе, да и в жизни вообще, часто, как в шахматной партии, приходится разменивать одни фигуры на другие. Жертвовать пешкой, чтобы уберечь, скажем, ферзя. В данном случае, Жанна Аркадьевна, я, не раздумывая, могу пожертвовать ею ради того, чтобы спасти моего единственного сына. И для меня в данном случае совсем неважен пафос, человеческое участие и возможность проявить благородство. Важно выяснить, каким образом и кто именно совершил похищение Данила. Важно для того, чтобы решить для себя, как действовать в дальнейшем. Маргарита важный свидетель и я сделаю все возможное для того, чтобы получить из первых рук те сведения и

те зацепки, которыми она может обладать. Даже при условии, что при этом ее организм не выдержит и откажет совсем...

«Значит, пешка! – жаркая волна обиды захлестнула Корнееву, заполнив ее изнутри от края до края, – Разменная монета в больших играх взрослых мальчиков! Человек, которым можно при случае пожертвовать, чтобы сохранить спокойствие себе и своему отпрыску!

Глубоко оскорбленная в чувствах, девушка едва сумела сохранить прежний отсутствующий вид.

«Ну, а что ты хотела? – вдруг, добавляя смятения в обеспокоенную душу, противовесом пришла противоположная сторона поднятой Бельским темы, – Ты же сама прекрасно понимала, на каких правах допущена в круг близких и избранных. Ты сама согласилась стать нянькой Данила, чтобы ощутить хотя бы иллюзию некогда потерянного тобой семейного тепла. Ты сама согласилась с той ролью разменной монеты, которую уготовил тебе Всеволод Артемьевич.

Обида схлынула с той же стремительностью, с какой овладела ее существом. Да, она, Маргарита Корнеева, мыслящая здраво и трезво, вполне знала свое место. Да, она согласилась играть роль няньки и телохранительницы, обязалась хранить жизнь Данила в обмен на смутную иллюзию внутреннего благополучия и внешней стабильности. Она сама взяла такую ношу, за которую требовалось, при случае, заплатить собственной жизнью. И, судя по всему, как ни прискорбно, не сумела вынести ее.

– Вы должны понимать, Жанна Аркадьевна, – голос Бельского снова окреп, показывая, что приступ истерической слабости у олигарха миновал, – Что в данном случае и в данном положении счет времени для меня, отца похищенного ребенка, идет даже не на дни. На часы, а может и на минуты. Похитители, дав мне информацию о своих требованиях, выделили мне всего две недели на то, чтобы я все выполнил в точности. Другое дело, что они не дали мне надежных гарантий в том, что неприкосновенность жизни моего сына будет соблюдена. Они играют втемную и, нужно сказать, целиком ведут в этой игре. Они заставляют меня выполнять их условия и не оставляют мне достаточной надежды на то, что обмен будет равноценным. Возможно, от того, что увидела и запомнила эта девушка – телохранитель будет зависеть хоть какое-то изменение ситуации в лучшую сторону.

Голос Бельского постепенно удалялся, свидетельствуя о том, что тот направился к выходу из палаты.

– Мы сделаем все от нас зависящее, – поспешила заверить Жанна Аркадьевна, по всей видимости последовавшая за олигархом, – Ее состояние будет оставаться под постоянным наблюдением и при первой же возможности дежурный врач постарается скорейшим образом привести ее в состояние, при котором она сможет дать свидетельские показания, ежели таковые у нее будут...

Дверь скрипнула и захлопнулась, обозначив для Риты, что она оказалась в одиночестве. Что ж, по крайней мере, у нее будет хоть какой-то отрезок времени, чтобы окончательно прийти в себя и поразмыслить о своем нынешнем положении. Кажется, это сейчас будет нелишним. Поразмыслив так, спустя минуту, убедившись в том, что в помещении царит тишина, она решила открыть глаза и осмотреться.

Палата, как палата. Выдержана в белых цветах с холодным голубоватым оттенком. Одиночная. Наверное, это заслуга Всеволода Артемьевича, распорядившегося создать для нее особые условия. Ценный свидетель и тому подобное... Скорее всего, раз он так заинтересован в том, чтобы она поскорее пришла в себя, то обеспечил ее полноценным подразделением охраны. Трезвомыслящий человек (а именно таким всегда был Всеволод Артемьевич) предположил бы, что другая сторона будет заинтересована в том, чтобы закончить дело и избавиться, наконец, от ненужного источника информации. По крайней мере, если бы Рита находилась на месте Витольда, то не забыла бы о подобном обстоятельстве. Блондин проявил неосмотрительность, положившись на действие нейропаралитического яда.

Последнее соображение не могло дать Рите успокоения. Она понимала, что в интересах похитителей Данила будет постараться закончить то, что не сумел довершить яд, содержащийся на кончике стрелки. И это стремление перерастет в манию, если им станет известно о том, что девушка сумела не только выйти из комы, но и сохранить ясный разум. А там...кто захочет от нее избавиться, тот это сделает. Не уберезет и целый отряд. А если учесть потенциал Витольда, то...

«Стоп, – из опасения удариться в панику, осадила сама себя Рита, – Страх убивает разум. А мне сейчас ой как необходимо все разложить по своим местам. Только сделав это, я сумею понять, как поступить правильно.

Она попыталась пошевелиться и поняла, что тело ее слушается очень плохо. Совсем никуда не годится. Для того чтобы суметь что-то сделать, ей срочно нужно возвращать свою обычную физическую форму. Без этого она станет легкой добычей для любого киллера.

Штатив для физраствора стоял рядом с кроватью. Сообразив, что это очень кстати, Корнеева протянула к нему руку. А затем, с трудом заставив ослабленные мышцы сократиться, с силой толкнула его в сторону. Металлическое сооружение, потеряв устойчивость, повалилось набок, хлестко лязгнув о пол.

«То, что надо, – с удовлетворением прислушалась к грохоту девушка и снова откинула голову на подушку, – Осталось подождать.

Дверь в палату тихонько скрипнула и открылась, пропуская внутрь фигуру человека. Заметив опрокинутый штатив, человек бегло окинул взглядом помещение на предмет нахождения посторонних и шагнул ближе, попадая в поле зрения лежащей Риты. Не медик. Халат, наброшенный на широкие плечи, был явно тому не по размеру. Вернее всего, это боец охранения.

«Ба, да это же Ванька Усов, – узнала Рита коренастого бойца из отряда агентства «Кондор», приданного для охраны сына Бельского.

Очевидно сейчас, за неимением другого объекта, ребята охраняли ее покой в больничной палате. Тем лучше, что свои! Легче будет найти понимание.

– Ваня, – позвала она полупшепотом, когда стрелок приблизился и, дождаввшись, когда тот сфокусируется на ней, выразительно прижала палец к губам, – Подойди ко мне. Только не шуми.

Усов понял и как-то озвучивать то, что происходило в помещении, не стал. Он аккуратно поднял уроненный штатив, после чего шагнул к кровати с вопросительным выражением лица.

«Все-таки понятливых парней подбирают в агентство, – вполне удовлетворилась девушка реакции товарища, – Смекалка имеется.

– Бельский еще в больнице? – вслух поинтересовалась Рита.

Боец утвердительно кивнул в ответ.

– Тогда слушай меня, Ваня, внимательно, – продолжила она командирским тоном, – Не поднимая шума о том, что я пришла в себя, найди его и попроси задержаться. Я должна поговорить с ним наедине. Минут через пятнадцать. Но с одним условием – перед этим разговором мне необходимо сделать один телефонный звонок. Для этих целей мне необходима «труба» Всеволода Артемьевича, так как если я попробую это сделать с любого больничного аппарата, то неминуемо засвечусь перед посторонними лицами. Лишние свидетели нам не нужны.

– Понял тебя, – коротко бросил Иван и развернулся в сторону выхода.

– Постой, – остановила его девушка, – Еще одно. Сделай так, чтобы ни один человек из числа медицинского персонала и всякого рода посторонних не мог приблизиться к двери в эту палату.

– Могла бы и не говорить, – бросил ей на это через плечо Усов и вышел в коридор.

Оставшись одна, Рита глубоко задумалась. Благо тому способствовала восстановившаяся ясность ума и все улучшающееся общее состояние. Если бы не вялость мышц, она и вовсе, с

допустимой натяжкой, сочла бы себя здоровой. Поразмыслить было о чем. Судя по всем признакам, кое-кто не так давно сыграл с ней в одну старую игру. В игру, в которой она выступила не только полной идиоткой, но и своеобразным живцом, заранее приговоренным к смерти. Ко всему, привели задуманное в исполнение с помощью посредников, пользовавшихся у девушки определенной степенью доверия. Ах, как она сразу не поняла!

Дверь тихонько приотворилась, впуская молчаливого Ваньку. Ни слова не говоря, он протянул Корнеевой мобильный телефон. После этого также молча, вышел. Девушка, дождав, пока вновь останется в одиночестве, набрала цифровую комбинацию телефонного номера Лерки.

– Ты где пропадаешь? – набросилась на нее подруга, едва ее только подозвали к телефону, – Должна была перезвонить еще вчера.

– Долго рассказывать, – ответила Рита, – Ты лучше расскажи, что там с моим анализом крови.

– Расскажу только после того, как ты мне честно ответишь на один вопрос.

– Хоть на сто, если он не касается моей служебной деятельности.

– Он касается только тебя и твоих привычек.

– Легко. Не тяни, спрашивай.

Кажется, Лерка собиралась с духом, чтобы спросить.

– Скажи, ты употребляешь наркотики?

Рита внутренне усмехнулась. Ее предположения сбывались с пугающей точностью. А если это так...

– Конечно же, нет, – ответила она, – Это несовместимо с моей работой. А что?

– А то, – с тревогой в голосе высказалась подруга, – Что в твоём анализе обнаружено присутствие целого букета химических веществ непонятного происхождения. Главным образом, это одна из производных одного достаточно распространенного среди молодежи синтетического наркотика...

– И каков твой вывод, если учесть, что я не подозреваю о том, как этот букетик попал в мою кровь?

– Тогда можно предположить, что тебя опоили с какой-то определенной целью.

– Читаешь мои мысли, – усмехнулась в трубку Рита.

– Но это еще не все, что я тебе хотела сообщить, – добавила Лерка.

– Продолжай. Только не говори, что я беременна тройней.

– Фу ты! Я ей о серьезном, а она... После того, как была обнаружена наркотическая природа выявленных в твоём образце веществ, я попыталась произвести более подробный анализ с помощью более современных методов. И в результате пришла к выводу, что по отношению к тебе был применен целый коктейль специализированной «химии», предназначением которого было не только расслабить, но и подчинить психику. Я слышала от коллег, что нечто подобное использовали спецслужбы разных стран. В том числе и нашей. В частности, в этом «коктейле» я нашла следы одного из аналогов так называемой «сыворотки правды».

«А тебя напоследок я могу только поблагодарить за то, что выболтала недостававшую мне информацию. Без нее я бы не смог повернуть операцию так гладко, – вспомнила Рита слова демонического Витольда, – Значит, именно так он получил от меня исчерпывающую информацию для грядущего похищения.

– Очень интересно, – произнесла она вслух, – Настолько, что я хотела бы обсудить все с тобой лично. Ты могла бы, если я очень попрошу, отпроситься с работы на пару часов и приехать ко мне?

– Прямо сейчас?

– Да.

– И куда? К тебе домой?

– В больницу, адрес которой я тебе сейчас назову...

Лерка, восприняв последнюю информацию, звучно охнула Рите в ухо.

– ...Когда приедешь, я тебе все объясню, – поспешила добавить девушка, предупреждая расспросы, – Только у меня к тебе будет две просьбы. Первая, это то, что ты выполнишь все инструкции, которые я тебе дам. Это важно. И второе – ты привезешь для меня какой-нибудь стимулирующий укол, чтобы вернуть функциональность моему организму. Это должно быть что-то очень действенное...

– Да что случилось, наконец!!! – более не сдержалась подруга.

– Ничего. Успокойся, – ровно ответила Рита, – За исключением того обстоятельства, что я тридцать минут тому назад вышла из комы.

Заимка Козина. Грач. 16:00. 3 августа 1997 года.

В просторном помещении явно не хватало освещения. Лампы-светильники, расположенные по стенам, горели даже не через одну. И не потому, что кто-то экономил на электричестве. Согласно исходным условиям занятия по огневой подготовке так было задумано изначально.

– Запомните, – выступил Грач перед короткой шеренгой группы проходивших обучение стрелков, – На поле боя никто не позаботится о том, чтобы создать для вас наиболее оптимальный режим освещения...

– Чего? – недоуменно протянул стоявший с правого фланга боец с круглой щекастой физиономией натурального «братка» и маленькими глазами-щелочками, – Больно мудрёно говорите, товарищ инструктор.

– Для рожденных стоя повторяю, – невозмутимо повернулся в его сторону Костя, – В бою для тебя никто ничего подсвечивать не будет. Придется стрелять и наугад. Поэтому я и учу вас, дурней, обращаться с оружием в условиях недостаточной видимости и даже глухой безлунной ночью. Понятно?

На этот раз комментарий не последовало.

– Раз все понятно, – продолжил инструктор, – Тогда начнем занятие. Вам сегодня предстоит усвоить азы прицеливания по целям, обозначенным только контуром. А затем, в идеале, вы должны научиться стрелять в условиях полной темноты.

– Это как? – осторожно поинтересовался тот же самый боец.

– Это на звук, – пояснил Грач, – Или на огонек сигареты. Опытные снайперы так зачастую охотятся в боевых условиях.

По шеренге пронесся тихий вздох удивления.

– Задача понятна?

– Понятна, – ответил нестройный хор мужских голосов.

– Тогда, на исходные позиции для стрельбы, – скомандовал Костя, – Приводим оружие в боевую готовность и ждем вводных инструкций. Вперед марш!

Он отступил в сторону и принялся, было, наблюдать за тем, как стрелки принимаются заряжать оружие, выделенное им для учебной стрельбы, когда дверь позади него распахнулась, впуская в полутьму помещения тира изрядную толику солнечного света. Привлеченный этим действием, Грач развернулся в сторону входа и, сощурившись, всмотрелся в лицо человека, вошедшего внутрь.

– А, Иосиф, – узнал он компаньона и начальника, – Какими судьбами?

– Решил посмотреть, как у тебя продвигаются дела с этой группой, – вместо приветствия произнес Крутой, останавливаясь рядом, – Узнать, насколько ты доволен твоими учениками.

– С чего бы? – недоверчиво поинтересовался Костя, искоса присматриваясь к Иосифу, – Раньше, вроде бы не очень-то интересовался. Я уж три группы выпустил, а ты только сейчас заявился. Как-то, не верится.

– Ну... – пожал тот могучими плечами, – Так просто. А что, нельзя? Может быть, я хотел узнать твое личное мнение о тех людях, которых тебе дают для обучения?

– Мне не выбирать, – пожал плечами инструктор, – Кого мне дают, с теми и бьюсь. А дают мне явно не лучший материал. Тот, кто занимается вербовкой стрелков, явно ничего не понимает в своем деле.

– Ну, уж?

– Почти так. Конечно, попадают перспективные экземпляры. Больше из тех, кто не избалован городом. Из таких я могу сделать настоящих бойцов. Наподобие тех, кого недавно отправили Глобусу на усиление его группы. С опытом они станут дельными снайперами. А

остальные... так себе. Пришей-пристебай. Ворон ловить не станут, но и до профессионалов им далеко.

– Хм-м. Значит, вербовщик ничего не понимает в своем деле? – хмыкнул Крутой, – Ох, ты и ехидный тип!!! Знаешь же, что этим зачастую занимаюсь я сам. Хочешь сказать, что неправильно подбираю? А такие критерии, как рост, мышечная сила, здоровье, в конце концов?

– Ты их на ринг хочешь выпустить, что ли? – усмехнулся Костя, – Там действительно все это нужно.

– А здесь нет?

– Не так сильно. Здесь больше к месту выносливость, твердость руки и скорость реакции. Это минимум, из которого уже можно сделать приличного стрелка.

Он хотел продолжить, однако, снова взглянув на собеседника, заметил задумчивость в выражении его лица и остановился.

– Но, кажется, тебе сейчас особого дела до этого нет, – Грач развернулся на месте и оказался с Иосифом лицом к лицу, – Просто предлог. На самом деле ты пришел за чем-то другим. Можешь говорить – я слушаю.

– Хотел поручить тебе одно дельце, – не стал более отпираться Крутой, – В нагрузку к твоим нынешним обязанностям. Особенно много времени оно у тебя не отнимет, но вознаградится достойно. Что скажешь?

– Смотря, какое дело, – осторожно ответил на это Костя, – Я ведь не на всякое подпишусь.

– Нужно будет проконтролировать наших людей.

– А именно?

– Если конкретнее, то сегодня после полудня я был в Омске. Встретил самолет. На нем привезли одну важную птицу...

– Хочешь, чтобы я эту птицу охранял? Извини, не нанимался.

– Охранять есть кому. Целая команда из трех человек во главе с Ангелиной...

– А, – равнодушно протянул Грач, посмотрев в сторону группы ожидавших его приказаний учеников, – Эта наркоманка. Ей еще доверяют какую-то работу? Я бы не стал.

– Хозяину виднее. Тем более что она хорошо зарекомендовала себя в делах с заложниками.

– Заложник?

– Мальчик. Сын одного московского воротилы. Умыкнули, чтобы тот стал посговорчивее.

– М-м-м. Опять какой-то барыга...

– На этот раз все по серьезному. Хозяин разводит важного человека. Олигарха Бельского. Против такого не каждый сдюжит.

– А какая моя забота? – не стал скрывать своего недовольствия Костя.

– Ты будешь курировать эту группу. Чтобы дров не наломали. Я подыскал для их тайного пребывания дом на окраине Кочубеевки. Будут вести себя тихо на протяжении двух недель, и дело в шляпе. Тебе просто нужно, если что, принять меры к тому, чтобы ребята не распоясались. Они проверенные, но... Если учесть темперамент Гели...

– Понятно, – наконец решил смягчиться Грач, – Они уже на месте?

– Пока нет, – Иосиф почесал бритый затылок и повернулся в сторону двери, – Выжидают темноты, чтобы оказаться там незамеченными местными жителями. Так, ты возьмешься?

– Ладно. Так и быть.

– Ну, тогда, – произнес Крутой, берясь за дверную ручку, – Как отзанимаешься со своими битюгами, зайди ко мне. Расскажу обо всех подробностях. Наведаешься туда втихаря к утру. Дело важное. Действовать нужно аккуратно и осторожно. Если что пойдет не так, Андрей Силантьич нам с тобой голову открутит. Усек?

Москва. Маргарита Корнеева. Около 16:15. 3 августа 1996 года.

Бельский смотрел на Риту внимательным взором, значение которого она прочесть не смогла. Ни ожидаемых упреков, ни угроз, ни каких-либо иных эмоциональных проявлений. Попробуй, просчитай человека, готового при необходимости пожертвовать любым из своего окружения. Никаких табу. Просто мороз по коже, если дать подсознанию волю. Впрочем, подумай здраво, только подобная жизненная позиция и позволила Всеволоду Артемьевичу стать тем, кем он являлся на нынешний момент времени.

– Что ты задумала? – коротко спросил он, подходя ближе к больничной койке, на которой полулежала Корнеева, – Что за мутное дельце ты стала обстрипывать, еще находясь одной ногой в могиле? Поясни, или я начну думать что-нибудь плохое.

То благодущие покровителя, с которым олигарх ранее встречал свою воспитанницу и протеже, испарилось без следа. Следовало ожидать. В его глазах Рита теперь наверняка виделась дрянной девчонкой, совершившей непростительную ошибку. Можно было не гадать о своем ближайшем будущем, если она не предпримет того, что задумала предпринять. Место на помойке ей обеспечено. В этом можно было не сомневаться.

– То что вы называете мутным дельцем, напрямую касается вашего сына, – произнесла она в ответ, уверенно скрестив свой взгляд с тем, что сейчас был направлен на нее, – Я пытаюсь разъяснить обстановку и выяснить, как действовать для его спасения. Если вы сомневаетесь во мне, то давайте сейчас же закончим наш разговор.

Он остался, продолжая сверлить ее взглядом. Уже неплохо.

– Похитители уже выдвинули условия? Не секрет, какие?

Бельского почти явственно передернуло, однако он счел нужным ответить.

– Выдвинули. То, что они требуют, касается...большой политики. Если я пойду на поводу, то могу спровоцировать не только необратимые перестановки в эшелоне высшей власти, но и, может статься, натуральный военный переворот. При определенном стечении обстоятельств. Чем это грозит в дальнейшем, трудно и представить. Но...с другой стороны, если я не сделаю тех шагов, которых от меня ждут, то Данил обречен.

Рита критически покачала головой, лишний раз, ощутив косность мышц. Затем тяжело вздохнула. Не хотелось ей лишний раз расстраивать человека, сделавшего для нее столько хорошего. Но врать и обманываться, себе дороже.

– Мне кажется, что Данил обречен при любом раскладе. Получив от вас необходимую услугу, похитители потребуют другую. Ваш сын все это время будет оставаться заложником и гарантом вашего послушания. А после того, как злодеи получат все, на что рассчитывали, они избавятся от Данила, ставшего ненужным балластом и, скорее всего, от вас, как от нежелательного свидетеля их преступной деятельности. К этому моменту вы уже не сможете ничего изменить. Шантажист как пиявка. Получив свою первую порцию крови, он продолжит высасывать ее до тех самых пор, пока полностью не обескровит свою жертву.

– Разумно, – высказался Бельский, продолжая внимательно изучать девушку, – И трезво. Не ожидал. В общем-то, я сделал аналогичные выводы. Но пока так и не смог решить, как поступить дальше. Даже если я подниму в ружье весь «Кондор», то мало чего смогу предпринять. Во-первых, скорее всего похитители предварительно хорошо изучили структуру предприятий, входящих в состав корпорации «Уния-ост» и держат свою руку на нашем пульсе. Затея мы какую-либо спасательную операцию собственными силами, они узнают об этом первыми и сразу предпримут контрмеры. Во-вторых, для того, чтобы провести полноценную

розыскную работу потребуется время. Вряд ли мы успеем обернуться за отпущенное нам противником время.

«Что ж, – между делом подумала Корнеева, – Хладнокровия ему не занимать. Словно удав, готовый неделями выжидать оплошности со стороны жертвы. Интересно, он как-то заставляет себя так вести, или это в его крови?»

– За сколько? – словно между делом, поинтересовалась она.

– За две недели, – сказал олигарх и присел на стул так поспешно, словно боялся, что у него вот-вот откажут ноги.

Рита кивнула. Две недели. Как и обещал Витольд.

– Если же обратиться за помощью в правоохранительные органы, – продолжил олигарх, – То тут я вижу еще меньше шансов для благоприятного исхода дела. Кто знает, сколько сотрудников этих структур «сливают» информацию заинтересованным лицам. Обратиться к ним, все равно, что самолично лишиться Даню жизни...

– С этим я полностью согласна. Нужно поступить по-другому.

– У тебя есть соображения? – полуутвердительно произнес Бельский, – Подозреваю, что есть. Иначе ты бы не затевала этот разговор вообще.

– Есть, – отозвалась Рита, – И после моего звонка по телефону, сделанному только что, этот план оформился окончательно. Вы будете готовы в этой игре поставить на меня?

– Почему на тебя? – сощурился Всеволод Артемьевич, – Есть много опытных бойцов, которые смогут сделать дело лучше.

Корнеева мрачно усмехнулась. По всем косвенным признакам, человек, доселе опекавший ее, бывший ее благодетелем, ушел в прошлое. Остался расчетливый финансист, привыкший ставить на самого верного скакуна. А еще (это резануло слух девушки) он перестал выбирать с ней слова.

– Не смогут, – с убеждением высказалась она.

– Почему?

– Ну... – протянула она многозначительно, – Хотя бы потому, что никто из них не сможет оказаться на моем нынешнем месте. Даже если очень захочет. А оно, помимо случившихся со мной неприятностей, сулит определенные тактические преимущества, – девушка заметила несколько озадаченный вид собеседника и поспешила прояснить, – Люди, определившие меня на эту койку, предполагают, что доза яда, попавшего в мой организм, все равно приведет к летальному исходу. Они не знают, что мне повезло. Давайте же воспользуемся этим обстоятельством и представим дело так, будто все получилось так, как они хотели. Официально Маргарита Корнеева скончается в больничной палате, не приходя в сознание, и упрятет в своей могиле все концы тех ниточек, которые, так или иначе, попали в мои руки. Неофициально вы получите независимо действующего агента, в силах которого будет за короткое время определить местонахождение Данила и организовать акцию по его освобождению.

Бельский скептически поджал губы. Не доверяет. А придется поверить.

– Ты не сможешь этого сделать в одиночку. Тебе будет нужна поддержка профессионалов.

– Согласна, – не стала спорить девушка, – Я не обладаю всем необходимым набором качеств агента-одиночки. Но не думаю, что и вы доверитесь каждому из «Кондора». Даже если полностью контролируете деятельность этой конторы. Люди есть люди. Они подвержены соблазнам, совершают ошибки и глупости. Поэтому с моего девичьего разума, доверять следует только некоторым избранным. Например, я вполне доверяю Ивану Усову, который сейчас охраняет наше с вами инкогнито. С ним я проработала несколько лет и могу рассматривать его на вакантное место основного связного, раз уж он оказался осведомлен о моем скоропостижном воскрешении. Так что у вас уже есть один кандидат в команду поддержки моей миссии. Остальных подберете вы по своему усмотрению. Хватит десяти человек. Исчезновение такой маленькой группы из рядов «Кондора» для посторонних можно объяснить естественной

убылью. Это не должно привлечь внимание тех, кто следит за вами, равно как и за подчиненными, вам структурами.

Она сделала паузу, однако Всеволод Артемьевич, олицетворявший в этот момент само внимание, реплику от собственного лица подавать не стал.

– Логичнее всего, – продолжила Рита, – Чтобы с момента моей фиктивной смерти моей основной связью стали лично вы. Я буду действовать единолично, координируя передвижения группы поддержки через того же Усова. Техническую и информационную помощь при ее необходимости я также стану искать лично у вас. Так безопаснее. Меньше шансов провалить дело из-за утечки сведений. Вас устроит такая расстановка сил?

– Вполне, – одобрил ее Бельский, – Тем более что лучшего варианта у меня все равно нет. Скажи, у тебя есть какие-то реальные зацепки?

– Для начала хватит, – заверила его Рита, – Времени у меня будет немного, но я рассчитываю успеть.

– Не боишься? – бросил на нее испытующий взгляд олигарх, – Это ведь крайне опасно. Один прокол, и... Должны иметься веские причины, чтобы самой вызваться на такое сложное дело.

– Они есть. Первая, это то, что жизнь Данила под прямой угрозой, – Корнеева горько, словно немой укор собеседнику, усмехнулась, – Уж поверьте, Даня мне не чужой человек. Но это не все. Второе, это то, что мне очень хочется свести счеты с тем, кто решил через меня повернуть это похищение. Этому «кто-то» было изначально совершенно наплевать на меня, на мою жизнь и мою карьеру. Я хочу, чтобы это стало наказуемым. Меня решили использовать, как разменную монету, так что моим ответным чаением станет сделать так, чтобы этот размен дорого обошелся тому, кто его затеял.

– Ты так говоришь, что... – начал было речь Всеволод Артемьевич, однако Рита не дала ему возможности высказаться.

– Я знаю, что при планировании похищения, похитители рассчитывали свои действия с учетом участия в них именно моей фигуры, – возмущенно воскликнула она, – Они определили меня, как слабое звено и ударили именно в него. Теперь моим первейшим долгом будет взять реванш у этих...

– Смахивает на вендетту, – коротко изрек Бельский.

– Так и есть, – подтвердила Рита, – Я их видела и могу идентифицировать. Не по именам, которые, скорее всего, липовые. По внешности и чертам личности. Чуть позже, после нашего с вами разговора, я подробно опишу на бумаге все обстоятельства последних дней и дам конкретную физиогномическую информацию о внешности тех, с кем я столкнулась. В первую очередь о первом из троих – тренированном и довольно развитом в интеллекте блондине. Он и являлся, судя по всему, организатором похищения. Помогала ему в этом женщина с повадками профессионального стрелка. Ее внешность я точно описать не смогу из-за парика и грима. Только общие черты. И, наконец, третьим в их группе был человек, долгое время работавший учителем истории в этой самой школе. По всей очевидности, он для них являлся наводчиком и проводником. Именно он провел первых двух через ранее не использовавшийся черный ход, который, как я точно знаю, не находился под постоянным контролем отряда охраны.

– Труп того учителя был тем же вечером обнаружен жителями одного из соседних со школой домов. Его задушили. Тело бросили в мусорный контейнер для пищевых отходов. Одним словом, избавились от свидетеля.

– Следовало ожидать, – пожалла плечами девушка, – Когда я его видела в момент похищения, он показался мне запуганным. Можно предположить, что она стал промежуточной жертвой шантажа. Это лишь доказывает, что операция похищения была тщательно спланирована.

– И последний вопрос, – Бельский склонился ближе, рассматривая черты бледного лица Корнеевой, – Как ты намерена вступить в игру, если находишься в больничной койке? На твое

выздоровление потребует не менее недели. А времени, как ты сама понимаешь, в обрез. Мне дорога каждая новая минута, которую мой сын проведет под дулом пистолета. Очень дорога.

Она выдержала и этот взгляд, пронзивший, казалось, насквозь.

– Я сама ощущаю, как тикают часы, – ответила она, еще более чем, прежде побелев лицом, – Именно поэтому сейчас сюда едет одна моя хорошая подруга, являющаяся неплохим специалистом в нужной мне области. Перед разговором с вами я звонила именно ей. Она поднимет меня на ноги стимуляторами. А потом мой организм постепенно выправится и сам. Время не потеряется. Я этого не допущу.

Олигарх отодвинулся, продолжая гипнотизировать взглядом. Потом поднялся со стула, на котором только что восседал и прошел к окну. Кажется, он уже был почти готов к тому, чтобы принять решение. Рита не торопила. Она оставалась в прежней полулежащей позе, слегка теребя пальцами край укрывавшего ее одеяла.

– Хорошо, – вдруг нарушил установившееся молчание Всеволод Артемьевич, – Я согласен на эту авантюру. С одним условием. Ты будешь постоянно держать меня на связи. Мне нужен отчет о каждом твоём шаге. Для твоего же блага. И для блага Данила. Я очень хочу, чтобы все закончилось именно так, как мы с тобой задумали. При необходимости получишь любую помощь без промедления. Если будет нужно, мобилирую и пришлю к тебе в помощь, хоть весь «Кондор». Действуй.

– Тогда начинайте действовать и вы, – на губах Риты появилась странная полуулыбка, – Вам нужно скорее объявить о моей кончине. А это означает самые заправдашние похороны и тому подобное. Предвижу, что кто-то заинтересованный в моей кончине, обязательно появится на горизонте, чтобы пронаблюдать за всем этим и окончательно удостовериться.

Окрестности села Кочубеевка. Ночь с 3 на 4 августа 1996 года.

Кочубеевка считалась самой обычной деревней, каких много в здешних местах. Ничего примечательного. Обычный набор из нескольких десятков старых бревенчатых домов с кудахчущими дворами и мычащими по вечерам сараями, расположенный на широкой проплешине среди здешнего таежного массива. Население, в основном представленное крестьянами среднего и старшего возраста, почти поголовно работало в ближайшем лесхозе, да на лесопилке. Больше работать было особенно негде, если учесть незавидную участь разорившегося колхоза. Именно по этой причине, хозяева уцелевших предприятий и ощущали себя хозяевами положения, занизив донельзя заработную плату, да к тому же, задерживая ее работягам по всякому удобному поводу. Народ, зная, что из желающих работать на их местах составлена целая очередь из односельчан, предпочитал помалкивать и терпеливо пережидать все более увеличивающиеся промежутки времени между выдачами заработанных денег.

Нынешние районные власти, где сейчас преимущественно заправляли прохиндеи из новой градации чиновников-дельцов, не особенно жаловали забитых крестьян. Потому, наверное, в Кочубеевке, ничем не отличавшейся от других сел в округе, почти не осталось молодежи. Подалась на заработки в ближайшие города. Остались только те, у кого не осталось стремления к лучшему, либо, не осталось выбора по каким-то своим причинам. В любом случае, после вечерней зари больше не слышалось музыки из местного клуба культуры и не слышалось переключки молодых голосов, раньше не прекращавшейся до самого утра. Вместо этого уже на протяжении нескольких лет, сквозь унылый лай собак лишь изредка прорывались пьяные вопли, да обрывки блатного шансона из динамиков заезженных магнитофонов.

В общем, это умирающее место вполне можно было посчитать глухим и удобным для того, чтобы повернуть в нем тайное дельце незаметно для коренного населения. Конечно оно, запуганное, и не полезло бы к чужакам, но лучше, чтобы и вовсе не узнало об их появлении. Поэтому, ночь катилась к своему исходу, когда из глубины леса, со стороны малоезженной лесной дороги показалась пешая группа, состоящая из трех человек, груженных какой-то поклажей.

Вышедшие из чащи люди передвигались почти в полной темноте, однако уверенно нашли для себя удобную дорогу. Очевидно, что кто-то из них эту местность знал настолько хорошо, чтобы ориентироваться почти вслепую. Темные, едва вырисовывавшиеся фигуры людей осторожно преодолели широкий травянистый пустырь, прилегавший напрямую к селению, после чего приблизившись к его окраине, и вовсе затихли, несмотря на довольно тяжелый груз, который перетаскивали на себе. Впереди небольшой группы двигался грузный приземистый мужчина, едва волочивший в руках два баула. Он учащенно и шумно дышал, словно человек, преодолевший, по крайней мере, десяток километров по бездорожью, однако не делал попытки остановиться и передохнуть. По всей очевидности, он и был тем самым проводником, знавшим в окрестностях каждую ямку.

Следом за мужчиной вышагивала женщина. Ее подвижная фигура, явно не лишенная стройности, не сгибалась под тяжестью поклажи. С легкой сумкой наперевес, она шла почти с идеальной бесшумностью, однако же, зная местность гораздо хуже идущего впереди, изредка оступалась, и каждый раз бурчала себе под нос витиеватые ругательства, достойные грузчиков на железнодорожном вокзале. Выступающий проводником человек каждый раз при этих словесных выбросах чертыхался и тихо шипел, однако не осмеливался высказать прямое замечание своей спутнице.

Замыкающим в этой группе выступал рослый высокий мужчина, помимо большой сумки несущий на своем плече еще какую-то поклажу, напоминавшую со стороны наполненный мешок, какие использовались для сыпучих продуктов, либо картофеля. Несмотря на видимый суммарный вес, в противовес первому мужчине, замыкающий передвигался легко и с ровным дыханием.

Неизвестные прошли вдоль окраины деревенского поселения и выбрали на глухую улочку, окна домов которой смотрели прямо в зеленую стену глухой тайги, почти вплотную приближавшейся к их дворам. Впрочем, если сказать по совести, как таковой, улицы уже почти не существовало. За последние пять лет слишком многие из сельчан покинули свои жилища и подались искать счастья в городе. Брошенные дома остались стоять бесхозными и постепенно большей частью превратились в руины, либо оказались разобраны теми, кто еще коротал век в этом глухом уголке. Так что, по сути, к моменту появления троицы неизвестных, в целостности оставались три дома, в которых еще кто-то жил, да еще пара вполне сохранившихся строений на другом конце улицы, до которых еще не дошли руки местных забулдыг.

– Сюда, – тихо сказал остальным идущий впереди крепыш и направил свои стопы прямо к одному из упомянутых брошенных домов, глыбой возвышавшемуся на образовавшемся среди останков руин пустыре, – В этом доме и остановимся. Местные его обходят стороной. Говорят, что прежняя хозяйка его была ведьмой и зналась с нечистой силой.

– Для нас сойдет, – подала голос женщина, – Мы почище всяких чертей и леших будем. Особенно, если навеселе. Правда, Ваня?

Громоздкий Ваня позади тихо хмыкнул, выразив согласие.

Они приблизились к дому и остановились перед приоткрытой калиткой, ведущей прямо в заросший бурьяном двор.

– Можно было бы, конечно, поселиться в избе по-соседству, – извиняющимся тоном высказался первый, показав на строение поодаль, – Но он уже давно брошен и совсем не подойдет для жилья. Там через крышу уже небо видно. А здесь можно нормально пожить. Нам-то всего недельку-другую перекантоваться.

– Не бухти, – легонько толкнула его в плечо женщина, – И иди уже в дом. Надо располагаться, пока еще ночь на дворе. Если здесь крыша и окна целы, то нам подойдет. А пацану все равно не выбирать. Куда скажут, туда и приткнется. Его дело телячье.

Обменявшись репликами и придя к общему выводу, троица минула калитку и двинулась к дому, стараясь держаться тонкой и едва угадываемой тропинки, протоптанной среди высокого бурьяна кем-то любопытным еще до их появления.

Глава 8.

Москва. Маргарита Корнеева. Раннее утро 4 августа 1996 года.

Август в этом году выдался не то, чтобы жаркий, но достаточно комфортный для всех необходимых населению целей. Начиная от пляжного отдыха и заканчивая упорным трудом на картофельных грядках где-нибудь в глубоком Подмоскowie. Маргарита подумала об этом тогда, когда прямо перед капотом автомобиля внезапно появилась тетка пенсионного возраста с огромной клетчатой сумкой через плечо и здоровенной тяпкой, замотанной какой-то грязной тряпицей. Девушка едва успела затормозить, дабы не сбить эту фанатку огородничества, выскочившую прямо на проезжую часть в месте, не предусмотренном для пешеходного перехода.

– Твою мать! – в сердцах высказалась она, вдруг живо представив себе жуткую картину того, как эта злополучная тетка «размазывается» по капоту машины, пятная его алой кровью, – Вынесло тебя, корову, где не просили!

Огородница, впрочем, на Риту какого-либо внимания не обратила, продолжая целенаправленно пересекать дорогу по какой-то касательной траектории. Проследив направление ее движения дальше, девушка увидела на противоположной стороне улицы автобусную остановку, к которой как раз подошел автобус.

– Камикадзе, – уже без особой злости сказала она тетке вслед и покрутила пальцем у виска.

Ей пока не понять эту категорию российского населения. Наверное, до тех пор, пока сама не доживет до определенного возраста.

Обошлось! Благо еще злосчастная пенсионерка не создала по невнимательности другой аварийной ситуации из-за вялого движения автотранспорта на дороге в это раннее время суток. Подумав об этом, Рита передвинула рычаг на коробке передач и нажала носком ступни на педаль газа. Выдавшая виды «девятка», за рулем которой она сейчас находилась, возбужденно заурчала и стала набирать ход.

Рита никогда не «гоняла», хотя уже имела изрядный опыт вождения «легковушек». Наверное, сказывался спокойный обстоятельный характер, не особенно склонный к суете. Вот и сейчас, несмотря на ощутимый лимит времени, ощущаемый ею теперь постоянно, Корнеева не разгоняла машину до предела. Может, потому она и не сбила бабульку, успела среагировать и затормозить. Еще не хватало осложнять свое непростое положение какой-нибудь аварией.

Автомобиль Рите, конечно, не принадлежал. Живя в столице, она как-то раньше не особенно страдала манией автовладельчества. Только по насущной необходимости она выбрала эту «девятку» из целого ряда других машин, любезно предоставленных ей Бельским для служебных надобностей. Вчера вечером, после разговора с олигархом, эту машину неприметной бежевой расцветки по его личному распоряжению под окна больницы подогнал Ванька Усов.

Что ж, экономия времени была налицо. Корнеева вырулила на перекресток, прямо под светофор, загоревшийся красным запрещающим сигналом. Остановив машину и переключив рычаг коробки передач в нейтральное положение, она отвела взгляд от панорамы лобового стекла и сфокусировала его на блокноте, который вместе с мобильным телефоном (подарок Бельского) лежал рядом с ней на пассажирском сидении. В блокноте имелась информация, предоставленная Бельским по ее просьбе и касавшаяся тех людей, что в первую очередь интересовали Риту в данный момент.

«Интересно, – задумалась девушка, в очередной раз, раскрыв разворот с коротким списком адресов, – Где вернее искать их?»

В это самое утро ее должны были похоронить. «Почившая» знала наверняка, что уже сейчас, несмотря на раннее утро, люди из агентства «Кондор» всю суетились в похоронном зале, расположенном неподалеку от больницы. Рабочие убирали зал венками и живыми гвоздиками, а специально нанятые женщины готовили ее хладное тело к христианскому обряду погребения. Просто волосы дыбом! На самом деле, конечно, там лежала не она сама. В этом необходимости не было. Корнеева не вдавалась в подробности, где Бельский раздобыл тело так похожей на нее девушки и что сделал для того, чтобы обеспечить их детальное сходство. Это он целиком взял на себя, безусловно отдавая себе отчет в том, что церемонию обязательно посетит некое лицо, заинтересованное удостовериться в том, что Маргарита Корнеева упокоилась вечным сном. Другое дело, что Риту теперь занимал вопрос о том, что в своей душе почувствовали люди, приложившие руку к тому, чтобы она оказалась в том самом похоронном зале. Может поэтому, мысли девушки непрерывно вращались теперь около личности ее подруги Анжелы и ее кавалера. Корнеева чувствовала, знала почти наверняка, что та (а может, и не только она одна) приняла непосредственное участие в произошедшей с ней на днях истории.

С тех самых пор, а точнее, с самого вечера, бесследно канувшего в пьяно визжащем танцевальном зале клуба «Арлекино», Анжела в поле зрения Риты не появлялась. Более того, на звонки с разных телефонов не отвечала. По месту своего обычного проживания подруга также не появлялась. В этом Корнеева убедилась еще вчера, сразу направившись из больницы по давно знакомому адресу.

Девушка прождала под окнами квартиры подруги до глубокой ночи, однако так ничего и не дождалась. На телефонные звонки никто не отвечал. Свет не зажигался ни разу ни в одной из комнат. Конечно, на самом деле этот факт не стал определяющим, однако новоявленная розыскница интуитивно определила, что ждать здесь бесполезно. Анжела в это самое время могла свободно «тусоваться» в сотне других мест.

Некоторую ясность в дальнейших планах на ближайшее будущее затем внесла подключившаяся группа оперативной поддержки, помощь которой обещал олигарх. Ребята, вполне владевшие приемами деятельности негласных оперативных служб, провели разведку и выяснили, что Анжела в последние два дня дома не ночевала. Близкие и родственники ее не видели и по телефону с ней не разговаривали.

Учитывая эту информацию, Рита подумала и ориентировала бойцов поддержки на отработку возможных мест нахождения не самой подруги, а ее официального любовника и сожителя.

«Оперативно работают, – не сдержала девушка своего восхищения, когда через полчаса уже записывала надиктовываемые в трубку телефона данные, – Сама бы я провозилась до китайской пасхи.

«Павел Афанасьевич Фомин, – гласила информация, записанная ею шариковой ручкой на блокнотном листе, – Бизнесмен. Глава ассоциации «Вектор», владеющей сетью супермаркетов и пунктов автосервиса, расположенных в западном секторе столицы. Интроверт. Спортсмен. Имеет группу телохранителей и автопарк из десяти машин для нужд передвижения. Владеет двумя квартирами в центре Москвы и загородным домом в пригороде. Адреса приводятся.

Рита внимательно взгляделась в коротенький список адресов. По информации, предоставленной той же группой поддержки, Павлик также не появлялся на людях уже около двух суток. Телефонной связью с указанных адресов не пользовался. По слухам, полученным от работников ассоциации «Вектор», он взял себе небольшой отпуск, который намеревался провести где-нибудь за границей. Однако так никуда и не уехал. По крайней мере, об этом говорили факты, утверждавшие, что в базах воздушных авиалиний и железнодорожного транспорта ни сам Фомин, ни Анжела не засветились. Можно, конечно, допустить, что парочка воспользовалась автомобилем, однако против этого выступали сведения, пришедшие уже под утро. Автопарк Фомина в полном составе оставался в гараже.

Конечно, и это тоже не факт. Можно взять такси, уехать за город и там воспользоваться услугами любого вида транспорта. Пока информация об этом дойдет до нужных ушей... Оставалось надеяться, что Павлик с Анжелкой просто решили отсидеться в надежде, что осложненный для них не случится и можно будет снова выползти на свет божий.

«Они просто должны быть вместе, – убежденно подумала Рита, продолжая сверлить взглядом исписанный листок, – И я больше чем уверена, что они оба «завязаны» на произошедшем похищении Данила. Крысы забрались в нору. Осталось выяснить, насколько глубоко.

Уже под утро бессонной ночи очередной звонок на мобильник принес какую-то надежду. Со слов оперативников группы поддержки в одной из московских квартир Фомина был замечен свет и движение за наглухо задернутыми шторами. Это было уже кое-что.

– Я проверю сама, – произнесла в трубку Корнеева, – Оставайтесь в окрестностях, но не лезьте. Если что, сообщу.

– У Фомина, по слухам, имеется ствол, – с заботой в голосе добавил Усов, – А у тебя, насколько я знаю, его нет.

– Справлюсь, – бросила ему на это Рита и отключилась.

Дорога к указанному Усовым адресу много времени не заняла. Расстояние, не бог весть какое, да еще время раннее. Основная масса автомобильного транспорта вывалит на улицы позже. Так что, пока одни плюсы. Конечно, если не учитывать инцидент с полоумной престарелой садовницей, разыгравшей из себя Анну Каренину. Вспомнив о пенсионерке, едва не попавшей под колеса ее автомобиля, Корнеева в очередной раз мысленно чертыхнулась и повернула на перекрестке налево. Затем, проследовав почти три четверти квартала, свернула в дворовый проезд.

«Кажется здесь.

Она взгляделась в обшарпанную нумерацию здешних домов, составляющих единый жилой массив, и удовлетворенно кивнула. Угадала. Вот он искомый дом. Прямо перед ней в глубине большого двора. Добротная девятиэтажка, выстроенная, наверное, в последние годы существования советской власти. Осталось подъехать поближе и постараться навскидку определить расположение квартир в подъездах.

«Если стандартное распределение жилых площадей, – подумала Рита, осматривая фасад жилого здания, – Тогда квартира под номером сорок пять, должна находиться во втором подъезде слева направо.

Повинуясь ее руке, бежевая «девятка» выбрала себе место под сенью старого раскидистого клена, что рос рядом с последним подъездом, и там остановилась, укрывшись его кроной от взглядов возможных наблюдателей. В любом случае из окон той квартиры, где предполагалось наличие разыскиваемых ею людей, разглядеть ничего нельзя. Удобная позиция, чтобы оценить обстановку на месте.

«Хорошо, – принялась рассуждать девушка, едва рука повернула ключ в замке зажигания, – Пусть они там. Оба или один из этой парочки. Сейчас не суть важно. Важно то, что, скорее всего в настоящее время они сознательно ограничили свои возможности общения, с кем бы то ни было. Не важно, боятся ли они, либо, как пишут классики, просто решили некоторое время побыть отшельниками и насладиться обществом друг друга. Факт состоит в том, что и Павел и его содержанка не желают никакого общения. Учитывая это, будет непросто склонить их к тому откровенному общению, которого так желаю я.

Проблема вырисовывалась вполне ясно, а решения пока не было. В самом деле, не выламывать же входную дверь в квартиру? Мало того, что морока и шум, вполне способные спровоцировать кого-либо из сердобольных соседей вызвать милицейский наряд для успокоения души, так еще и, часом, на шальную пулю можно нарваться. Характер у Павлика, насколько можно судить со стороны, выдержанностью не отличался. На пике плохого настроения и всю пистолетную обойму выпустит в нее через дверь. А там, поди, доказывай, что ты старалась из

добрых побуждений и сострадания к судьбе бедного похищенного мальчика. В лучшем случае, доказывать придется хмурому не выспавшемуся следователю в приемном покое ближайшей больницы, а в худшем...

В общем, в тот момент, когда Рита решила покинуть салон машины, четкого плана, как ей себя вести, не имелось. Как не имелось и оформившегося плана быстро и без шума проникнуть в квартиру. Мучительно размышляя на эту тему, девушка прошла к нужному подъезду. Никого. Может быть, это и к лучшему. Меньше глаз и ушей. Скользнув глазом по пустой скамье, где, исходя из житейского опыта, частенько можно было застать местных бабушек-наушниц, она вошла в подъезд и, игнорируя лифт, стала осторожно подниматься по лестнице.

«Не очень-то здесь людно, – прислушалась Корнеева к тишине, – Хотя чего я удивляюсь? Рановато еще. Часов семь утра всего. Народ только просыпается.

Зрение зафиксировало номера квартир на площадке первого этажа. Тридцать восемь, тридцать девять, сорок... Кажется, она на верном пути. Уже более уверенно Рита поднялась еще на этаж, благополучно разминувшись с одним из жильцов верхних этажей, спешащего по каким-то своим делам. Тот не обратил на нее никакого внимания. Это радовало. В домах, где соседи мало уделяют внимания друг другу, гораздо легче достичь требуемого ей результата. По крайней мере, так хотелось думать.

Она выбралась на нужную лестничную площадку и, остановившись рядом с дверьми лифта, стала осматриваться. Вот она, нужная дверь. Новая, добротная и, очевидно, с металлической основой дверного пакета. Такую только автогеном вырезать... или из пушки... Не зная, как дальше поступить, Рита тупо уставилась в золочено сверкающий номер «сорок пять», прикрепленный несколько небрежно и кривовато, словно на скорую руку.

«Опять сорок пять, – вертелось в голове, не давая надежды на решение возникшей перед ней проблемы.

– Чего потеряла, молодка? – скрипучий голос, пришедший к ней откуда-то со стороны, едва не заставил ее подпрыгнуть на месте.

Девушка всполошено завертела головой, пытаясь определить источник звука.

– Не мельтеши, – приказал голос, – Лучше подь сюды.

Корнеева присмотрелась и увидела щель приотворенной двери из квартиры наискосок. Оттуда, словно некое видение из фильма ужаса, просматривался сморщенный старушечий лик, обрамленный кустом всклокоченных седых волос. Ни дать, ни взять, Баба Яга в классическом исполнении.

– Вы мне? – нерешительно спросила она.

– Тебе, тебе, – утвердительно кивнула «Яга» и снова призывно махнула костлявой рукой, – Айда, чо застыла? Не укушу, чать.

Рита не совсем поняла чудной говор старухи, однако, рассудив, что от этого ничего плохого не случится, шагнула в указанном направлении. Бабулька же, подождав пока та окажется в прихожей, быстро запахнула дверь и даже закрыла ее на замок.

– Чо, выследила их чо ль? – заговорщически прошипела «Яга», подступив к девушке и наведя на нее колючие бесцветные очи, – Давно пора! Они тут такое вытворяют...

– Кто они? – немного растерялась Рита.

– Да не напускай тумана ты на бабу Фросю! – рассержено проквкала старуха, тяжело оседая на резную тумбочку резного старинного трюмо, стоящую тут же в прихожей, – Я вас молодых уже насквозь вижу. Муженька своего выпасаешь? Так тута он. Поди, уж два дня. С ней. С твоей разлучницей. Вертихвостка еще та. Я как посмотрела, так исплевалась. Вот уж кому следовало бы космы повыдергать. На лице написано, что шалава...

В голове Риты что-то шелкнуло. Включилось воображение. Кажется, план подсказывали сами обстоятельства. Правда, выглядел он пока зыбким и неконкретным, но... чем черт не шутит, когда бог спит.

«Все же лучше, чем вообще ничего, – наспех поразмыслила она, заодно находя слова для дальнейшей беседы.

– Что ж, ваша правда, – сделав сокрушенный вид, сделала Корнеева нужное для собеседницы «признание», – Наверное, у меня на лице написано. Я-то дура обеды ему готовлю, да детей воспитываю, а он...кобель... И давно он таскает сюда девиц?

«Баба Яга» придвинулась ближе и с пониманием зацокала языком.

– Врать, рыба моя, не буду, – участливо выговорила новоявленная «подруга», – Не особенно люблю за чужими приглядывать. Может и раньше бывал, я не видела. Квартира, хоть и по-соседству, но кто их там разберет. Видела твоего мужика пару-тройку раз. Видный такой, представительный. С цацками. Девки на таких клюют...

Странное чувство посетило Корнееву в процессе выслушивания ответа старухи. Речь, вначале быстрая, едва не переходящая в скороговорку, по ходу беседы стала постепенно растягиваться, быстро пройдя стадию нормальности и все более превращаясь в монотонное бухтение. Казалось, что у бабы Фроси неожиданно закончился заряд потайной батарейки, до сих пор питавший ее тело энергией. Выглядело чем-то похоже на то, как садятся элементы питания на кассетном магнитофоне, отчего тот начинает безразмерно «тянуть» музыку и слова. В конце концов, уловив, что вместо слов старушеница начала выдавать бессвязное бормотание с низким подвыванием, Рита сделала неожиданный вывод. У ее новой знакомой, по-видимому, не совсем ладилось с психикой.

– ...Витька мой тогда...не приведи господь... с Любкой стервой... – разобрала она с трудом из сумбурного бормотания, – А она...ляжки по постели раскидала...и ржет, кобыла...

«Боже правый! – сама для себя прокомментировала Рита, – Похоже, у бабы Фроси-то кукушка улетела уже давно. И, судя по ее поведению, возможно именно на почве мужских измен. Сначала измены, потом психоз, а затем вырождение его в психическую болезнь. То-то выглядит она своеобразно. Шизофренички мне еще здесь не хватало!

Подмывало скорейшим образом бежать из этой квартиры с ее непредсказуемой хозяйкой. Лишь усилием воли девушка заставила себя успокоиться. Надо.

– Правда ваша, баба Фрося, – живо подхватила она ускользящую нить разговора, – Козлы они, эти мужики. И мой такой же, хоть и представляется порядочным. Я-то особо раньше не присматривалась к нему. Верила, дура.

– Конечно дура. Кто же еще? – оживилась «Яга», – Засекла я его, миленького, на днях... а может вчера...не припомню, извини. Голова моя садовая всего не упомянула, – она вдруг перехватила пристальный взгляд Корнеевой и выпалила вдогон с изрядной долей злости, – Да, здорова я! Здорова! Чо смотришь? Доктор сказал, что все...

– Так с кем же он там сейчас засел в квартире? – строго спросила Рита, неумолимой постановкой вопроса вышибая старушку из начавшегося, было, приступа психоза, – Небось, какая-нибудь молоденькая? Студентка? А может вообще школьница?

Баба Фрося посмотрела на нее почти ясным взором в ответ, отчего, вошедшая в роль обманутой жены девушка едва не струхнула. Мало ли, вдруг у той выдался момент прояснения. Пойди потом, докажи ей что-нибудь. В памяти всплыла услышанная где-то мысль, что в редкие моменты прояснения сознания, такие люди становятся патологически подозрительными.

– Да нет, голуба моя, – произнесла бабулька потусторонним тоном, – Не студентка и не школьница. Дама взрослая. Наверное, лет этак тридцати. В теле, – она пристально смерила глазами фигуру Риты, словно сравнивая с параметрами «соперницы», – Все при ней. Темненькая такая, миловидная, голова в кудряшках. Сука, одним словом.

Корнеева с трудом подавила вздох облегчения и, одновременно, едва переборола позыв хохота. Что-что, а суждения бабы Фроси отличались прямоотой.

– А почему это вы, интересно, определили, что она любовница? – не удержалась она от вопроса, отдававшего скрытой ехидцей, – Может все-таки жена?

– Ты тогда кто, спрашивается? – та ответила на это с явной обидой в голосе, – Я же всегда определяю. У нее один грех в глазах. Да и ведет себя... Вертихвостка, одним словом. А когда они вдвоем вчера оргию учудили, так я все поняла. Телевизор невозможно было глядеть – так за стенкой охали... Срамно...

– Эх, баба Фрося, – трагически вздохнула Рита, – Все вы понимаете. Вот только душа у меня горит, а ничего сделать я здесь не могу. Хотела бы посмотреть ему в глаза, дак ведь он мне не откроет. Будет сидеть тихо как мышь со своей паскудницей, а мне... как дуре у дверей скулить?

– Н-да, – согласно закивала всклокоченной головой старуха, – По-другому они поступать и не будут. Разве что обманом их выманить.

– А, – обреченно махнула рукой Рита, – Он меня в любом обличье узнает. Хоть усы наклеивай. Не пройдет номер.

– А если я его выманю? – вскинулась «Яга», – Чать, не убежит, когда дверь-то уже откроет?

Реакция собеседницы вышла именно такой, на какую рассчитывала девушка. Кажется (тьфу-тьфу!), план срастался.

– А кто его знает? – хохотнула она, – Может статься, увидит меня, захлопнет дверь и сбежит через окно. Поди, его поймай. Он ведь муженек.

– А ты за дверью встань, кабы что, – предложила ее полусумасшедшая сообщница, – Как дверь откроет, ты уже тут как тут. Пикнуть не успеет твой муженек.

– Твоя правда, баба Фрося, – на этот раз Корнеева дала «Яге» увидеть ее искреннюю радость, – Может и выйдет толк.

Лестничная площадка встретила заговорщиц пустынной гулкой тишиной. Ни души. Так выглядело и, возможно, так и было на самом деле, однако Рите показалось, что из каждого дверного глазка за ними кто-то следит.

– Не бойсь, – словно угадав ее мысли, свистящим шепотом поспешила успокоить бабулька, – Соседи из сорок четвертой в отъезде. Где-то по границам поехали. Не бедные. Какие-то евреи что ли. А в этой хозяевам ни до кого дела нет. Пьют без просьба. До чертей и белочек. Стань там, – она указала место около двери в интересующую их квартиру.

Подождав, пока девушка займет исходную позицию, старуха подошла к двери и уверенно нажала на кнопку квартирного звонка.

– Эй, хозяева! – громкий оклик «Яги» прокатился в гулком помещении подъезда, больно стеганув по слуху, – Откройте! Это я, ваша соседка из сорок шестой!

Рите показалось, что она уловила внутри помещения за дверью какое-то смутное шевеление.

– Откройте, пожалуйста! – настойчиво повторила баба Фрося, приблизив свое морщинистое лицо к наружному окуляру глазка, – Письмо на ваш адрес по ошибке положили в мой почтовый ящик...

– Какое там письмо? – раздался из помещения глухой мужской голос, – Мы никакой корреспонденции не ждем и ни с кем не переписываемся.

– А я почему знаю? – гневно вскинулась старушка, – Не я же вам написала?

– Письмо с собой?

Рита затаила дыхание. Если так дальше пойдет, то они так и останутся не солоно хлебавши. Недоверие сквозило в каждом слове обитателей квартиры.

– Дома на столе валяется, – не растерялась «Яга», – Принести?

– Несите, – согласился мужской голос.

Как ни в чем не бывало, старуха повернулась в сторону своей квартиры и двинулась к ней, громко шаркая по бетонному полу старыми тапочками. Она прошла внутрь и устроила возню,

сопровождаемую какими-то гневными комментариями. Дьявол, если пауза еще продлится, то можно оставить все надежды!

Однако долго ждать не пришлось. Видимо, потеряв терпение, мужчина за дверью решил взглянуть своими глазами на то, что там творила старушка. Тем паче, что по его разумению, более никто на площадке не присутствовал. Рита услышала, как щелкнул открываемый механизм замка, и увидела, как начала отворяться дверь.

«Вот оно! – воскликнула мысленно девушка, по-кошачьи подбираясь к прыжку.

Дверь распахнулась не до конца. Только настолько, чтобы через него смогло осторожно высунуться массивное тело рослого мужчины. Впрочем, большего Рите и не требовалось.

– Здравствуй, дорогой! – ласково мурлыкнула она, внезапно появившись в поле зрения Павлика, – Не ожидал? – и нанесла тому молниеносный удар по горлу собранными в напряженную щепоть пальцами правой руки.

Слова адресовались, конечно же, полусумасшедшей зрительнице, чья ведьмовская физиономия в это самое время, о чем сказала боковое зрение девушки, воровато выглянула из своей квартиры. Видимо, выражение пришлось той по душе, потому, что до слуха Корнеевой донеслось довольное старушечье клекотание.

Далее вслушиваться Корнеевой стало не с руки. Хотя бы потому, что ей нужно было срочно предпринять что-то действенное, чтобы «вывести из функционального строя» здорового мужика, пусть и лишённого голоса ее первым приемом, однако не на шутку разъярившегося и готового на отчаянное сопротивление. Учитывая этот факт, Рита вдогон первому, нанесла быстрый сильный удар нижней частью раскрытой ладони в нос, а затем, еще ощущая кожей воспринятый хруст лопнувшего носового хряща, изо всех сил и инерции ударила в пах Павлика, колыхавшийся у нее на виду под тканью спортивных штанов.

Нужно было видеть это падение колосса. Опрокинутый резким ударом в нос, мужчина, имевший не менее ста девяти сантиметров роста, обрушился на спину, так что удар в пах настиг его уже в этом неуправляемом падении. От резкой боли в интимном месте Павлик резко хрюкнул разбитым носом, да так, что высморкнул из ноздрей густые кровавые сгустки, щедро запятнавшие прихожую. Затем окончил падение оглушительным приземлением, после чего скорчился на полу нелепым подобием гипертрофированного эмбриона.

– Вот и начали разговор, – произнесла Рита, заходя в квартиру следом за влетевшим туда мужчиной, – А поговорить, есть о чем. Правда?

Павлик не ответил, продолжая лежать на полу в прежней позе. Потерял сознание? Возможно. Если при падении порядочно приложился головой о пол. Но, в общем-то, какой-либо ответ от него в этот момент и не требовался. Продолжая наблюдать за мужчиной боковым зрением, Корнеева напоследок по-приятельски махнула своей престарелой союзнице, после чего решительно захлопнула за собой дверь и закрыла на замок. То, что должно было последовать за ее входением на территорию этой квартиры, бабу Фросю теперь не касалось никаким боком.

Девушка приблизилась к поверженному и, остановившись в полушаге, прислушалась. Тишина. Создавалось такое впечатление, словно в квартире кроме Павлика никого не было. Павлик же тоже не шевелился. Похоже, что и правда «выключился».

– Сейчас все выясним, – пробормотала Рита и, заметив на крючке в прихожей пояс от банного халата, взяла его в руки, – Только по порядку.

Вязать узлы она умела. Сейчас бы, конечно, больше пригодился надежный армейский портупейный ремень, который можно было превратить в надежное подобие наручников, свернув особым образом через пряжку, но при желании можно было бы обойтись и без него. Желание у нее сейчас присутствовало. Большое. Возможно поэтому, справилась уже через минуту, накрепко затянув узел на запястьях Павлика.

«Ванька говорил, что у него есть пушка, – пронеслось у нее в голове, – Возможно, что где-то за поясом. Если нет, то вырастает вероятность того, что моя зловредная подружка в

этот самый момент затаилась с оружием наизготовку. Уж не услышать грохот, который мы тут произвели, было просто нельзя. А уж она в панике вполне может смастерить мне дырочку в голове.

Конечно, думая об этом, Рита учла тот факт, что Анжелка имеет нулевой опыт в плане стрельбы. Но, как, ни крути, это соображение не утешало. В тесном помещении квартиры даже полному дилетанту трудно было бы не попасть в человека на расстоянии вытянутой руки. А уж голова это будет или, к примеру, плечо, особой роли в этой ситуации не играло. Все равно, ее миссия на этом будет пресечена раз и навсегда. С гарантией.

Она замерла и прислушалась, напряженным слухом попытавшись уловить в пространстве квартиры локализацию местонахождения второго человека. Ничего. Воображение живо нарисовало физиономию Анжелы, хладнокровно наводящей на нее пистолет. Борясь с этим минутным наваждением, Рита сделала шаг в сторону двери, ведущей из прихожей в гостиную комнату. Именно сейчас боковое зрение среагировало и заставило отпрянуть назад. В большом зеркале прихожей, повернутом в сторону упомянутой двери, на секунду мелькнула смутная фигура. Кажется, ее там действительно ждали. Корнеева лихорадочно оглянулась, ища что-либо, что могло бы пригодиться. На глаза попалась небольшая, но довольно массивная низенькая табуретка, предназначенная, скорее всего, для удобства при обувании. Сойдет! Она подхватила табурет рукой и, сделав широкий быстрый шаг в сторону двери, размахнулась и метнула в проем свой снаряд. Затем, услышав зашибленный женский писк, метнулась следом.

Анжелка, не обладавшая ни скоростью реакции, ни, тем более, оперативным воображением, не успела среагировать в тот момент, когда в нее ударился тяжелый табурет. Ошеломленная больше самим фактом удара, она тем более не сумела должным образом среагировать на саму Риту, фурией ворвавшуюся в комнату сразу после него. Последовала серия отработанных ударов. Первый из них, чувствительно пришедшийся по рукам, выбил оружие, следующие прошлись по болевым точкам и лицу. Анжела, зажмурившись от страха и от напора противницы, всхлипнула от боли и кеглей отлетела в угол. Корнеева проследила за этим «полетом» и обратила внимание на выроненное оружие, которым бывшая подруга пыталась обороняться. На полу поблескивал лезвием внушительный кухонный нож. Фу ты! Знала бы, могла бы так и не суетиться.

Она отфутболила нож ногой в угол и направилась к барахтавшейся на полу Анжеле. И, не давая той подняться, нанесла женщине сильный отмеренный удар в лицо, отправивший ту в нокаут.

Данил Бельский. Село Кочубеевка. Утро 4 августа 1996 года.

Данил не помнил практически ничего из последних двух суток. С того самого момента, когда тонкая стальная игла шприца, блеснувшая в руках незнакомого белоголового мужчины больно ужалила его в предплечье. Сразу же после этого ощущения, оставшиеся в памяти странными рваными обрывками, закружились неудержимым калейдоскопом. Настолько стремительным и неудержимым, что далее сопровождалась в отголосках ощущений неизменно тошнотворным чувством.

Сначала из его сознания вдруг исчезла школа, где он, если субъективно судить по череде последних воспоминаний, находился буквально несколько минут назад. Она словно провалилась в адский водоворот, развалившись на части, каждая из которых несла в себе один какой-нибудь фрагмент. Среди навалившейся на него темноты, эти фрагменты лишь изредка проблескивали застывшими картинками, как бы напоминая, что он не сошел с ума.

В памяти отпечаталась какая-то тряска... Его несли и швыряли, словно куль, поднимали и снова несли, немилосердно вытрясая всю душу. Потом, в какой-то момент прояснения, Данил понял, что лежит ничком на какой-то грязной дерюге, настеленной прямо на голый пол. Ощущение возникло кратковременно и сменилось болью от иглы, впрыснувшей в его кровь новую порцию какого-то дурмана. Это был уже не тот препарат, который ему вкололи вначале. Он не до конца выключал сознание, однако замедлил его реакции настолько, что, казалось, мир вокруг ускорил свое движение в сотни раз. Мальчик, словно глухонемой зритель, смотрел жутко ускоренный «фильм» про то, как его, не имеющего сил сопротивляться и обозначить себя как личность, везут на автомобиле, затем ведут длинными, ярко освещенными солнцем коридорами аэропорта, заводят по трапу в салон аэробуса и сажают в пассажирское кресло.

«Он психически ненормальный, – врезалось в память чье-то объяснение, кажется касавшееся его самого, – Ничего не поделаешь. Такая патология. Больное поколение растим.

Данил не помнил того человека, кто все это время, не считаясь с личными желаниями, направлял его в нужном направлении. Запомнил только руки. Небольшие и цепкие, слишком маленькие для мужчины.

Ощущение времени напрочь отступило. Он запомнил яркий гляцевый журнал, небрежно брошенный сопровождающим его человеком на подлокотник его кресла, однако не смог бы с уверенностью сказать, как долго видел красочную обложку с непристойно оголенной фотомоделью. То ли это длилось секунды, то ли, наоборот, часы, а то и целые сутки. Он знал лишь то, что по окончании воздушного перелета, еще на трапе самолета, его многострадальное предплечье снова ощутило боль нового укола. Это был снова тот самый препарат, который ему кололи и в первый раз, так что уже не особенно удивился той сумрачной пелене, которая почти сразу опустилась на разум. Препарат снова унес и без того скудный набор сознательных проявлений, не оставив ничего.

Очнулся Данил с глубокой саднящей болью, переполнявшей до краев отравленный «химией» организм. Боль рывками выдрала его усталое «я» из липких объятий болезненного, переполненного кошмарами сна и окунула в реальность бытия. Окунула рывком, словно в ледяной омут.

Голова раскалывалась от приступов острой боли в висках и затылке. Пересохшее горло ощущалось наждачной бумагой. Мальчик попробовал двинуть языком, однако вдруг ощутил, что тот непослушен. Он попробовал снова, но усилие снова оказалось безрезультатным. Зато, наверное, от напряжения лицевых мышц, неожиданно проснулась функция слуха, принесся шорохи и голоса.

– М-м-м-м.... Ох-х! Да!!!

Возгласы, явно окрашенные в эмоциональные цвета, доносились до него откуда-то сбоку вперемешку с ритмичным поскрипыванием.

– Ты просто штучка, Геля... – еле ворочая заплетающимся языком, хрипло высказался какой-то мужчина, – Такие вещи творишь!

Данил попробовал двинуть конечностями, но тоже не смог. И не потому, что мышечный тонус отсутствовал. Он не видел своих рук и ног, но, исходя из гаммы ощущений, заключил, что связан. Тонкие путы, надежно удерживающие его конечности, начинали все ощутимее врезаться в кожу.

– О-о-о!!! Да!!! – восклицания, уже определенно сексуального характера, стали более энергичными.

Он словно слышал озвучивание эротического кино. Не имея сил шевельнуть руками и ногами, мальчик снова напрягся и все-таки сумел раскрыть глаза. Потом, поднатужившись едва не до судороги, повернул голову в сторону слышимой возни.

Увиденное явно уступало тому, что он втайне от отца подсматривал по телевидению. Какая-то жуткая пародия на отношения между мужчиной и женщиной. Тем паче, в таком антураже. Связанный Данил лежал в дальнем углу помещения и почти на полу, среди какого-то тряпья, так что со своего местоположения мог видеть абсолютно все происходящее. Как на сцене театра. В глаза бросился ветхий хлам, невесть откуда оказавшийся в помещении и придававший ему вид свалки. Грязная выцветшая ветошь, пустые и частью расколотые бутылки и банки, какая-то рванина непонятного происхождения – все это покрывало пол и громоздилось по углам, как бы обтекая имевшуюся в комнате полуразваленную мебель. У противоположного окна, наполовину закрытого скособоченными ставнями, стояло карикатурное ложе, которое с огромным натягом можно было бы назвать диваном. На нем, среди грязных смятых простыней самозабвенно сплелись в соитии два человеческих тела. Мальчик понял, что похотливые восклицания происходили именно от этой парочки.

– Вот так!!! Да!!! Да!!! – хриловатый голос, выдыхавший эти фразы, принадлежал женщине, извивавшейся под тяжелым мужским телом и, то и дело сплетавшей свои ноги на поясице партнера.

Мужчина же, плотный волосатый крепыш с арбузоподобным выпирающим животом, с упоением похотливого бегемота ерзал на своей любовнице, охами и стонами выражая степень своего наслаждения.

– Еще!!! – потребовала женщина, и ее партнер послушно усилил амплитуду собственных движений.

Данил медленно моргнул, едва совладав с тяжестью век. Зрелище его не привлекло. Скорее оттолкнуло, показавшись чем-то грязным. Другое дело, что он, не имея другой альтернативы, вынужден на это смотреть.

– Ох-х-х-х-х!!!! – судя по эмоциональности этого восклицания, женщина, наконец, получила то, что хотела.

Мальчик не видел ее, так как мужчину, не мог разглядеть лица, однако по движениям тела, ногам, судорожно скрестившимся в замок на поясице партнера, вздыманию обнаженной груди с розовыми сосками, понял, что та испытала удовлетворение. Как бы вдогон ей, мужчина также дернулся еще несколько раз, после чего глухо ухнул, словно задохнувшись, и без сил повалился на нее. Затем, едва отдышавшись, сполз и улегся рядом на спину, раскинув волосатые ноги и продемонстрировав опадающее естество.

– Живой? – над ним поднялась всклокоченная женская голова.

Тот шумно выдохнул, но не ответил, отвернув в сторону щекастое лицо с небольшими колючими глазками.

– Эх, и квелый нынче мужик пошел, – насмешливо провозгласила женщина и приподнялась над ним выше, бесстыдно колыхнув оголенной грудью, – А если я еще захочу? А, Степа?

Степа сложил губы в недовольную мину и сел на диване, поставив ноги на грязный пол.

– Ну, тебя Гелька, в самом деле, – отмахнулся он, словно открещивался от черта, – Ненасытная утроба. Тебе и пятерых мало будет.

– Ну, так что? – хохотнула та, высунув голову из-за его плеча, – Осилишь, хотя бы еще разок?

– Не-а, – мотнул бритой головой пузан, – С меня будя. Если надо, вон Ваньку зови. Он помоложе. Глядишь, и тебя заездит.

Даже не попытавшись прикрыться, как был голышом, Степан кое-как обулся, а затем поднялся на ноги и встал. Покачнулся и снова присел на край изгаженного ложа. Данилу стало понятно, что тот пьян «в зюю».

– Иван, – позвал Степан, обернувшись куда-то в сторону, – Иди к нам. Ангелина требует.

Высказавшись, он склонился куда-то к ногам, достал початую бутылку водки и, приложившись к горлышку, сделал большой глоток.

– Чего? – слышался густой бас, – Чего, кто требует?

Голос пришел, словно из-за стены. Наверное, из другой комнаты. Точно Данил определить не мог благодаря положению тела, в котором находился.

– У вас чо, водяра закончилась? – с этими словами в комнате появился рослый парень приблизительно двадцати пятилетнего возраста с фактурной мускулистой фигурой.

– У нас что-то другое закончилось, – развратно хохотнула Ангелина и зовуще протянула руки в его сторону, – Иди ко мне. Приласкаю. Степа уже сдулся, хотя, – она сощурилась в сторону пыхтящего любовника, – Обещал, что я с ним забуду все на свете. Так?

Рослый, но, по-видимому, не отличавшийся решительностью, парень застыл на месте, не зная, как поступить. Проследив за его реакцией, Степан заржал в голос.

– Да, иди, не бойся, – миролюбиво позвал он, – Гели на всех хватит. Она у нас с огоньком.

Высказавшись, толстяк икнул и снова приложился к бутылке.

Иван, очевидно не особенно отличавшийся интеллектом, послушно, словно теленок, приблизился к Ангелине.

– Да иди же, – та вцепилась в его штаны и рывком притянула к дивану, – Снимай скорее, а то я уже снова горю.

Она запустила руки Ване под измятую рубашку и, жадно урча, принялась там шарить. Толстяк посмотрел на нее, затем на товарища, растерянно сжавшегося под таким напором, затем расхохотался.

– Эка ты, Геля, словно кошка мартовская. Тебе бы еще твоей дури в таблетках дать, так ты полк солдатиков осилишь.

– Дебил ты, Степа, – лениво отозвалась Ангелина, на секунду оторвавшись от захватившего ее занятия, – Если бы у меня мои таблетки были, так вы мне даром не нужны. А так я хоть на некоторое время сбиваю охоту.

– Помогает? – Степан ухмыльнулся, а затем, не дожидаясь ответа, пошел к выходу из комнаты.

– Не очень, – поморщилась ему вслед, словно от зубной боли женщина, – Слабовато. Чтобы отвлечься, мне теперь таких как вы пару десятков понадобится.

Откуда-то из коридора раздались булькающие звуки. Очевидно, Степана вырвало.

– Ну, и хрен с ним, – высказалась в адрес пузана Ангелина и снова обратилась к Ивану, – На чем мы с тобой остановились?

Она, было, положила руку ему на ширинку, однако парень вдруг сбросил ее.

– Ты чего?

– Пацан, – произнес тот, – Зырит.

Только тут Данил осознал, что Иван смотрит на него в упор. Прикидываться спящим или бесчувственным более не имело смысла, так что выражения лица он не сменил и глаз не отвел.

– Точно, – протянула Ангелина, всматриваясь, – Очнулся. Слышишь, Степан? – она повернулась в сторону коридора, где заканчивал проблевываться толстяк, – Заморыш проснулся.

Оттуда послышались нетвердые шаги и вскоре, в поле зрения мальчика показался Степан, по-прежнему одетый только в старые поношенные ботинки. Покачиваясь, он приблизился к Данилу и присел рядом на корточки, обдав того густым запахом перегара, щедро перемешавшимся с запахом немытого пропотевшего тела.

– Смотрите-ка, кто с нами! – дурашливо провозгласил он, – Фон барон изволил проснуться.

– А еще он за мной подглядывал, – игриво вставила с дивана Ангелина, все это время, продолжая раздевать Ивана, – Наверное, тоже хочет присоединиться.

– Да? – растянул губы в пьяной улыбке Степан, – Хочешь?

Он с силой хлопнул ладонью Данилу по паху, так что тот скрючился от боли.

– Нет, не хочет, – объявил толстяк, – Ему пока нечем тебя ублажить, Геля. Разве что языком.

– Я подумаю, – сказала на это женщина, – Но позже. Сейчас мне некогда.

– Понял? – навис над мальчиком Степан, – Пока не до тебя. Так что, отдыхай.

И с силой ударил Данила в лицо.

Несмотря на то, что он был пьян в стельку, толстяк умел бить. Хлестанувший удар заставил голову заложника мотнуться назад. В сознании что-то щелкнуло, и Данил провалился в темноту.

Глава 9.

Москва. Маргарита Корнеева. Приблизительно в 10:30 утра 4 августа 1996 года.

– Ну что очнулась, голуба моя? – этот по-матерински теплый вопрос заставил встрепенуться вышедшую из бессознательного состояния Анжелу.

Вот только не вязался этот тон с взглядом плотоядного хищника, больно резанувшим по только что открывшимся глазам. Женщина испуганно дернулась и только тут поняла, что не может двинуть ни единой конечностью. Она была надежно, со знанием примотана к стулу, на котором сидела. Взгляд пленницы опустился вниз, пытаясь оценить свое положение. Да, скотча для нее не пожалели! В панике, Пашутина мотнула головой, словно пытаясь избавиться от кошмарного сновидения. Ее сознание явно отказывалось поверить в реальность происходящего.

– Вижу, что ты вполне пришла в себя, – произнес знакомый голос, – Ты так долго была баиньки, что я уже забеспокоилась. Подумала, что перестаралась. Поговорим?

Анжела сфокусировала мутный взгляд на женщине, стоящей напротив и с удивлением, граничащим с ужасом, узнала в ней Маргариту Корнееву.

– Вижу, что ты не на шутку удивлена, – проворковала Рита, придвигаясь к бывшей подруге настолько близко, что та невольно задергала головой, в тщетных попытках отдвинуться, – Не ожидала, что еще увидимся? Если судить по твоим глазам, то ты уже считала меня покойницей. Так, подружка?

Последние фразы, сопровождавшиеся зловещим рыком кровожадного существа, заставили Пашутину содрогнуться. Она засучила спеленатыми конечностями и попробовала что-то пролепетать, однако вдруг уяснила для себя, что ее рот также надежно заклеен пленкой скотча.

– Хочешь что-то сказать в свое оправдание? – Корнеева протянула руку и резким рывком отодрала скотч с ее губ, – Говори. Я слушаю внимательно.

Откуда-то со стороны, из места, находившегося за пределами поля ее зрения, донеслось сдавленное мычание.

– Что это было? – судорожно дернулась на звук Анжела.

– Не суетись, – рванула ее на себя та, что сейчас диктовала условия, – В глаза мне смотри. И говори.

– О чем? – попыталась, было, повести речь в собственном русле Пашутина, однако сильный удар в лицо откинул ее на спинку стула.

Женщина, всю жизнь посвятившая щепетильному уходу за своим миловидным лицом, с ужасом ощутила, как наливается кровью гематома под ее левым глазом.

– Не надо, – испуганно выдохнула она, – Чего ты хочешь?

– Правды, – жутко улыбнулась Рита, – Хочу услышать о том, как ты продала свою подругу с потрохами, выписав ей билет на тот свет. Неужто ты и в самом деле думала, что я непроходимая тупица и не захочу узнать, почему со мной, порядочной девушкой без вредных привычек, случился такой казус в ночном клубе? Неужели ты не могла подумать о том, что я стану докапываться до причины, которая меня привела в постель с незнакомым мне человеком?

– Марго, да я ни о чем... – Анжела еще только начала говорить, как новый сильный удар заставил ее голову мотнуться на плечах.

– Правду, – прорычала Корнеева, меняясь в лице от овладевшего ею бешенства, – В моей крови обнаружили целый букет синтетических веществ наркотического действия. Это уже доказано документально. Я выпила только два бокала ликера, поэтому не надо мне говорить о том, что ты ничего не знала и не участвовала в том, что произошло в ночном клубе

между мной и ...сама знаешь с кем. Думаешь, я была уже совсем под мухой и не заметила, как ты с ним перемигивалась?

Взглядом василиска девушка уперлась в лик бывшей подруги.

– Я, правда, не знаю, о чем ты... – новый удар, теперь уже пришедшийся в набрякшую гематому, пронзил Анжелу острой болью, охватившей всю голову.

– А я думаю, что знаешь, – с ноткой «безуминки» захохотала вошедшая в раж истязательница, выплескивавшая сейчас на жертву всю свою невысказанную ни кому боль, – Иначе, зачем тебе и твоему приятелю – сообщнику прятаться здесь, в месте мало кому известном? Надеялись отсидеться? Не выйдет! Я не суд присяжных, которому для доказательства вины обязательно бы понадобились твои, подруга, отпечатки пальцев на том бокале, из которого я пила «бэйлис». Я и так знаю, что это твои пальцы подсыпали мне туда наркотическую дрянь, спровоцировавшую меня на знакомство с блондином.

Взгляд Анжелы, все более проникавшейся безвыходностью своего положения, стал затравленным. Кажется, до нее стало доходить вся серьезность ситуации. С видом кролика, наблюдающего удава, женщина следит глазами за тем, как Рита меряет комнату нервными шагами.

– Я не знаю, чем тебя купили, – снова приблизилась к ней Корнеева, немилосердно схватив твердой рукой за спутавшиеся и слипшиеся кудри, – Однако, я не успокоюсь до тех пор, пока не вылью из тебя всю интересующую меня информацию. Если нужно будет, – она рванула сжатые в руке волосы так, что лишила их обладательницу целой горсти, – То я разберу тебя на кусочки. Знаешь ли ты, что женщина в ярости страшнее и кровожаднее черта? Ты готова посмотреть, как выглядят твои собственные кишки?

Анжелу затрясло. Проняло. Кажется, она уже в полной мере прониклась своим положением и перспективами, которые это положение ей давало.

– За что? – простионала она, – За что ты так со мной?

– За то, что сломала мне жизнь, – зло выдохнула в ее сторону Корнеева, – За то, что отдала жизнь невинного мальчишки в руки преступников. Разве ты не понимала, чего добивался знакомый нам обоим Витольд?

– Но тебе он понравился? – вдруг скривила окровавленные губы в подобие улыбки бывшая подруга, – Тебе, же с ним было хорошо. Может быть, теперь ты мстишь не только по тем причинам, которые указала? Может, тебе теперь не дает покоя уязвленное самолюбие?

– Может быть и так, – просто ответила на это девушка и ударила Анжелу так сильно, что едва снова не отправила ту в нокаут, – Я еще подумаю об этом. Сейчас мне важнее судьба сына Бельского.

Анжела тряхнула всклокоченной головой, словно пытаясь собрать расколотое на куски сознание в соответствие с нормой, после чего снова сфокусировалась на истязательнице. Из уголка ее подрагивающего в нервном тике рта поползла тонкая кровавая струйка.

– Я не знаю ни о каком Бельском, – устало прошепелявила она, выплевывая стуски крови, – И о блондине твоём я ничего особенного не знаю. Это Павлик с ним...

Злобное мычание, доносившееся до нее до сих пор на полутонах, вдруг усилилось, едва не превратившись в подобие крика. Уловив его, Пашутина дернулась и, извиваясь в собственных путях, снова попыталась обнаружить источник звука собственными усилиями.

– Ах, вот оно что! – торжествующе произнесла Рита, – Значит, тебя подбил на это твой пентюх? Это значит, он продал мою жизнь блондинчику?

Она подошла к стулу, к которому была привязана Анжела и рывком развернула его в противоположную сторону. Пространство в глазах Пашутиной резко повернулось, после чего той стал, виден другой стул, на котором, спеленатый тем же образом, что и она, восседал ее бой-френд. Большой и грузный, он словно оплывал на маленьком для него стуле, бешено мыча и вращая глазами.

– Смотри-ка, – спокойно констатировала Рита, – Он так рассержен, что сейчас начнет писать кипятком. Ты тоже что-то хочешь сказать, приятель?

Она подступила ближе к Павлику и немилосердным рывком сорвала с его рта отрезок скотча.

– Тупая курица!!!! – с шипением вырвалось изо рта мужчины в адрес подруги, – Что ты нагородила? Штаны намочила и готова оговорить всех ради того, чтобы самой оказаться не при делах? С-с-сука!!!

– А мне показалось, что Анжелка говорила правду, – сощурилась в его сторону Корнеева, – Ты ведь делец, не так ли? Какую выгоду ты получил от похищения сына Бельского?

– Да пошла ты!!! – с бычьим апломбом выкрикнул в ответ Павлик, – Можешь убить меня, если хочешь, но ты ничего не изменишь.

– Да ну?! – сделала изумленное лицо Рита, – Ты еще думаешь, что выкрутишься из того положения, в которое попал по своей глупости? Или мечтаешь быстро и безболезненно умереть?

Она быстро размахнулась и изо всех сил заехала Павлику в его разбитый нос. Тот откинулся назад и застонал от боли. Нет, недостаточно. Такого здорового мужика ее силой не проймешь. Тем паче, что костяшки ее рук, сбитые о т усердия, теперь саднили и кровоточили.

– Ты еще не все обо мне знаешь, придурок, – с угрюмой решимостью сообщила девушка в лицо мужчины, – Я по твоей милости потеряла все. Все кроме своей жизни. Я выжила, хоть вы этого не ожидали и уже, готова поспорить, причислили меня к лику безвременно убиенных. Кстати, могу тебе достоверно сказать, что твой белобрысый компаньон так и останется в твердом убеждении, что я умерла. В то же самое время, пока мы с тобой тут беседуем, меня помпезно провожают на тот свет. Гроб и венки, как полагается. Думаешь, кто-то пожелает затем разрыть могилу и удостовериться, что там не Маргарита Корнеева собственной персоной? Сомневаюсь. Так же сомневаюсь в том, что в ближайшее время хватятся тебя и твоей содержанки. Вы, так сказать, легли на дно, ограничили контакты, поэтому вряд ли кто задумается о том, где вы и почему. Даже в случае, если вы и вовсе пропадете без вести, я сомневаюсь, что это хоть кого-нибудь тронет. Подумаешь, парой свидетелей меньше!

Павел Фомин на это ей ничего не ответил, продолжая по-бычьему таращить свои глаза. Впрочем, Рита не ожидала его ответов прямо сейчас, понимая, что тот будет молчать до тех самых пор, пока не закончится его запас моральной прочности. По этой причине, вместо того, чтобы продолжать свой допрос, она, молча, вышла на кухню и принялась рыться в ящиках кухонных столов. Сейчас ей требовался подходящий инструмент для того, чтобы, как минимум, оказать психологическое действие на пленников. Девушка не знала, хватит ли ей решимости пустить его в ход, однако старалась об этом не задумываться. Нужно было скорейшим образом сломить моральный дух пленников и развязать их языки.

Она появилась на пороге комнаты через пять минут, с задумчивым видом рассматривая целый набор разнообразных орудий, который держала в руках. Пройдя к столу, она сложила на него весь добытый «инструмент», оставив в руках нечто, представлявшее из себя комбинацию небольшого топорика с молотком для отбивания мяса.

– Кажется, в самый раз, – ровным тоном прокомментировала Корнеева, снова приблизившись к Павлику, – Орудие достаточно широкого действия. Наверное, следует вам снова заклеить рты, чтобы вы не оглушили меня своими воплями.

– Что б ты сдохла, тварь!!! – горячо высказал ей на это Фомин, побагровев полным лицом.

– Мальчик не понял, – вслух сделала вывод Рита и, одним движением заново наклеив ему скотч на полные губы, с размаху опустила орудие пытки Фомину на колено.

Даже с закрытым ртом Павлик умудрился почти оглушить девушку воплем. Анжела, и без того доведенная до изнеможения предыдущим допросом, со своего места испустила прон-

зительный крик, оборвавшийся сразу же после того, когда истязательница обернула к ней искаженное злобой лицо.

– Рот закрой, – тихо посоветовала она, – А то снова займусь твоим воспитанием. Чтобы было неповадно друзьям предавать. А ты, – она обратилась к трепыхавшемуся перед ней Павлику, – Сильно-то жертву не изображай. Я пока не сильно. И не острием. Продолжим?

Корнеева снова подняла, было, свой инструмент, когда Фомин, словно китайский болванчик, стал быстро кивать ей массивной головой.

– Что-то надумал? – сорвала скотч с его губ Рита.

– Я...я скажу, – быстро протараторил мужчина, – Я все скажу.

– Молодец, – без выражения произнесла девушка, – Тогда все по порядку. Кто организовал похищение?

– Козин. Андрей Силантьевич Козин, – выпалил Павлик, через слово лихорадочно облизывая распухшие губы, – Это он, тот блондин, с которым тебя познакомила Анжелка... Он собрался шантажировать Бельского...

– Это я уже поняла, – кивнула Корнеева.

– Предметом торга является привлечение покровителем Козина большой фракции крупных бизнесменов и политических деятелей, которые сейчас находятся среди его противников...

– Большая политика, – пробормотала Рита, – Вот о чем мне говорил...

– ...Если Козину удастся подмять под себя эту группу и перетянуть на сторону этого покровителя, то ситуация в стране может в корне...

– Кто такой, этой покровитель?

– Я не знаю, – замотал головой Павлик так, что щеки его зажили своей жизнью, – Это... это очень крупный... очень влиятельный человек...я знаю только то, что он в большой политике...

– Хорошо, – пожала плечами девушка, – Поговорим о том, что ты знаешь. Куда Козин увез мальчика? Он держит его в Москве? Где он обитает? Ты наверняка должен знать, раз он доверил тебе соучастие в похищении.

Фомин дернулся при последней фразе и отчаянно замотал головой. Корнеева поняла, что тот отчаянно мечется перед выбором, предать ли того, кто потом может достать его хоть из-под земли, либо все-таки выгадать для себя фору признанием.

– Может быть, ты мне хочешь что-нибудь рассказать? – обернулась Рита к бывшей подруге, – Может, облегчишь свое положение...

Анжела встрепенулась и, судя по лицу, напрягла память, лихорадочно разыскивая в ее уголках подходящую информацию.

«Боже! – подумала про себя девушка, пристально созерцающая эти потуги, – Как может измениться человек! Как эта расхристанная деваха не похожа на обычную ухоженную Анжелу!

– Учтите, – высказалась она вслух для обоих пленников, – Я обязательно и самым тщательнейшим образом проверю ту информацию, которую вы мне сейчас дадите, – Корнеева повернулась к Павлу и добавила, глядя прямо ему в глаза, – До тех пор, пока достоверность этих сведений не будет подтверждена, вы оба останетесь в руках моих друзей. И если, не дай бог, что-то окажется не так, как вы мне тут сказали, то...

Она выразительно подняла оружие, которое выбрала для своего «допроса с пристрастием» и медленно перевернула его рубящей частью вниз.

– Я...не могу точно сказать, где находится мальчик, – вдруг снова «разговорился» Фомин, очевидно, до конца убежденный в том, что юлить не стоит, – Его нет в Москве... Это я знаю точно. Его в тот же вечер переправили самолетом... в Омск...

– Вот так свободно? Взяли и отправили мальчишку, которого, возможно разыскивает вся московская милиция?

– У них все схвачено, – скривился в подобии улыбки Павлик, – Большие связи и большие возможности. Возможно, в Москве Козин еще не так влиятелен и всемогущ, как хотел бы, но в Сибири... он там царь и бог... с ним считаются все.

– Куда из Омска отправили мальчика? – прервала его восхваления Рита.

– Не знаю, – пожал плечами Фомин, – Правда, не знаю. Куда угодно. Там весь край в его власти. Там его вотчина, в которую никто из местных и пришлых не осмелится полезть. И спрятать мальчика могут в любом из уголков этого края. Приставят к пацану хорошую охрану, и пиши, пропало.

– Интересно, – задумчиво протянула Корнеева, – Значит Вито... то есть Козин направился с мальчишкой куда-то...

Павел издал смешок, тут же заново привлечший внимание девушки.

– Нет, Козин не покидал Москвы, – пояснил он, когда увидел с ее стороны заинтересованный взгляд, – Зачем ему светиться вместе с мальцом? Это неумно, да и не нужно. Он отправил с ним кого-то из своих доверенных людей. Их у него хватает. Особенно Андрей Силантыч доверяет своему первому помощнику. Правда я сомневаюсь, что отправит его самого. Слишком уж тот важен для ведения и координирования дел. Отправил, скорее всего, кого-то другого, кому также доверяет и кого уже привлек для этого дела.

– Это не может быть женщина? – внезапно поинтересовалась Корнеева, вспомнив виденную ею в школе «ненастоящую» уборщицу.

Та, судя по ее профессиональной выучке, вполне могла получить роль сопровождающей.

– Не знаю, – помотал головой Фомин, – Мы с Анжелой участвовали только на первом этапе. Остальное Козин проделал, опираясь только на собственных людей. Я только могу твердо утверждать, что он находится в одной из своих московских квартир в ожидании решения Бельского. Две недели не такой уж большой срок, чтобы провести его в душной столице...

– Не срок, – словно эхо, задумчиво повторила Рита, – И время уже идет.

Рита медленно, словно решая какую-то задачу в уме, отошла от своих пленников к столу, там с тем же видом положила на столешницу ставший ненужным «инструмент», после чего направилась прочь из квартиры. Провожаемая напряженными взглядами Фомина и Анжелы, она почти скрылась в дверном проеме, ведущем в прихожую, но неожиданно остановилась и сфокусировалась на Павле.

– Слушай, – поинтересовалась девушка, как бы невзначай, – Я могу понять выгоду для Козина, но... ты-то что с этого имел? Стоила того твоя голова, которую я могла сейчас оттяпать вот этим самым топориком?

Губы Фомина внезапно затряслись. Борясь с этим проявлением слабости, тот с силой закусил нижнюю губу и увел глаза в сторону.

– Понятно, – сделала она вывод, – Барыга ты, одним словом. За копейку мать родную...

Рита медленно прошла в прихожую, однако снова вернулась.

– Сидите тихо, – посоветовала она, – И с вами ничего не сделают. Будете шуметь – сделаете себе же хуже. А так, возможно заработаете себе лишний шанс.

Она вышла из квартиры уже почти совсем успокоившейся, предварительно тщательно приведя себя в порядок перед тем самым большим зеркалом, в котором недавно увидела отражение притаившейся Анжелки. На лестничной площадке по-прежнему царил тихое спокойствие. Поистине, в большом городе никому и ни до кого нет дела! В очередной раз, удивившись этому факту, девушка одернула короткую куртку и неторопливо пошла вниз по лестнице. Покинутую квартиру запирать не стала. Впрочем, и нечем.

– Ну что, разобралась со своим-то? – вопрос, пришедший из-за приоткрывшейся двери в квартиру под номером «сорок шесть» врасплох Корнееву не застал.

Она предполагала, что ее сумасшедшая союзница будет «держатъ оборону» до самого окончания событий.

– Разобралась, – небрежно отмахнулась Корнеева, – Развод и девичья фамилия.

– Так ему и надо, – каркнула из проема «Яга», – Девка ты молодая – еще лучше себе найдешь. Этих кобелей только свистни. Набегут, что огурцов в бочке...

– Вот именно, – подыграв, хихикнула ей в тон девушка, – Ну бывай, баба Фрося. Пошла я.

И двинулась дальше вниз по лестнице, тихо радуясь про себя, что ей не пришлось попровобовать на пленниках острие маленького топорика. Может быть, она еще излишне инфантильна и не может ради необходимости пролить кровь и проявить беспощадность, но... это все же лучше, чем не испытывать ничего при виде мук другого человеческого существа.

Все-таки, как невольно отметила Корнеева, проходя мимо квартир по пути на первый этаж, звукопроницаемость здесь неприлично велика. Можно только представить, сколько обитателей этого дома услышали те крики, которые издавали ее истязаемые пленники. Другое дело, что, несмотря ни на что, никто из них не захотел вмешаться и не вызвал наряд милиции. Такое отношение людей друг к другу присутствовало в эти беспокойные времена сплошь и рядом. За стенкой будут стрелять, и стонать, кричать и молить о пощаде, но рядовой мещанин не пошевелит и пальцем, продолжая тупо глазеть в экран телевизора. Лишь бы его не затронуло, а там хоть трава не расти. Никакой гражданской сознательности. Напуганные горожане, не доверяющие власти и друг другу. Вульгарно и противно.

Так и не встретив препятствий в виде сотрудников милиции по пути назад, Рита благополучно добралась до своей машины и забралась в салон. Затем достала мобильный телефон и набрала номер Бельского. Время, хоть и утреннее, но вполне подходящее для обмена информацией.

– Я слушаю, – послышался в трубке знакомый мужской голос.

– Здравствуйте, Всеволод Артемьевич, это я, Рита...

– Здравствуй, девочка моя, – отозвался олигарх тоном, не предполагающим особой теплоты в голосе, – Есть новости?

Что ж, иного она и не предполагала.

– Есть, – подтвердила Корнеева, – Я разыскала двух людей, принимавших непосредственное участие в разработке похищения вашего сына. В заключительной фазе они не были задействованы, однако имеют некоторую информацию, достаточную для того, чтобы уже сейчас наметить план наших ближайших действий.

– Группа оперативной поддержки? Ты ее привлекла?

– Только на начальном этапе. Они вычислили для меня адрес предполагаемого местонахождения фигурантов и дали интересующую меня первичную информацию...

– Нужно было привлечь их к самой операции. Могли случиться непредвиденные эксцессы, а в группе достаточно специалистов для их решения.

– Обошлось, – коротко ответила на этот закамуфлированный упрек Рита, – Я справилась сама. Сама и допросила на предмет интересующих меня сведений. Впрочем, у группы еще есть шанс передопросить этих людей после меня. Так сказать, для верности. Хотя, если честно, не думаю, что результат будет другим.

– И все же, я думаю, это будет нелишним, – проявил настойчивость олигарх.

– Как скажете, – безразличным тоном откликнулась девушка, – Пленники нейтрализованы и находятся в квартире по тому адресу, который мне указали два часа назад. Никуда они не денутся, так как я, предполагая при любом раскладе передать их бойцам группы поддержки, оставила их в безопасном положении. Они надежно привязаны к стульям и, даже при большом их желании, смогут освободиться от пут не ранее, чем через час. А может и более. Я отдаю их на ваш суд. Делайте с ними, что вашей душе заблагорассудится.

– Что это за люди?

– Это моя бывшая школьная подруга Анжела Пашутина и ее сожитель, бизнесмен Павел Фомин. Фомин вошел в сговор с неким Андреем Силантычем Козиным, замыслившим орга-

низовать похищение вашего сына и последующий шантаж для удовлетворения своих требований. А нужда его заключается в выражении интересов некоего большого деятеля высокой политики, замыслившего перетянуть на себя полноту верховной власти. По крайней мере, я так поняла изложение Фомина...

– Что за деятель?

– Никаких намеков на личность, – сказала в микрофон Рита, – Только упоминание о том, что этот человек вращается в высших кругах власти. Ни кличек, ни имен. Его интересы сейчас представляет Козин, которого я знаю, как Витольда. Именно он с помощью Фомина и Анжелы, организовал наше знакомство в ночном клубе и мое дальнейшее соблазнение с целью выпытать информацию. Мне подсыпали дозу наркотического вещества с примесью какой-то «сыворотки правды», расслабившего психику и подготовившую ее для выкачивания нужных сведений. Так они смогли организовать похищение Данила в стенах школы с тщательной проработкой деталей операции.

– Значит, ты сумела уговорить эту парочку поделиться информацией? – небрежно поинтересовался Всеволод Артемьевич, – Они знают, где сейчас находится Данил?

«Не очень-то он мне доверяет, – поняла Корнеева, – То ли сомневается в моих способностях, то ли в моей честности.

– Фомин утверждает, что Данила переправили самолетом в Омск. С его слов, Козин очень силен в Сибирском регионе и даже сумел подчинить себе местные управленческие государственные структуры. Где-то там находится так называемая вотчина Козина, охраняемая как цитадель. Я не знаю где это, однако уверена, что когда вы поднимете всю доступную информацию о Козине, то обязательно найдете ссылку хотя бы на приблизительное местонахождение этого объекта. Возможно, что мальчика держат именно там, хотя это просто вероятность, а не установленный факт. По крайней мере, найдя этот объект, мы с ребятами группы оперативной поддержки сможем провести на месте розыскные мероприятия и с достоверностью локализовать место, где в настоящее время содержат вашего сына.

– Козин... Я постараюсь узнать все, что можно на этого человека. Каюсь, я о нем ранее ничего не слышал, тогда как он обо мне, кажется, знает все. Но это позже. Что тебе сейчас нужно для того, чтобы продолжить розыск Данила?

– Мне нужна конкретная информация на Козина и подчиненные ему структуры в Сибирском регионе. Сколько понадобится времени на то, чтобы ее раздобыть?

– Моим специалистам понадобится три – четыре часа. Не меньше.

– Хорошо. Столько же понадобится ребятам на то, чтобы разобраться с Фоминым и моей бывшей подругой. Передпросить и, наверное, решить их дальнейшую судьбу. Это тоже будет только вашим делом. Я же потрачу это время на то, чтобы немного поспать. Прошу вас скинуть мне координаты любой доступной сейчас конспиративной квартиры «Кондора», где я могу переждать ночь. С утра я буду готова получить инструкции и вылететь в Омск. Вас устроит такой порядок действий?

– Вполне, – согласился Бельский, – Жди. С тобой свяжется Усов и даст нужную информацию о месте, где ты сможешь переночевать. После того, как группа закончит с фигурантами по нашему делу, он завезет на этот адрес пакет с подробными инструкциями, деньги и все остальное, что тебе может пригодиться в Сибири. Отдыхай и ни о чем не думай. До связи.

– До связи, – откликнулась Рита и, отключившись от абонента, тупо уставилась в окно автомобиля.

Ей было о чем подумать.

Москва. Козин. Приблизительно в то же самое время 4 августа 1996 года.

Козин был сегодня задумчив. Возможно, даже более задумчив, чем обычно в последнее время. Не то, чтобы выдался проблемный денек, но... Вообще-то голова у Андрея Силантьича мыслить умела много и плодотворно. Согласно его личному убеждению, мыслительный процесс – сокровенное таинство рождения идей и анализа накопленного опыта, полностью доступно только определенной категории человечества. А мыслительный процесс в его извилинах не прекращался никогда. Даже во сне, облекаясь сознанием в удобоваримую форму сновидения. Иначе быть не могло. Иначе Козину никогда не удалось бы стать тем, кем он являлся сейчас. А был он, ни больше ни меньше, крупным игроком на той арене, на которой вершатся крупные, немаловажные для всей страны дела и которая является последним уровнем перед вступлением в большую политику. На этой арене, как Андрей Силантьич чувствовал сам лично, он вполне освоился за последние семь лет. Освоился и, как говорится, созревал до того, чтобы обрести новый вес и новую значимость. Еще немного, еще пара рывков в нужном направлении, и с ним начнут считаться на самых верхах. А при помощи «локомотива», за которым Козин предусмотрительно пристроился, это будет тем быстрее.

Старинные часы в резном корпусе красного дерева, инкрустированные позолотой и старинными гербами, пробили полдень, когда он закончил с текущими делами. Бросив на них косой взгляд из-за письменного стола, Козин откинулся на мягкую спинку большого кожаного кресла, на котором имел обыкновение сидеть, и потянулся. Он ощущал себя сегодня на эмоциональном подъеме. Наверное, из-за того, что задуманная им акция складывалась до сих пор удачно и без особенных осложнений, не допуская появления которых не мог только тупица. А они, эти осложнения, могли возникнуть в любой момент. Андрей Силантьич ждал, что олигарх Бельский проявит большую активность в противодействии его планам. Ну не мог такой искусственный экономист и бизнес-практик не просчитать тех угроз, которые для него обозначались с момента похищения сына. Этакий недвусмысленный намек на то, что кто-то очень энергичный и амбициозный, бросил свои силы и устремления в его направлении, надеясь сожрать с потрохами. Бельский не мог не понимать того, что оказался под жестким ударом беспощадного конкурента, целью которого стало не просто потеснить с его позиций на большом рынке, а уничтожить совсем, отобрав весь потенциал и активы.

«Он это понял, – в очередной раз сделал вывод по этой теме Козин, – Но проявил неожиданную мягкотелость. Как та овечка, что покорно идет под нож овчара. Непозволительная черта для крупного предпринимателя.

Конечно, любовь к близким, а тем паче к родственникам и детям, дело похвальное. Это прекрасно характеризует человека. Но не крупного и влиятельного бизнесмена. Подобная черта может однозначно расцениваться, как слабость. Этакая ахиллесова пята, удар в которую станет роковым для ее обладателя Разглядев в потенциальном противнике эту слабость, определенно установив ее существование по ряду сопутствующих признаков, Андрей Силантьич поспешил сим воспользоваться. И ударил. Быстро и беспощадно. Наверняка.

Не кривя душой, на месте Бельского он поступил бы по иному. Сразу бы пресек возможность шантажа в зародыше, а затем максимально обозначил для себя противника, дабы уничтожить угрозу в корне. Олигарху это было под силу и, к тому же, выглядело самым логичным шагом крупного игрока. Конечно, пришлось бы пожертвовать собственным ребенком. Необходимая жертва. Зато, появлялась возможность устранить опасность навсегда. Как для себя лично, так и для собственного бизнеса. Игра стоит свеч и сантименты здесь неприемлемы.

Бельский не смог, а оттого удар, нанесенный похищением сына, лишил его воли. Воли и, соответственно, свободы маневра. Даже все его усилия, направленные на спасение и вызволение ребенка, выглядели жалкими. Если не смешными. Чего стоила наивная вера в то, что посланная олигархом в Сибирь одиночная боевая группа, на территории, подконтрольной его противнику сумеет выполнить поставленную перед ней задачу. Да это просто еще одна жертва недомыслия и застоя ума.

Нет, определенно, развитие текущих событий ему нравилось. Путем нехитрой комбинации мальчик, как разменная фигура на шахматной доске, оказался в его руках. Группа бойцов, посланная ему на выручку, также оказалась в его паутине и вряд ли сумеет выбраться. Центральная фигура, то бишь сам Бельский, лишена преимуществ и возможности противодействия. Кажется, весь дальнейший ход игры лежал перед Андреем Силантьичем как на ладони. Неплохая, в общем-то выходит партия в эти самые «шахматишки».

«Весь мир – это большая шахматная доска, – вспомнил Козин, – А все мы лишь фигуры на игровом поле. И только лишь мы сами способны пройти путь от пешки до ферзя, в силах которого станет управлять действиями других фигур.

Его слова. Сталевара. Старик обожает шахматную тематику и, как истинный фанат, старается подогнать законы жизни к рамкам страстно любимой игры...

Отодвинув мысли на более дальний план сознания, Андрей Силантьич снова взглянул на циферблат старинных настенных часов. Кажется, сегодня время для него летит незаметно. Уже четверть первого! Непорядок. Придя к подобному выводу, Козин протянул руку и нажал на кнопку электрической сигнализации, что была расположена на столешнице письменного стола.

– Семен, – произнес он, уловив движение приоткрывшейся двери, ведущей из рабочего кабинета, – Время обеда. Скажи Марье Ильиничне, чтобы сервировала стол в обеденном зале. Я буду через десять минут.

Семен, молчаливый малый с вытянутым лицом и крупными выпяченными губами, на протяжении уже более чем пяти лет исполнявший обязанности домоуправителя московской квартиры Андрея Силантьича, понятиливо кивнул и сразу же исчез из виду, аккуратно прикрыв за собой дверную створку.

«Весь мир – шахматная доска, – снова вспомнилось Козину.

Он в какой-то мере разделял это субъективное мнение. И даже порой ощущал себя на этой доске значимой фигурой. Но не ферзем. Пока нет. Он верил, что ему это предстояло. Довольно скоро в обозримом будущем. Пока же корона ферзя принадлежала Сталевару. Только у него имела та свобода мышления и тот потенциал, к которому стремился Андрей Силантьич. Только он умел с легкостью выдумывать многоходовые комбинации и создавать нужную для него ситуацию на поле игры. Только он, этот прозорливый старик, умел делать самые неожиданные ходы, способные повергнуть противника в прах.

Они встречались нечасто. Скорее, даже, редко. Несколько раз тогда... в прежней жизни, когда он еще был не тем... Возобновление отношений произошло уже на следующем этапе жизненного пути. А в последние два года общение стало особенно тесным, даже выразившись в некоторой регулярности. В большей степени, как понимал трезвомыслящий Козин, из-за того, что подготовительный этап деятельности Сталевара заканчивался. Еще немного, и он созреет для открытой борьбы с теми, кто стоит у него на пути. На том самом пути, что ведет к неограниченной власти.

«Осталось сделать лишь несколько шагов, – снова всплыли в памяти слова, услышанные в последней встрече, – Как только мы с тобой преодолеем этот оставшийся отрезок пути, впереди откроются небывалые перспективы. Перспективы, от которых у тебя, мой мальчик, захватит дух.

Андрей Силантьич был склонен верить. Некогда Сталевар являлся одним из соратников его отца. Считался другом. Понятие для партийной элиты бывшего Союза Советских Социали-

стических Республик, конечно, относительно, но все-таки... Все-таки он проявил к нему расположение в трудную минуту. Помог. Пусть небескорыстно, но по-другому в этой среде не делалось.

«Большая политика – это продажная девка, – всплывшие в памяти слова тоже были изречением его нынешнего покровителя и союзника, – Она отдается только тому, кто даст большую цену. И не факт, что она задержится в его постели. Изменяться обстоятельства и эта пресловутая девка окажется с кем-то другим, более сильным и удачливым.

Козин вспомнил квартиру, где проживал Сталевар на протяжении последних сорока лет. Огромная старая темная берлога в самом центре столицы, напичканная антикварным старьем. Хозяин обитал в ней совершенно один. Нет, когда-то, наверное еще в «застойные» времена, он бывал женат. Может быть и не раз. Вроде бы имел детей. Однако, по прошествии нескольких десятилетий все это куда-то ушло, оставив старика в одиночестве. Наверное, поэтому, тот так активно вплетался в политическую жизнь страны все последние тридцать лет. Сперва в составе Политбюро, затем в составе тех «героев перестройки и новой формации», а ныне в числе близких деятелей окружения ныне действующего президента.

«Любая политическая формация, любая государственная система и любая форма правления, сиречь очередная разновидность змеиноного логова, в котором все основные действующие лица беспрестанно шипят друг на друга и, преследуя свои личные цели, лишь выбирают момент, чтобы сильнее цапнуть соперника. Нет государства, в котором не играл бы ведущую роль субъективный человеческий фактор. Лишь он имеет цену, а не то, что провозглашено Конституцией. Так было и так будет всегда.

Это тоже его слова. Одни из многих услышанных в течение последней приватной беседы. Умудренный опытом старик прямо-таки сыпал философскими изречениями, а он, Андрей Силантьич, слушал, пытаясь вникнуть во все, что говорилось прямо либо исподволь.

– Андрей Силантьич, обед подан, – снова возникло в поле зрения вытянутое лицо домоуправителя, – Марья Ильинична просит в обеденную.

– Хорошо, Семен, – ответил ему Козин, – Сейчас буду.

Оставаясь погруженным в свои думы, он встал из-за стола и проследовал из кабинета в двери.

«Все-таки величавы представители той формации, которая уже практически отжила и ушла в историю, – отдал должное старшему поколению Андрей Силантьич, – Сама история учила их уникальной изворотливости и прозорливости. Они, как никто до них и после, умели предугадывать ход событий наперед. Предугадывать и подстраивать эти события для своей пользы.

В зале суетилась Марья Ильинична, заканчивая сервировку обеденного стола. Это она умела. Пожилая женщина, разменявшая, если Андрею Силантьичу не изменяла память, едва ли не седьмой десяток, исполняла свои обязанности экономки быстро и со знанием дела. Наверное, здесь тоже большое значение имел опыт. Изрядный, нажитый еще в столичном тресте столовых и ресторанов, специализировавшемся на обслуживании политической элиты. Те люди, кто еще застал те золотые времена, поговаривали, что некогда Марья Ильинична была вполне привлекательной особой и пользовалась завидным вниманием целого ряда известных чиновников. У скольких из них она побывала в постели история умолчала, однако Козин, не понаслышке знавший о царивших тогда нравах, вполне допускал и такое. При условии приватности допускалось все.

– Здравствуйте, Андрей Силантьич, – поздоровалась экономка мягким грудным голосом, – Пожалуйста за стол. У нас сегодня прямо-таки королевский обед. Пальчики оближете.

Козин не сомневался в этом. Готовила Марья Ильинична изумительно и вкусно. Сказывалось умение, полученное в «совковой школе». Наверное, из-за этой тяги к стряпне и сама она с годами изменилась, превратившись из тоненькой милой девочки с мягкими сглаженными

чертами, виденной на одной из старых фотографий в невысокую «кругленькую» даму с выдающимся, колыхающимся при ходьбе бюстом.

– Спасибо, Марья Ильинична, – поблагодарил Андрей Силантыч, бросив на экономку быстрый косой взгляд в то самое время, когда проходил к своему месту, – Я не сомневаюсь, что обед великолепен.

Да, он умел быть учтивым. Это было в его крови. Как и гены родителя, слывшего в годы застоя довольно успешным человеком на политическом поприще столицы. Как ни крути, а заслугу «правильных» генов Козин не исключал при любом раскладе. Родись он в семье какого-нибудь крестьянина – интеллигента, имей он хоть семь пядей во лбу – никогда не достиг бы ему тех высот, что стали доступны сейчас.

«Тебе повезло, мой мальчик, – вспомнил Андрей Силантыч, придвигая к себе первое блюдо, – В отличие от нас, тех, кому пришлось извернуться для того, чтобы выбраться из грязи, тебе этого делать не нужно. У тебя есть отличное образование, развитый ум и та финансовая платформа, которая помогла тебе стать тем, кем ты являешься сейчас. Это все заслуга твоего отца. А вот упрочить свое положение и двинуться по намеченному пути дальше – это будет зависеть только от тебя самого.

«Я двигаюсь, – ответил он в мыслях, вливая в себя первую ложку горячего супа, – Правда для этого приходится слишком многих отодвигать с пути.

Не только ему одному. Он знал, что тому же самому Сталевару, стремящемуся к своей цели, пришлось убрать слишком многих и слишком многим пожертвовать. Наверное, поэтому, у старика не осталось ни одного близкого человека. Страсть к политике заменила ему все, что должно иметь ценность для нормального человека. Оттого поступал и судил он так свободно и легко.

«Я многое повидал на своем веку. Видел диктаторов и откровенных слабаков. Есть с чем сравнить. В большой политике нельзя быть сентиментальным, нельзя идти на поводу у кого бы то ни было. Нельзя иметь ярко выраженных слабостей. Иначе всегда найдется тот, кто сумеет использовать эти слабости в свою пользу. А это для любого руководителя уже не свобода решений. В этом случае тот, кто должен управлять, становится марионеткой. Управляют им...

Андрей Силантыч, вспомнивший и эти слова, вызвал в памяти облик своего наставника. Благородную седую шевелюру, чуть крючковатый тонкий нос и колкие глаза за профессорскими очками. С таких можно икону писать. Посмотришь и не скажешь, что за этим благообразным интеллигентным ликом таится настоящий дьявол, способный буквально на все.

«Сделайте небольшой экскурс в нашу современную историю, мой мальчик, – уверенный тембр продолжил звучание в голове Козина, – Вспомните всех тех, кому вручали бразды правления страной за последние двадцать лет. Вы увидите, что после достославного Леонида Ильича достойных личностей просто не было. Сперва последовала короткая череда почтенных старцев, которым досталось лишь просто пожинать плоды установленного порядка и стабильности. Кто-то из них не мог, кто-то просто не успел воспользоваться своими возможностями правителя большой империи. В любом случае, сделать что-то стоящее они не сумели. Им на смену пришел мечтатель, желавший изменить мир к лучшему, но не знавший реальных путей достижения этой цели. Этаким хиппи от партийной системы. Слабость его, как личности, была настолько очевидна, что остается удивляться тому, как он продержался так долго у власти, прежде чем его додумались сместить...

Аппетит, поначалу довольно большой, таял стремительными темпами. Не располагали к поглощению пищи подобные размышления. Пища духовная несовместима с пищей физиологической. По крайней мере для него. Вдохнув этому выводу, Андрей Силантыч отодвинул от себя едва ополовиненную тарелку и положил на другую тарелку бифштекс.

«Слабость руководителя для страны фатальна, – голос Сталевара в его памяти окреп, едва не вытеснив другие сопутствующие мысли, – Едва руководящая ветвь государственного

стройка ослабевает, страну начинают раздирать на куски. В действие приходят скрытые силы, ищущие свою собственную выгоду. Распри, хапуги и взяточники самого разного пошиба, которых в другие времена попросту бы расстреляли, всякого рода подстрекатели националистических течений, льющие воду на мельницу наших потенциальных врагов за рубежом. Все эти силы становятся тем крепче, чем слабее тот, кому поручено наводить порядок. Вспомните. Первым следствием такой слабости стал распад прежде величайшего государства. Государства, перед которым трепетал весь остальной мир. На месте этого величия осталась горстка нищих стран с полуголодным населением. Отсюда рост влияния криминалитета, доморощенной буржуазии в самом извращенном понимании этого понятия, всякого рода контор, вышедших из-под влияния государственной власти. В полунищей стране всю разворовывали национальное достояние, грабили фонды, захватывали заводы и продавали ваучеры, однако правитель этой страны, в обязанности которого входило наведение порядка, не смог ничего поделать. Ему, неспособному оказать достойный отпор, пришлось мириться с этим разгулявшимся вормем. Именно тогда, в угоду всей этой мрази, все кому не лень начали восхвалять воровской уклад, романтизировать образ уголовщины...

Козин попытался разжевать кусочек мяса, отрезанный им от бифштекса. Нет, определенно, нельзя совмещать размышления с едой. Процесс раздумий так увлек его, что чувство вкуса пропало совершенно. А какой интерес в еде, если не способен получить от нее удовольствие?

«Ситуация в стране слишком дестабилизировалась, чтобы улучшиться сразу после того, как упомянутого руководителя сместили с места, которого он оказался недостоин. Слишком много сил оказалось задействовано для того, чтобы изменить структуру власти. Каждый теперь тянул одеяло на себя. Оттого и появился следующий руководитель, устраивающий всех. И криминализованные структуры, и откровенных бандитов, и государственные структуры. Этакое промежуточное звено, после которого характер власти либо окончательно приобретет черты легализованной преступности, либо вернет то содержание, которое характерно для развитой державы. Руководитель, который встанет во главе этой новой державы и определит это самое содержание...

Андрей Силантьевич окончательно отказался от мысли продолжить трапезу. В ее завершение, он отхлебнул из стакана небольшой глоток чистой воды и, сухо поблагодарив помрачневшую лицом Марью Ильиничну, встал из-за стола. Пусть ее. Она всего лишь экономка, чтобы оправдываться перед ней за плохой аппетит. Посудив так, Козин поспешил вернуться в рабочий кабинет.

«Щепетильность нынешней ситуации состоит в том, что существуют некие консолидированные силы, способные качнуть маятник государственной власти в свою сторону. Из известных мне подобных коалиций можно назвать в первую очередь приверженцев государственных структур исполнительной, судебной и надзорной власти. В случае прихода к правлению этих людей мы можем получить насквозь бюрократизированное общество, где вольготно живет лишь чинушам разного пошиба. Противовесом выступает объединенное сообщество криминализованного предпринимательства. При благоприятных условиях они будут готовы продать страну любому, кто даст достаточную для них цену. Все остальные объединения и союзы, суть многообразие переходных форм между этими полюсами. Нужно обладать мужеством и прозорливостью, чтобы избежать и того, и другого.

Старик рассуждал разумно. И, естественно, знал свой вариант развития грядущих событий. Именно для этого он обретал вес и авторитет. Придет время, и он покажет на что способен. А уж история затем рассудит, прав ли он был или нет. Впрочем, так выходит всегда. В любом случае он, Козин, намерен держать его сторону. По крайней мере, пока.

С этой мыслью Андрей Силантыч зашел в кабинет и снова занял свое кресло. Затем, утвердившись в своих мысленных выкладках, потянулся к аппарату мобильной связи и, подняв его со стола, набрал вызов нужного абонента.

– Алло! Здравствуйте, мой дорогой друг, – привычно улыбнулся он в микрофон своей голливудской улыбкой, – Надеюсь, не оторвал от дел? Нет? Хорошо. Я? В полном порядке. Просто хотел поставить вас в известность. Задуманное мероприятие началось. Да, да, пока в рамках предсказуемости. Думаю, что так и будет дальше. Объект поставлен в рамки тех ограничений, которые необходимы для достижения результата. Постараемся выжать из этого положения все, что возможно. Вы в этом уверены? Вашими бы устами...

Москва. Всеволод Артемьевич Бельский. Около 15:45 часов 4 августа 1996 года.

Телефонный звонок застал Бельского за чашкой кофе. Наверное, поэтому, тот не стал спешить отвечать на вызов абонента, а позволил себе сделать еще один неторопливый глоток ароматного напитка. Подождут.

Телефон не умолкал, продолжая раздражать слух. Недовольно поморщившись, Всеволод Артемьевич оторвался от своей утренней чашки и потянулся за аппаратом мобильного телефона.

– Слушаю, – уже более миролюбиво произнес он, мельком разглядев на табло знакомый номер.

– Доброе утро, Всеволод Артемьевич...

– Короче, – поморщился олигарх, – И, пожалуйста, без имен. Как успехи?

– Мы в квартире...

– Тогда, тем более, не нужно озвучивать имена. Что там?

– Все соответствует вводным данным. Дверь не заперта, в квартире два пленника. Один пленник женского, один мужского пола. Зафиксированы в нейтральном положении так надежно, что даже не попытались освободиться...

– Установочные данные подтверждены?

– Точно так, Вс..., извините, босс, – голос поперхнулся едва невысказанным именем и сразу приобрел виноватые нотки, – Мужчина – Павел Фомин, владелец нескольких предприятий в сфере торговли и автосервиса. Достаточно крупный бизнесмен и, к слову, один из числа тех, с кем вы ведете свой бизнес на взаимовыгодной основе. Валовой доход с его предприятий составляет...

– Понятно, – сделал вывод Бельский, – Один из мнимых союзников в бизнесе, мечтающий при удачном повороте дела захватить все мои активы. Такой, пожалуй его, может натворить бед.

– Как поступить с ним?

– Он мой враг, – жестко и решительно высказался Всеволод Артемьевич, – Раз принял участие в похищении моего сына и наследника. Хотел нажиться на горе того человека, с которым вел свои дела. Как мы поступаем с врагами, когда они оказываются в наших руках? Выполняйте... Только позаботьтесь о том, чтобы перед этим, Фомин официально передал свой бизнес в мои руки. Он должен заплатить по полной, поэтому лишится всего сразу. Пусть это чувство сопровождает его до последней минуты.

– А как поступить с женщиной? Кажется, она...

– Здесь мне тоже тебе объяснять на пальцах?! Эта баба тоже принимала непосредственное участие в похищении Данила. Соответственно, заслужила аналогичное наказание. К тому же, мне совсем не нужны лишние свидетели, способные хоть как-то известить правоохранительные органы. Это будет лишним козырем в руках похитителей. Понял? В принципе, мог бы догадаться и сам.

– Я понял вас. Больше инструкций не понадобится.

– Тогда выполняйте, – обронил в трубку Всеволод Артемьевич и отключился.

Его собеседник на другом конце линии выслушал череду коротких гудков, пронесшихся в радиоэфире, после чего тоже отнял от уха свой аппарат связи и аккуратно вложил его в специальный футляр на пояском ремне.

– Что он сказал, Серый? – поинтересовался здоровенный двухметровый детина в черном кожаном пиджаке, до сих пор, ожидая окончания разговора бригадира с боссом, подобием

маятника нетерпеливо вышагивавший перед замершими пленниками, – Может пора уже что-то предпринять? А то я уже измаялся ждать с моря погоды.

Серый сощурился и внимательно посмотрел в корявое лицо детины, задержавшись на его приплюснутом носу, растоптанным в какой-то давнишней драке.

– А что ты предлагаешь предпринять, Назар? – спросил он с неожиданным участием.

Верзила в ответ радостно осклабился, обнажив на свет крупные желтые зубы, выросшие редко и невпопад.

– Я предлагаю сперва немного сбросить напряжение, – выдвинул идею Назар, приблизившись к Анжеле Пашутиной, напряженно съежившейся на стуле так, что сдерживавшие ее путы скотча оказались туго натянуты, – Смотри какая сладкая и ухоженная, – он подошел вплотную и по-хозяйски запустил здоровенную лапу в декольте ее нарядного атласного халата, а затем добавил, – И мягкая!

Вместо ответа, Серый вынул из-за пояса пистолет с глушителем, привычным движением взвел курок, затем направил его в сторону пленницы и выстрелил. Оружие в его руке дернулось, с тихим хлопком послав заряд. Пленница, на лбу которой появилось оплывавшее кровью отверстие, дернулась всем телом и обмякла, начав заваливаться набок. Из перекосившегося рта, заклеенного скотчем, не донеслось ни звука. За исключением странного вздоха, с которым, наверное, отлетела душа.

– Сбросил напряжение? – коротко спросил Серый Назара, все еще глядя на свою жертву, упасть которой со стула не давали скотчевые путы, – Достаточно? Или будут какие-то дополнения еще?

Он смерил подчиненного глазами с головы до ног и, не найдя в корявой физиономии каких-либо намеков на неудовольствие, перевел их на Ивана Усова, с безучастным видом охранявшего входную дверь. Тот, равнодушно скользнув взглядом по телу убитой, отвернулся.

– Ну, раз возражений не поступило, будем считать вопрос решенным, – вывел резюме бригадир и развернулся в сторону второго пленника, – Расчехли ему рот, Назар. На пару слов.

В это самое время сила тяжести мертвого тела одолела сдерживающий фактор в виде привязывавшего его к стулу скотча. Перевесившись до критической точки, оно рухнуло на пол с глухим шмякающим звуком. Серый, которого на секунду привлек этот звук, мельком оглянулся. Потом снова обратился к Фомину, с губ которого к тому времени лапища Назара уже сорвала липкую ленту.

– Поговорим, бизнесмен? – поинтересовался он, взглянув в побелевшее лицо находившегося в его руках человека.

Не в силах вымолвить что-то в ответ, тот отчаянно закивал массивной головой.

– Вот и ладушки, – холодно улыбнулся бригадир, – Думаю, что тебе не придется ничего объяснять на пальцах. Наверное, уже понятно, что ты совершил непростительный поступок в отношении человека, с которым имел общие дела? Или нужно что-то пояснить?

До смерти перепуганный Фомин отрицательно замотал головой. Глаза его косили в сторону. Очевидно, чтобы лишний раз не наткнуться на труп, лежащий почти у самых его ног.

– Раз ты признаешь за собой вину, – почти судейским тоном закончил свою речь Серый, – Тогда понимаешь, что должен ответить. Как положено. Через тридцать-сорок минут мои ребята доставят сюда одного хорошего нотариуса. Он поможет составить дарственные бумаги, по которым весь твой бизнес перейдет к тому человеку, которому ты принес зло. Это будет справедливо.

Выслушав и осознав до конца весь смысл слов, сказанных ему бригадиром, бизнесмен Фомин дернулся всем телом. Почти так же, как пять минут до этого, получив пулю в голову, дернулась его содержанка. Потом сфокусировался на Сером и натолкнулся на ответный взгляд, сквозивший холодом и расчетом душегуба. В этом взгляде Павлик увидел свой приговор.

– Возражений не последовало, – в свойственной ему манере подвел черту в короткой беседе бригадир и, натянуто усмехнувшись, отвернулся.

Глава 10. Омск. Маргарита Корнеева. Около полудня 5 августа 1996 года.

С трапа самолета, доставившего ее в город Омск, Рита сошла с видом праздной и явно не бедной путешественницы, которую занесло сюда, бог знает каким ветром. Тому способствовали манеры и внешний вид, продуманный ею с особой тщательностью. Мало ли... Она не знала наверняка, проглотил ли Витольд сказку о смерти Маргариты Корнеевой и достойных проводках бедной девушки в мир иной. Так же, как не могла быть уверена в том, что информация о ее новой миссии не просочилась к неприятелю. Раз нельзя располагать подобными данными, то предполагать можно что угодно. А потому нынешний маскарад девушки являлся вполне уместной мерой превентивной защиты от тех, кто, может в это самое время, высматривает среди пассажиров прибывшего авиарейса потенциально опасного для Козина человека.

«Попробуй сейчас угадай во мне агента, прибывшего со специальным поручением, – внутренне усмеялась Корнеева, представив, как выглядит сейчас со стороны, – Блондинистый парик из натуральных волос, модное коротенькое платьице яркой расцветки, черные ажурные чулочки, кокетливо обтянувшие стройные ноги. Туфельки на высоченном тоненьком каблуке. Праздная кокотка, да и только. При взгляде на меня у любого мужика, будь он хоть трижды профессиональным сыскарем, должны возникнуть только мысли фривольного характера. И ни единого подозрения.

В правильности своего образа она убедилась почти сразу, когда бойко процокала «копытцами» мимо группы каких-то неясных личностей и двух обрюзгих мужиков в серой милицейской форме. И те и другие проводили ее ладную фигуру заинтересованными мужскими взглядами и сальными комментариями, произнесенными вполголоса. Эффект что надо. Она усугубила впечатление чисто женской кокетливостью, после чего, вполне убедившись в отсутствии поводов для того, чтобы бить тревогу, поймала такси прямо на выходе из аэровокзала и, не став торговаться с «бомбилкой» относительно заломленной цены, благополучно уехала восвояси.

Впрочем, подобный имидж девушка сохраняла только до тех пор, пока не добралась до гостиницы и не оказалась в изолированном одноместном номере. После часового пребывания в нем, Корнеева преобразилась настолько, что ни один из видевших ее в аэропорту мужчин не узнал бы в ней жеманную блондинку, увиденную на трапе. Темно-синий джинсовый костюм, удобный и хорошо сидящий по фигуре, крепкие и легкие кроссовки в тон, темная бейсболка, из-под которой выбивались собранные в «хвост» темные волосы. Разумеется, минимум макияжа. В таком виде сразу превращаешься в неприметную среднестатистическую девицу. В городе таких видишь на каждом шагу. Типаж с размытыми чертами миловидного лица. Легко влиться в толпу и потеряться на ее фоне.

Совершив очередное запланированное превращение, Корнеева покинула гостиничный номер, более не планируя в него вернуться. На плече у нее болталась легкая спортивная сумка с набором тех немногих вещей, которые ей понадобятся в дальнейшем. Чемодан с набором «блондинки» остался «в подарок» для гостиничной службы, которая, как можно предположить с определенной степенью уверенности, для своих нужд приберет его безо всяких следов, едва минут сутки, на которые снят номер.

Выйдя на улицу, Рита действительно потерялась в толпе прохожих. Хорошо. Это даст ей свободу независимого передвижения. Как и время на то, чтобы обдумать каждый свой дальнейший шаг. В ее положении следовало тщательно переваривать каждую крупницу полученной информации, дабы выверить все свои поступки и движения.

«А информации пока в избытке, – подумала девушка, пройдя по улице к городскому скверу и сворачивая на ближайшую аллею, – Пусть она неконкретна и расплывчата, но здесь тоже есть над чем поразмыслить.

Бельский дал девушке на отдых один день. Точнее, зная то, что та ожидает его указаний и информации на конспиративной квартире, намеренно забыл о ней до тех пор, пока не наступил вечер того самого дня, когда она «с пристрастием» допросила свою бывшую подругу и ее бойфренда.

Возможно, что это время требовалось самому Всеволоду Артемьевичу. Для того чтобы немного разобраться в изменившейся ситуации. А также для того чтобы суметь подготовить почву для заброски «десанта на вражескую территорию». Имевший большой потенциал и возможности в самой Москве, Бельский, как фигура, был чужд периферии. Главным образом из-за этого предстоящая операция по вызволению собственного сына из рук похитителей представлялась ему очень сложной. А потому, если разобраться, олигарху требовалось определенное мужество для того, чтобы перебороть свои страхи и дать «добро» на начало рискованной операции.

«И все же он решил, – отдала Корнеева должное характеру своего недавнего благодетеля, – Требуется определенная крепость характера, чтобы дать завариться каше, в которой будет затронута жизнь собственного единственного отпрыска.

Так это было, либо Риту подводило ее чутье, но вечером того дня, когда она уже начала терять терпение, телефон городской сети, расположенный в квартире, затрещал тревожной трелью. На ее вопрос, холодный незнакомый голос выдал информацию на некоего Андрея Силантьевича Козина, для изыскания которой, как она подозревала, Бельскому пришлось подключить бездну различного народа. Учтя это соображение, девушка сразу и на полную мощность включила свой мыслительный потенциал, впитывая каждое слово, произнесенное неведомым координатором.

Впрочем, информация с небольшим уточнением лишь подтверждала ее прежние предположения. Теневой делец, с большим размахом развернувшийся в Сибирском регионе, имеющий там крепкую «корневую систему» и почти неограниченные возможности. Андрей Силантьич подмял под себя практически все официальные управленческие структуры, сделавшись практически единоначальным теневым управленцем течения тамошней жизни. Тобольск, Усть-Ишим, Тара, реки Тобол, Ишим, Иртыш, Демьянка – названия мелькали в сознании, пока не имея возможности привязаться к конкретным географическим координатам. Где-то там, в указанном районе, располагались поселения, безоговорочно подчиненные власти Козина. А среди них так называемая «вотчина» Андрея Силантьича, его официальное логово. По предположениям аналитиков, похищенного Данила просто обязаны были доставить именно туда. Основным доводом в их устах звучало убеждение, что в таком месте даже официальные представители власти бессильны продиктовать тамошнему царьку свою волю.

«Не факт, – подумала по этому поводу Рита, продолжая усваивать информацию, – Есть миллион не таких приметных мест, где мальчишку можно держать без особой охраны, приставив к нему одного-двух человек для присмотра. Так логичнее. И в этом случае возможность планомерно выследить местонахождение Данила за короткое время будет почти исключена.

Далее голос координатора поведал ей о том, что группа оперативной поддержки, созданная для ее страховки, отправилась в Омск уже час назад. Членам группы поставлена задача первоначального изучения обстановки на месте, изыскания первичных возможностей для оперативной разработки искомого объекта и создания базовых условий для осуществления самой операции. Это сообщение разозлило Корнееву. Она несколько иначе представляла себе функции группы, целевое предназначение которой заключалось в обеспечение благоприятных условий для ее единоличной работы. Эдакие мальчишки «на подпевках».

«Ладно, – ей пришлось одернуть себя, дабы несколько умерить разыгравшиеся амбиции, – Бельскому и его профессиональным ищейкам виднее, как организовать антураж. В конце концов, я сохраняю свое инкогнито и, прибыв на место, уже буду располагать кое-какой информацией.

– Хорошо, – произнесла она вслух, – Пусть так. Но я требую, чтобы меня снабдили самой подробной информацией о фигурантах, замешанных в этом деле. В первую очередь о самом Козине и его ближайшем окружении.

Голос в трубке не выразил неудовольствия. Скорее наоборот. Несколько оживившись, он пообещал, что завтра же утром, приблизительно за час до того, как ей будет нужно отправляться на рейс самолета, следующего в Омск, на конспиративную квартиру прибудет специальный курьер, который доставит пакет с самой подробной, на сей день информативной базой и фотографиями фигурантов.

Рита вслух одобрила собеседника за такой подход к делу. Однако, как ни крути, это было еще не все. Не хватало конкретики. Не хватало деталей, непосредственно касавшихся обстоятельств похищения Данила Бельского и переправки его в Сибирь. Имевшаяся информация оказалась крайне скудна. Настолько, что девушка пока побоялась делать какие-то выводы.

«Мы проверили базы данных о пассажирах, вылетевших из Москвы в город Омск в указанное вами время, – счел нужным сообщить на ее вопрос координатор, – Однако не можем с точностью утверждать, что располагаем достоверными данными. Существует целый список лиц, которых можно подозревать в том, что они замешаны в это дело. Эти лица сопровождали детей, каждый из которых мог являться Данилом. Более точной информации у нас нет.

– На нет и суда нет, – задумчиво обронила Рита, пытаясь представить, насколько длинным будет означенный список, – Однако, убедительно прошу вас раздобыть хоть какую-то информацию и о людях, входящих в этот список. Желательно с фотографиями. Возможно, это поможет определить конкретно причастное лицо.

– Сделаем, – пообещал ей координатор, – Только на это понадобится время.

– Много? – спросила она.

– Сутки, – пообещал собеседник, – Не больше. Вы получите эти данные уже в Омске.

– Договорились, – согласилась она, – Но не позже.

У Корнеевой остался странный неприятный психологический привкус после состоявшегося разговора. Наверное, потому, что ощутила какую-то недоговоренность в касательстве к ее персоне. Ей уделяли внимание, но как бы по необходимости. словно к запасному варианту, который «авось, да и выстрелит».

«Кажется, Бельский все-таки не очень полагается на то, что задание окажется мне по силам, – девушка испытала почти полную уверенность в том, что угадала подоплеку, – Пустил вперед целую группу, совершенно не опасаясь, что, оказавшись на чужой территории, она может надеть достаточно лишнего шума. Достаточно для того, чтобы растревожить врага, уже расслабившегося в своем логове. А, ведь, это может подвигнуть его на какие-либо нежелательные меры противодействия, что предполагает стократное возрастание опасности для находящегося в заложниках мальчишки.

Что ни говори, с ее колокольни казалось гораздо более логичным, если бы она оказалась на месте первой и, не привлекая к себе внимания, сама собрала базовые сведения. Идея казалась настолько органичной и продуманной, что упорное нежелание Всеволода Артемьевича ее поддержать, стала вызывать неподдельное раздражение.

«Черт бы побрал этот имперский менталитет! – чертыхнулась Рита, вынимая из кармана мобильный телефон, – Хозяин, как говорится, барин. Оттого и случаются в ходе дела всяческие неприятности, которые затем приписываются нерадивости тех, кому поручено конкретное исполнение задания.

– Алло, – голос, раздавшийся в трубке, нес явные нотки неудовольствия, – Рита? Я же просил беспокоить меня только по делу. А у тебя, как я понимаю, сейчас...

– Я по делу, – быстро произнесла Корнеева, в глубине души удивившись тому, что ее уже не задело такое обращение, – Относительно статуса моих дальнейших действий в точке назначения.

– Что ты хотела уточнить?

– Хотела настоять.

– На чем? – в голосе олигарха послышалась озадаченность.

Он не привык к тому, что эта девушка способна с ним проявлять напористость и волю.

– Я хочу настоять на полной независимости моей предстоящей миссии, – высказалась Рита, – Если вы пустили группу, которую изначально обещали предназначить мне для оперативной поддержки, в свободный поиск, то пусть наша деятельность не будет предполагать прямого взаимодействия.

– ...Но вам, же все равно понадобится как-то делиться информацией? Почему ты так отрешиваешься? Какую выгоду ты будешь иметь с того, что члены группы кроме Усова, не будут знать тебя в лицо?

– Я выгадаю безопасность, – Риту почти развеселило непонимание того, кто по роду своей деятельности должен быть всегда прозорлив, – Не забывайте, что я играю сольную партию и ради того должна сохранять инкогнито. Если честно, то я не считаю себя вправе доверяться этим людям. Пусть они хоть трижды профессионалы. Трудно заставить себя поверить в то, что Козин, так хорошо подготовившийся к акции похищения, не оставит в наших структурах своего человека. Этим соображением продиктованы и мои условия. Будет довольно возможности связаться с Усовым. В его надежность я верю. Иван получил от вас и от меня подробнейшие инструкции и не обозначит мою личность ни для кого постороннего.

– Ну, хорошо...

– Этим же соображением продиктовано желание иметь прямую связь именно с вами. Не нужно посредников и координаторов. Только в этом случае можно будет не беспокоиться об утечке информации.

Бельский вздохнул в микрофон. Сдался.

– Все будет так, как ты хочешь, – сообщил он так, словно выкинул белый флаг, – Но чего именно ты хочешь?

– По прибытию на место я хочу получить исчерпывающую информацию по тем вопросам, которые обозначила вашему координатору. Передаст ее мне Усов в том месте, которое я обозначу сама. Помимо этого, по прибытию на место мне понадобится кое-какой инструмент. Это, в первую очередь, средство связи, кое-какие сопутствующие вещи, список которых я обозначу прямо сейчас, и, разумеется, сам инструмент. «Беретта» вполне подойдет. Еще понадобится неприметный, но функциональный автотранспорт с хорошей проходимостью и, желательно, четырьмя ведущими колесами. Дороги в Сибири явно не чета столичным, так что будет лучше, если машина будет иметь приличный потенциал проходимости. Я говорю о какой-нибудь старенькой «Ниве», которую, если так сложится, не жалко будет и бросить.

Кажется, разговор вышел именно таким, каким его и хотела выстроить Рита. По крайней мере, она надеялась на то, что сумела «залезть под шкуру» Всеволоду Артемьевичу и отстоять свою оперативную независимость. Если нет, то тогда следует ожидать накладок и неприятностей. Например, очутившись на исходной для начала розыскной работы, она вдруг по воле олигарха встанет перед прямым приказом влиться в ряды той группы, которая поначалу должна была только ее прикрывать. Или того хуже, тот самый единственный связной возьмет и не придет на место условной встречи.

«Тогда я просто отправлюсь восвояси, а Данил так и останется в руках Козина, – мстительно подумала девушка, деловито зашагав по выбранной аллее городского сквера.

Нет, это, конечно, только пустая бравада. Рита не смогла бы поступить, таким образом, зная, что с ее отъездом мальчишка обречен. Она может, в конце концов, стукнуть кулаком по столу и до конца отстаивать свою позицию, но только не тогда, когда на карте человеческая жизнь. С этой мыслью она проследовала к скамье, расположенной в непосредственной близости от входа в сквер, и расположилась там, постаравшись принять непринужденную позу.

Иван пришел вовремя, своим появлением сразу прогнав все опасения. Корнеева, до последнего опасавшаяся подвоха, почти возликовала, когда разглядела среди прохожих его широкоплечую фигуру. Тот, в свою очередь, заметив ее, скупой улыбнулся в суровой «мужской» манере и направился прямо к скамье.

– Привет, – поздоровался Усов, присаживаясь рядом, – Давно ждешь?

– Нет, – повернулась к нему Рита, – Только подошла. Что принес?

– Здесь все, – коротко пояснил Иван, передавая ей снятую с собственного плеча спортивную сумку, – Все, что просила.

– Посмотрим, – деловито изрекла девушка, расстегивая «молнию» и заглядывая вовнутрь, – Надеюсь, что вещи там действительно соответствуют тому списку, который я приложила.

– Кажется да, – пожал плечами Усов, – Перво-наперво, конечно, аппарат связи. Мобильник с хорошей батареей и с изрядной суммой на балансе. Достаточной, чтобы не заглядывать и не интересоваться, сколько осталось. Важное качество в нашем с тобой положении. Можешь свободно говорить в здешнем регионе. В памяти телефона забит номер «самого»...

– Мне это и нужно, – кивнула Корнеева.

– Маловато, – поморщился Ваня, – А если, не приведи господь, что с ним или его аппаратом? А ситуация будет требовать срочной корректировки? Что будешь делать?

– Что-нибудь придумаю.

– Вот именно «что-нибудь» и «придумаю», – скептически заметил Усов, – А этого может оказаться маловато. Короче. Я тут сам подумал и забил в память номер прямого куратора нашей группы. Надеюсь, Савчика ты не забыла за всей этой кутерьмой? Номер очень простой и запоминается на счет «раз». Это тебе так, на всякий случай.

– Ладно, – проворчала девушка, высвечивая на табло телефонную книжку «мобильного», – Пусть будет, раз уж забил.

Комбинация цифр, показавшаяся на электронной панели, действительно запоминалась настолько легко, что сразу отпечаталась в мозговых извилинах.

– Дальше, – произнес Ваня, запустив пятерню в лежащую у Риты на коленях сумку, – Подборка запрошенной для тебя информации и оговоренная сумма наличности на текущие расходы.

Он протянул ей увесистый пакет в плотном картонном конверте.

– Посмотрю потом, – словно мимоходом обронила Корнеева и отправила пакет следом за телефонными аппаратами в нутро своей сумки, – Это надо анализировать не спеша.

– Ну-ну, – неопределенно хмыкнул собеседник, блеснув в ее сторону внимательным взором, однако более на эту тему ничего не сказал.

Вопрос доверия больше не поднимался.

– Что еще? – снова обернулась Рита к Усову, – Я заказывала еще несколько...

– Если ты о «прослушках», то они вот здесь, – Иван выудил и подал девушке маленькую черную сумку, выполненную из кожи, – Здесь клипса для бесконтактного прослушивания телефонов городской сети, а также комплект из трех «жучков». По твоей просьбе элементы питания на «Жучки» выбраны из числа самых мощных. Получилось слегка громоздко.

– Насколько громоздко?

– Самый большой из них занимает сигаретную пачку.

– Сойдет. И все? – Корнеева мельком заглянула в сумочку и затем, отправив ее по назначению, скосила глаза на товарища.

– Конечно, нет, – Иван аккуратно извлек еще один сверток, на сей раз, сделанный из газетной бумаги, – Как ты и заказывала. «Берегта». Десять патронов в обойме. Рукоять из пластика. Как раз по руке будет. С ним три запасных магазина и три десятка патронов россыпью. Вполне подходящий боезапас, хотя, на мой взгляд, парабеллумовский патрон не очень ходовая в этих местах модель. Больше подошла бы пушка на патронах ТТ. Легко достать, если возникнет в том необходимость. Но, решать тебе.

– Решать мне, – согласилась Корнеева, принимая оружие, – Думаю, что мне этого хватит. Не войну же я тут, в самом деле, затевать собираюсь.

– Кто знает, – туманно обронил Усов, возвращая на плечо опустевшую сумку.

– Не гунди. Лучше расскажи, как там продвигается у вашей группы. Есть какой-нибудь след?

– Пока нормально. Куча косвенной информации, которую не сумели засекретить местные. Думаю, что таким макаром мы найдем сына босса в ближайшие два дня.

– Почему такая уверенность? Козин не олух, чтобы оставлять мальчика на виду.

– Просто есть кое-что конкретное, во что трудно не... – Иван замаялся, словно подбирая слова, а затем блеснул в ее сторону быстрым прострелом глаз и умолк.

Понятно! Оказывается, Усова тоже грели мечты о карьере и деньгах. Если группа найдет Данила первой, то, естественно, может рассчитывать на заслуженные лавры.

– Не бойся, Ванька, – понимающе улыбнулась Рита, – Даже если информация будет стоящей, то я ею не воспользуюсь для того, чтобы перейти вам дорогу. Зарабатывайте бонусы сами.

– Ну...как бы...

– Не дури. В этом деле награды для меня не важны. Гораздо важнее жизнь мальчишки. Он для меня почти родной. Поэтому, кто его выручит из беды, для меня совсем не важно. Так скажешь?

– Не могу, – увел в сторону глаза Усов, – Слово дал не разглашать. Никому.

– А откуда сведения? Хоть не в газетах вычитали?

– Не в газетах. Местный мент, которого подрядили работать с нами, шепнул. Так, мол, и так, видели люди, что в одном местечке вдруг появился никому не известный малец. Информация еще не проверена, так, что следом это...

– Понятно, – произнесла Корнеева, сделав в уме кое-какие выводы, – Работайте. Мешать не стану. Если все у вас получится – поставишься. Идет?

– Идет, – широко улыбнулся Иван, – Поляна за мной. Только не знаю, ласковая ли ты, когда пьяная?

Широкое лицо товарища посетила чисто мужская улыбочка.

– А ты пока не вникай, – осадил его Рита в том же тоне, – Лучше, валяй, работай.

Усов поднялся со скамьи и, засунув руку в карман, достал ключи от автомобиля. Из другого вынул корочку водительских прав и техпаспорт.

– Держи, – протянул он их девушке, – Достал для тебя транспорт, который ты просила. Не ахти какой, но по этим дорогам еще ходит. «Нива». Наполовину ржавая, но двигатель – зверь. Права справили честь по чести. От настоящих не отличишь. Все-таки великая вещь – нужные связи, подкрепленные достаточной суммой «зеленых». А у хозяина и того, и другого...

– Спасибо, – поблагодарила Рита, принимая и то и другое, – То, что мне сейчас нужно.

– Ну, я пойду? Тебе больше ничего не нужно? – напоследок поинтересовался Усов, потирая большие ладони.

– Нет, ничего, – поспешила успокоить товарища девушка, – Иди.

Она посмотрела вслед удалявшемуся Ваньке и ощутила смутное тревожное чувство. Рита не поняла, что это было точно. То ли предчувствие, то ли простая тревога.

– Итак, – пробормотала она себе под нос, все еще ведя взглядом фигуру Усова, – Ситуация пока не ясна, а вопросов все больше. Что же делать?

Решение, как и алгоритм дальнейших действий, пришло в ее голову уже через минуту, заставив в спешке покинуть уютную скамью. Быстрым шагом Рита проследовала за недавним собеседником к выходу из сквера и, держась на расстоянии, «повела» по улице. Затем, заметив, что Иван ловит такси, сама подняла руку для аналогичного же «голосования».

– Вах, дэвушка! Вам куда проехать? – синий кургузый «жигуленок» первой модели оставившись рядом с ней так резко, что Корнеева едва пересилила возникшее желание отпрыгнуть от края проезжей части.

– Свободен? – заглянула она через полуопущенное боковое стекло с неуклюже наклеенной тонировочной пленкой, кое-где поцарапанной и топорщащейся мелкими лохмотьями.

– Канэшна, – радостно осклабился в ее сторону дородный низенький кавказец с двухдневной щетиной на щекастом лице и сдвинутой набекрень кепкой типа «аэродром», – Садысь, прокачу!

Рита юркнула в приоткрывшуюся переднюю боковую дверцу и уселась на неудобное сиденье, накрытое каким-то мохнатым чехлом.

– Куда едем? – деловито поинтересовался толстячок, положив пухлую волосатую руку на рычаг переключения передач.

– Видишь того мужика? – Корнеева ткнула указательным пальцем в лобовое стекло, – Это мой муж, скотина такая. К бабе какой-то собрался. Понимаешь меня?

В это самое время «голосующий» Усов, наконец, привлек внимание «девятки» красного цвета и, склонившись к боковому окну подъехавшей машины, вступил в переговоры с водителем.

– Ай, канэшна понимаю! – растянул толстые губы в улыбке таксист, – Хочешь узнать, к какой сукой можно изменять такой красивой жене?

– Точно, – состроив злобную гримасу, подтвердила девушка, – Поедем за ним. Только осторожно. Чтобы он ничего не заподозрил.

– Сделаем, – кавказец дождался, пока красная «девятка» направится по новому маршруту и неторопливо вывел свой автомобиль следом.

«Так-так, – Рита машинально зафиксировалась на силуэте преследуемой машины взглядом, однако в большей мере предалась напряженным размышлениям, чем процессу слежения.

В свете последних, хоть и отрывочных данных, поступивших в результате состоявшегося разговора, пища для них имелась. Даже с некоторым избытком. Бельский группу послал не наобум. Обеспечил местным контактом, на первый взгляд сулившим определенные преимущества. Интересно, кем был тот человек, который «подогнал» товарищам Усова этого пресловутого «мента». Предназначение таких людей состоит в общей координации действий группы на чужой местности и проведение совместной розыскной деятельности на основе общедоступных первичных данных. А вот внезапное поступление информации по делу на второй день после прибытия, навеивает сомнения. Более того, этот факт весьма подозрителен. Ту же Риту он наверняка подвиг бы на то, чтобы тщательнейшим образом проверить того, кто эту информацию принес. Совсем не исключено, что это проделки все того же вездесущего Козина.

«А может ты, и преувеличиваешь, мать, – укорила сама себя девушка, – Мало ли какие подарки делает судьба.

Ладно, береженого бог бережет. Подозрения отметать нельзя. В противном случае можно попасть как кур в ошип. А раз так, то и действия свои она выстроит таким образом, чтобы лишний раз не попасть в поле зрения тех, с кем связываться не стоило.

– Сматры-ка, – вывел ее из состояния задумчивости голос водителя-кавказца, – Он уже приехал. Совсем рядом себе матрешку нашел. Видишь?

– Вижу, – спокойно изрекла Корнеева, проследив за маневром преследуемого автомобиля, вырвавшегося к уличному тротуару, – Не торопись. Высадишь меня так, чтобы муженек на меня внимания не обратил. Хорошо?

– Ай, милая, как скажешь! – провозгласил таксист и свернул в ближайшую подворотню.

Рита, не торгуясь, расплатилась за проезд, заставив кавказца заурчать от удовольствия от полученного барыша, дождалась, пока показавшаяся из красной «девятки» широкая фигура Усова не двинется вдоль по улице, после чего выбралась сама. Она не стала уподобляться героям плохих детективов и красться у Ивана за спиной. Самый эффективный метод быть обнаруженной через пять минут. Вместо этого она пересекла улицу и по противоположной стороне быстрым шагом, словно торопящийся по делам прохожий, обогнала объект преследования. Теперь тот виднелся как на ладони.

«Кажется, место дислокации группы определено этим районом, – подумала девушка, приостановившись на тротуаре и сделав вид, что что-то разыскивает в сумке.

Цепкие глаза Риты в это самое время исподлобья озирали окрестности, оценивая выгоды возможного местоположения места обитания ее товарищей – конкурентов. На первый взгляд ничего особенного. Скученный массив старых пятиэтажек, возможно, хрущевских времен. Серые бетонные коробки без намека на архитектуру. Для временного пребывания сойдет. Главное, чтобы из такого жилища хорошо просматривались подходящие пути, и существовал вариант запасного выхода. Желательно, на другую улицу или переулок. И то и другое, могло присутствовать в ближайшем дворе, куда с улицы, где сейчас располагалась Корнеева, вел пешеходный вход, проделанный в высоком металлическом заборе, своими прутьями перекрывавшем пролет между двумя соседними зданиями. Словно подтверждая ее соображения, Ванька Усов свернул именно туда.

«Там, – уверилась в своих предположениях Рита и, непринужденно закинув сумку обратно на плечо, широким шагом пересекла улицу.

Через пять минут она уже входила в ту самую арочку, где канула фигура объекта слежения. Глаза, в поле зрения которых оказался миниатюрный дворик, метнулись по сторонам, выискивая Усова. Того нигде не было видно. Значит, как подсказывала логика, вошел в подъезд где-то неподалеку. Остановившись на мгновение, Корнеева бегло осмотрела окна близлежащих зданий. Ее привлекла пятиэтажка, стоявшая в глубине двора и смотревшая прямо на тот самый проход, через который она только что вошла сюда. Вот здесь! То, что надо!

Она вышла из двора тем же путем, которым сюда пришла. Однако покидать это место уже не собиралась. Оказавшись на улице, Рита прошла чуть дальше и, свернув в следующую подворотню по ходу движения, вернулась в искомый дворик окружной дорожкой. Там она прямо проследовала к заинтересовавшему ее дому, нацелившись в центральный подъезд.

«Самое оно! – с удовлетворением оценила девушка поле обзора, мельком выглянув на улицу через маленькое подъездное окошко между лестничными пролетами, – Сектор обзора идеальный. Осталось попытать удачу на нужном этаже. Если свезет, то я буду видеть и слышать все, что происходит во дворе.

Она поднялась на четвертый этаж и, прикинув в уме типовое расположение квартир, решительно нажала на кнопку электрического звонка в первой квартире по ходу нумерации. Тишина. Корнеева выждала паузу и нажала снова. Потом опять напрягла слух. Кажется, в этот раз небезрезультатно. Где-то внутри помещения за дверью, послышались шаркающие медлительные шаги. Снова пауза. Очевидно, что кто-то в это самое время рассматривал девушку в дверной глазок.

Рита не торопилась. В конце концов, это она была сейчас заинтересована в том, чтобы затея удалась. А для этого, если потребуется, она и ползку спляшет на лестничной площадке. Только попроси. Умилившись при этой мысли, Корнеева «состряпала» самое милое выражение лица,

на которое была способна и приготовилась к «задушевной» беседе. Сейчас ей требовалось произвести наилучшее впечатление.

Кажется, что-то получалось. В квартире родился звук какой-то тихой возни, по окончании которой замок в двери металлически щелкнул, и она приоткрылась на длину дверной цепочки, сотворив узенькую щелочку проема.

– Вы к кому? – проскрипел старческий усталый голос, принадлежавший совершенно седой дородной женщине с обвислым лицом и грустными глазами.

Произнеся вопрос, она приблизилась к щели и внимательно взглянула на незнакомку, отчего в поле обозрения оказался ее массивный нос с внушительной коричневой бородавкой на переносице.

– Здравствуйте, – приветливо улыбнулась Рита, – Извините меня, пожалуйста, за беспокойство. Я просто хотела поинтересоваться, не сдаст ли кто-нибудь в этом доме мне комнату на несколько дней?

– А ты кто такая будешь? – задала ей вопрос женщина, смерив взглядом с ног и до головы, – Нездешняя?

– Да, – подтвердила Корнеева, попутно выживая из памяти подходящие географические данные, – Из Ново-Называевки я родом. Приехала сюда к знакомым по делу, а их не застала. Соседи сказали, что уехали они на недельку в Тобольск. Возвращаться мне не с руки, так что подумала я, что можно здесь где-нибудь переждать. Вот и хочу съемную комнатку найти.

– Так, в гостиницу бы и шла, – резонно заметила хозяйка.

– Да пошла бы, кабы паспорт с собой захватила, – вполне натурально засмушалась Рита, сотворив вполне провинциальное выражение лица, – Да, и дорого там, наверное.

Ожидая ответной реплики женщины, девушка быстро проанализировала ту информацию, которую выдала в виде легенды. Кажется, все должно сойтись. Название поселения почерпнуто из географической карты местности, что находилась у нее в сумке, одежда не выглядела вычурной и вполне могла сойти за ту, что носят по всей России девушки основной массы населения. Паспорт на чужое имя ввиду факта официальной кончины Маргариты тоже присутствовал, однако «светить» его раньше чем того потребуют обстоятельства, не хотелось. В конце концов, какое кому дело до того, кто она и зачем здесь? Расспросы ради простого любопытства. Чтобы затем товаркам во дворе растрезвонить.

– Ну, дорогая моя, – высказалась тетка, «переварив» то, что сообщила ей Корнеева, – Тут тоже задаром ничего не сдадут. Пусть и не задорого, но все-таки...

– Нет, – притворно спохватилась вжившаяся в роль Рита и вынула из кармашка сумки несколько крупных денежных купюр, – Деньги-то у меня на первое время есть. Так что я не нахлебницей прошусь.

Эффект от вида так невинно показанных денег не заставил себя ждать. Расчет был прост и основывался на вполне предсказуемом меркантильном интересе. Согласно статистике, уровень доходов в основной массе городов России оставался крайне низким. Так что, исходя из этого соображения, следовало напрямую рассчитывать на то, что возможность быстрого заработка сыграет здесь свою роль безотказно.

Так и случилось. Зацепившись глазами за свеженькие банкноты, женщина едва не потеряла нить разговора и ту степенную роль, которую в нем принимала.

– Ну... что ж, – пожевала она тонкими губами, явно сопровождая этим мимическим движением напряженную работу собственных мыслей, – Раз такое дело... надо подумать. Проходи.

Цепочка, как по мановению волшебной палочки, исчезла из виду, а сама дверь гостеприимно распахнулась, пропуская гостью в квартиру. Рита не заставила себя ждать, пройдя в прихожую, пахнувшую ей в нос густым застоявшимся запахом старости.

– Как звать тебя, девушка? – коротко спросила не сводившая с нее глаз хозяйка.

– Вера я, – поспешила ответить ей Корнеева, – Вера Устюгова. Может, бывали когда в Ново-Называевке? Должны были слышать. Фамилия известная. Устюговых там много.

– Нет, не слыхала, – отрицательно мотнула головой женщина, – Никогда не забредала в те края...

«Ну и, слава богу! – с облегчением подумала про себя Рита, – Больше будет веры.

– Так, – задумчиво возвела очи к потолку хозяйка, – Кто у нас тут сдает... В соседнем подъезде на первом этаже Фрося вроде как... потом в доме напротив Надежда... ах, нет она на днях постояльца пустила.

«Цену набивает, – поняла девушка.

– Ах! – воскликнула она, – Мне бы только на недельку. А там уж я...

– Ну, ... тогда, – наконец, приняла решение женщина, – Оставайся у меня. Живем мы вдвоем с сыном, так что вполне уместимся на это время.

Хозяйку квартиры звали Риммой Федосеевной. Это Рита узнала из душевной беседы, последовавшей за комичным для нее вселением в маленькую комнатенку с окнами, выходящими в нужную ей сторону. Никуда не деться, пришлось за чашкой чая выслушать басни соскучившейся по общению пенсионерки, по случаю болезни уж как неделю не выбиравшейся во двор. Скрепя сердце, девушка выслушала все рассказы о прошлом чужого ей человека. Посочувствовала нелегкой судьбе провинциальной учительницы, всю жизнь учившей физике местную детвору и за тем занятием упустившей собственного сына, выросшего тюфяком и лоботрясом. Выслушивая тирады, отпускаемые Риммой Федосеевной, Корнеева с ярко выраженным внешним интересом участвовала в общении, однако с томлением выискивала повод для того, чтобы, наконец, уединиться в новом жилище.

Такой повод она нашла только через два часа и, сердечно попрощавшись с хозяйкой, удалилась в комнату.

«Приятный сюрприз, – заметила, обнаружив на старой массивной двери, покрытой толстым слоем желтовато белой масляной краской засов, позволявший запирается изнутри, – Можно не опасаться внезапного вторжения радушной хозяйки.

Закрыв за собой дверь, девушка осмотрелась, затем подошла к окну и задернула старинные шторы. Теперь, когда она осталась одна, появлялась возможность уделить достаточно времени для того, чтобы проанализировать имевшуюся информацию и сообразно обстановке выстроить цепь своих дальнейших действий.

«Интересно, – подумалось невпопад – Где же все-таки располагается квартира, отведенная группе «Кондора» под место временного обитания? Наверняка, для них это устроил кто-то из местных. Может, снял, а может и вовсе устроил для временного пользования пустующее жилье, что было бы даже удобнее. Всяко может статься. По крайней мере, придется подежурить у окошка, чтобы, в конце концов, вычислить искомое помещение и, к нему, сопутствующий антураж внешне тихого двора. Мало ли, какие черти могут водиться тут под сенью старых раскидистых деревьев.

Впрочем, это представлялось делом не настолько ближайшего будущего. Сейчас у нее есть то, что требует первоочередного изучения. Вспомнив об этом, Рита подхватила со стула свою спортивную сумку и с нею перешла на старомодную металлическую кровать с панцирной сеткой, застеленную по старинке основательно, но с характерной неопрятностью и кое-где даже небрежностью. Это, как уже успела усвоить Корнеева, являлось ярко выраженной чертой ее новой хозяйки, умудрившейся оставить буквально на всем интерьере квартиры толстый налет закоренелого мещанства. Пусть её. Отставив в сторону успевшее сложиться гаденькое впечатление об убогости убранства нового места обитания, девушка раскрыла сумку и принялась тщательно изучать ее содержимое.

«Вполне работоспособное оборудование, – сделала она вывод через пять минут, закончив изучение того, что содержалось в кожаной «таре» для набора подслушивающих устройств, –

Не ахти какое навороченное, но поработает на приемлемом уровне. Главное, чтобы хватило запаса прочности.

Посудив так, она отложила набор в сторонку, а затем, в свою очередь, извлекла тот самый увесистый сверток, который заметно утяжелил ее походный багаж. Развернув его, Корнеева разложила перед собой на покрывале хищно блеснувший воронением пистолет с запасными обоймами. Рядом насыпала горку патронов, после чего принялась изучать дорогую игрушку. Да, такую «цацку» не так-то просто встретить даже в нынешние беспокойные времена! И, тем паче, не в сибирской «глубинке». Настоящая «Беретта» от начала и до конца. И, кажется, в полном боевом порядке. Рита взвесила пистолет в руке, вспоминая ощущение пальца на спусковом крючке. Потом привычно произвела разборку, тщательно осмотрела детали и канал ствола. Затем, удостоверившись в первозданной целостности оружия, тщательно почистила его, заново при этом заглянув в каждый паз. В очень близком будущем ей придется полагаться на этот пистолет целиком и полностью, так что следовало сделать все возможное для того, чтобы он работал так, словно это не стрелковое устройство, а дорогие и хорошо отлаженные швейцарские часы.

Покончив с чисткой, девушка неспешно собрала механизм «Беретты», для очистки совести снова проверила функциональность устройства, после чего сильным выверенным движением вставила обойму в положенное место. Тихий металлический щелчок поставил ее в известность о том, что пистолет заряжен. Корнеева передернула раму затвора и дослала патрон в патронник. Что ж, кажется с этим все. Она сложила запасные обоймы и россыпь патронов в боковой карман сумки, чтобы те всегда оставались под рукой. Само оружие оставила лежать рядом. Ей требовалось свыкнуться с ним. На психологическом уровне.

«Со второстепенными делами закончила, – с этой мыслью Рита снова заглянула в свой нехитрый багаж, – Теперь к главному.

Она вынула пакет с бумагами, переданными Усовым для изучения и торопливо, словно не хватало времени, вскрыла его. А потом, с головой ушла в скрупулезное изучение попавших в руки данных.

Вечер понемногу стал набирать силу и теснить августовский день, когда девушка снова оживилась, по десятому разу просматривая набор данных.

– Очень интересно, – тихо пробормотала она, – Или я совсем дура или...

Что последует после «или», тишина в комнате так и не узнала. Совершенно забыв о спонтанном выбросе слов, Рита снова вернулась к тоненькой стопке ксерокопированных листов, перетянутой цветной резинкой, которой обычно стягивают денежные пачки. Стопка содержала в себе запрошенную ею подборку сведений о подозрительных пассажирах, перевозивших детей на том самом авиарейсе, на котором, согласно косвенных, но вполне достоверных данных, неизвестный пособник Козина переправил в Омск Данила.

«Формы паспортного стола, – с неудовольствием отметила про себя девушка еще в самом начале процесса анализа, – Так называемые «формы за номером один». Скучный минимум установочной информации плюс фото с известной степенью размытости. Негусто.

Их было всего пять. Она просматривала формы раз за разом, однако пока не нашла ни единой зацепки. Ни имена, ни фамилии, ни данные о прописке ей совершенно ничего не сообщали. Безликие граждане великой запущенной страны. Тогда, убедившись в тщетности получения необходимой версии с наскока, Корнеева заставила себя успокоиться, умерить темп скачущих мыслей и догадок, и затем принялась тщательно рассматривать имевшиеся в распоряжении фотографии.

«Двое мужчин и три женщины сопровождали детей в том рейсе, – подумала Рита, изучая на фото черты лиц незнакомых ей людей, – Никого из них сбрасывать со счетов нельзя. Даже, несмотря на слова Фомина о том, что Козин доверил сопровождение именно женщине. Это могла быть неточность, либо умышленное запутывание следа. Другое дело, что таким сопро-

вождающим (или сопровождающей) должен стать очень доверенный Козину человек. А раз так, то можно предположить и то, что этот человек мог мелькать и в моем поле зрения.

Как она ни переворачивала свой пытливый ум, путь раздумий неизбежно выводил на ту самую женщину, что едва не спровадила ее на тот свет отравленным дротиком. Загвоздка заключалась в том, что девушка совершенно не запомнила ни одной запоминающейся черты в облике загримированной подручной пресловутого Витольда. Только характерный прищур тонко подведенных зеленых глаз. Этот прищур в последние дни не давал ей покоя, частенько являясь в мыслях и, возможно, даже во снах.

«Если же судить хотя бы о приблизительном возможном сходстве загадочной «псевдуборщицы» с кем либо из тех лиц, что обозначены на этих листах, – с напряжением размышляла Корнеева, – То здесь просматривается слишком мало черт, способных провести, хоть какую-то параллель. Всех этих людей за день-другой проверить просто нереально при той нехватке времени, отпущенного Бельскому похитителями. Остается действовать методом исключения и вычленять из этого списка ту особу, которая более всего может подходить к ситуации.

Поколебавшись, она решительно исключила из стопки лиц мужского пола. Не настолько важно было скрыть факт переправки мальчика, чтобы сопровождающей его женщине загримироваться под мужчину. Тем более что, скорее всего, никто из похитителей не додумался до того, чтобы использовать фиктивные документы, удостоверяющие личность. Слишком мал промежуток времени, а, следовательно, и вероятность для проработки операции похищения до таких мелочей. И это только один из факторов, которые могли сыграть свою роль в развитии ситуации. Тут и спонтанность решений, и импровизация. К тому же, насколько свидетельствовали данные о возрасте фигурантов мужского пола, мало кто в здравом уме доверил бы им столь ответственную операцию. Так что, с долей уверенности, выражавшейся в мыслях девушки шестидесяти процентной степенью вероятности, сопровождала Данила именно женщина. Женщина в расцвете физической формы и, возможно, имеющая навыки применения психотропных средств для подавления воли мальчика. Этот логичный довод также склонял Корнееву к выводу, что переправкой вполне могла заниматься именно та самая метательница ручных стрелок, с которой судьба столкнула ее в школе.

– Уже лучше, – ободрила себя Рита, – Три не пять. Разберемся и докопаемся до истины.

Дальше пошло труднее, однако, не без успеха. Изучив все три «формы», она забраковала еще одну кандидатуру по той же возрастной причине. Оставались еще две и тут уже один дедуктивный метод не вытягивал. Требовалось что-то весомое, дабы остановить на ком-то одном свой окончательный выбор.

– Кто же из вас? – вполголоса произнесла девушка, держа перед собой две фотографии, – Блондинка или брюнетка?

Фотоснимки, сделанные для паспорта, как правило, отличаются своей невыразительностью и такой неконкретностью образа, что зачастую почти непригодны для детального конструктивного изучения. Так ей говорил один знакомый, подвизавшийся на нивах криминалистики. Корнеева не знала, прав он, или нет, но, разглядывая с разных ракурсов серые прямоугольнички копированных фото, в которые выглядывали лица незнакомых женщин, все равно никак не могла решить в чью-то пользу.

– Ну, хорошо, – сдалась она, не определившись в своих «симпатиях», и приблизила к себе изображение той, что держала в правой руке, – Так... Так... Антонина Петровна Клычкова, 1953 года рождения... Что сказать? Не старая еще... Угу-м... Прописана... Деревня Тюкалинка... Занятное название... Замужем... Трое детей...

Рита взглянула внимательнее на фотографию, на которой была запечатлена скуластая бабушка явно пролетарского происхождения с копной плохо убранных темных волос. Как-

то не особенно она походила на ту подвижную особу, которая умело «укусила» ее в плечо ядовитым метательным снарядом. Наверное, не она, хотя...

Девушка еще раз всмотрелась в изображение и, словно пытаясь прогнать неопределенность, энергично тряхнула головой. Затем приблизила другую карточку и принялась вчитываться в данные. Блондинка с несколько вытянутым строгим лицом и широко раскрытыми, словно в удивлении, глазами смотрела на нее с бумажного листа. Ничего такого, что навеяло бы Рите хоть какие-то ассоциации. Может быть из-за того, что все те, кто хоть раз фотографировался на паспорт, стремясь к документальности образа, изображали себя неестественным образом. Искаженные строгими гримасами лица мало похожи на личность в действительности. Другое дело, что блондинка, судя по году рождения, была еще молода и, согласно данным с формы, детей не имела. Некая Ангелина Демидовна Барцева двадцати семи лет от роду, уроженка Омска. Не замужем. Значит, свободна в передвижениях и поступках. Из близких родственников в наличии мать, Валентина Ивановна, и родная сестра Нелли... Что? Нелли имеет ту же самую дату рождения? Близняшки? Очень интересно!

Она точно не знала, какое соображение заставило ее окончательно остановиться на Ангелине Барцевой. То ли это было наитие, то ли простое мановение судьбы, заставившей сделать выбор в пользу блондинки. По крайней мере, с той же решительностью, что и до сих пор, Рита отложила в сторону карточку с данными скуластой крестьянки из деревни Тюкалинки и осталась один на один с размытой фотографией удивленно глядящей блондинки. Решено! Может она допустит этим фатальную ошибку и упустит драгоценное время, однако именно Барцеву возьмет в немедленную разработку.

Приняв решение, Корнеева вскочила со своего импровизированного места для аналитических выкладок и подошла к окну. Затем выглянула из-за задернутой шторы и бегло осмотрела сумеречное пространство тихого двора. Пока ничего. Тишь и гладь. Впрочем, это пока для нее роли не играло. Наверное, из-за того, что в голове начал складываться план действий на самое ближайшее будущее.

Значит, близнецы... Она завтра же раздобудет на них более подробную информацию и начнет оперативную разработку по всем правилам. Медлить нельзя, потому что уже послезавтра истекает первая неделя отпущенного похитителями срока. Если дело сдвинется с мертвой точки и наметится прогресс, можно будет уделить внимание ребятам из группы. Складывалось нестойкое впечатление, подходящее больше на фантазию, чем на реальное соображение, однако оно нашептывало о том, что группа недалеко от того, чтобы влипнуть в историю. Хоть и конкуренты, но все-таки свои парни. Поглядим. Завтра действовать она начнет с раннего утра. Нужно по возможности экономить время. Однако автомобиль, доставленный ей Усовым, Рита трогать, пока не станет. Не станет до тех самых пор, пока в нем не наступит настоящая необходимость.

Решив таким образом, Корнеева почувствовала некоторое облегчение. А вместе с ним и ноющую усталость в теле. Захотелось лечь и уснуть. Поддавшись этому спонтанному желанию, она вернулась к кровати и бросилась в нерасправленную постель, поленившись раздеться, но, не поленившись упрятать под подушку заряженный пистолет. Спать! Все мысли, и детальная разработка планов останутся назавтра...

Глава 11.

Где-то в районе Уральского хребта. Михаил Багин. Раннее утро 5 августа 1996 года.

По обеим сторонам ровного накатанного шоссе со спринтерской быстротой мелькали колки деревьев и кустарника, временами, в соответствии со скоростью, убыстряя бег и сливаясь в почти сплошь зеленую пелену, наблюдаемую в боковые стекла автомобиля. Ощущение полета. То самое долгожданное ощущение, которое он в последнее время так жаждал испытать воочию. К которому так долго шел. Конец неудачливым стылым временам? Все минуло и осталось в прошлом? Этот вопрос он все еще продолжал задавать сам себе, опасаясь поспешить с ответом. Не взглянуть бы.

Нет, иллюзий он давно уже не испытывал. Знал не понаслышке, что такое жизнь. Не добрая и не злая, скорее равнодушная к каждой из миллиардов человеческих душ. Холодная, как гильотина, которая обезглавит любого неудачника, не вовремя сунувшего под нее голову. Он, один из многоликих миллиардов, теперь вполне понимал беспринципность и неотвратимость этого процесса, но продолжал втайне надеяться, ожидать, когда улыбнется счастье. Именно счастье. По дурацки. Просто так. Это было такой же нелепостью, как вера в реальность сказок, но...

Укрепить такими рассуждениями силу пошатнувшегося духа Михаил не мог, но, к собственному удивлению, немного успокоился и вновь всецело углубился в стелющуюся перед ним серую бесконечную ленту дороги. Думы о прошлом не отпускали. В прочем, они и не отпускают, если есть что вспомнить, обернувшись через плечо на прожитое.

Себе врать не стоило. Да, он был уже далеко не тот Михаил Багин, когда-то ставший почти легендой и кумиром маленького уютного городка, затерявшегося на окраине Южного Урала. Давно уже исчез в прошлом тот подвижный и жилистый мальчишка-огонь, способный биться на ринге по двенадцать часов подряд и наголову побеждать ряды противников, зачастую более внушительных и мускулистых, нежели он сам. Побеждать не столько неисчерпаемой выносливостью, сколько необычайно сильным «пушечным» ударом кулака, неизменно повергавшим соперника наземь.

Давненько же это было! Неординарные качества, заложенные где-то в глубине его генов, и вывели подающего надежды мальчишку сначала из школьного кружка в спортивную школу, а затем и в институт физической культуры, находившийся в областном центре. Почти героем уезжал из городка паренек Миша, героем и живой легендой, примером для остальной молодежи.

Примером учить в эпоху застоя умели! Герои труда, герои доблести, герои спорта, наконец. Существовала целая стратегия политического строя, направленная на то, чтобы население страны, не прекращая, испытывало патриотический оргазм. В общем-то, правильная стратегия, сейчас он понимал ее действенность и безотказность. Он принимал ее за чистую монету даже тогда, когда уже служил кадровым офицером регулярных войск. Но потом... На деле это оказалось только лицевой стороной ярко начищенной медали. Далеко не все «герои» и «примеры» выдержали проверку славой, смогли вынести тяжесть почета и привилегий. Многие с хрустом сломались и превратились в обыкновенную, пошлую и кичащуюся своим прошлым мразь. В таком качестве выгодно было жить в то двусмысленное время вырождения государства по названию «СССР».

«Мразь... Какое емкое выражение...

Теперь Михаил, рассуждая трезво и здраво, в полной мере мог отнести это определение и к своей персоне. Слава богу, бог не лишил его способности относиться к самому себе с

изрядной долей самокритики. Выражаясь образно, некогда известный боксер Багин, spolна отмеченные регалиями и привилегиями, не выдержал боя со звездной болезнью и отправился в полный нокаут. Почему? Ответа он не знал до сих пор. Да и кого теперь винить, на кого вешать всех собак? За прошлое он уже заплатил, правда, до сих пор не знал, spolна ли...

Большой город-муравейник, каким показался после глухой провинции Михаилу индустриально развитый Челябинск, оглушил тогда юношу своей суетой. А затем постепенно и проглотил, похоронил в себе без остатка, медленно переваривая и вытягивая жизненные соки. И не особенно важно было то, что жил он в этом городе больше наездами, в перерывах между соревнованиями, службой в родной пехотной дивизии и поездками за рубеж. Багин этого сперва даже не заметил. Он также служил, активно занимался спортом, где все так же превалировал бокс, проводил на ринге почти все свое личное время. Собственно говоря, его жизнь тогда, в прямом смысле слова, проходила на этом пяточке, ограниченном канатами.

Само собой, это принесло ожидаемые плоды. Несмотря на то, что Багин тогда был уже мастером спорта по пулевой стрельбе, неплохим спринтером и пловцом, именно бокс сумел быстро вознести его рейтинг в спортивной среде почти до самых небес. Так, что однажды утром, возвратившись из очередной международной поездки, он понял, что попал в ранг знаменитостей. Неожиданно, возникнув, словно по мановению волшебной палочки, в поле зрения новоиспеченного кумира появились орды диких поклонников, визжащих полоумных фанаток и тому прочих представителей современного идолопоклонничества, чуть не теряющих голову от счастья предоставленной возможности находиться рядом. Михаила стали приглашать на телевидение и радио, сделали постоянным участником всевозможных презентаций и встреч. Имя его в то время прямо-таки обреталось на устах толпы. Улыбки, автографы, речи, тосты – вся эта волна грязной пены поглотила с головой, затянув, словно тряпина.

«Именно тогда мне стоило остановиться и оглянуться вокруг, – с привкусом былой горечи подумал он, отстранено созерцая мелькающий мимо встречный автотранспорт, – Боже, почему нельзя все вернуть назад?»

Нельзя. Прошлое уже свершилось и его не вернешь. В той памятной, почти всегда праздничной суете, молодой боксер почти и не заметил, как женился. Окружающие считали этот скорый брак перспективным и долговечным, однако ошиблись, впрочем, как и он сам. Его избранница была смазливой представительницей наскоро народившейся орды отпрысков начальственной олигархии времен советского декаданса на самом его излете, достойной преемницей своего циничного папаша, добившегося хорошего поста в партийном аппарате, и вполне способной с трезвым расчетом спланировать свою благополучную дальнейшую жизнь без особых хлопот. В общем, будущего от этих отношений ждать не стоило.

«Словно сто лет прошло с этих пор. Даже не помню точно, что случилось после этого «брака-однодневки».

Нет, Михаил немного кривил душой. Помнил. Даже в деталях. А случилось, в конце концов, то, что уже предопределила судьба. Спустя некоторое, очень непродолжительное время, молодожены скоростно расстались. Расстались так же скоропалительно, но все равно его холеная молодая жена успела обобрать его, тогда далеко не бедного, и укатила за рубеж, чтобы прожигать свои дни в компании какого-то более удачливого в жизни самца.

«С этого ли началось мое падение? Или, может быть, раньше? – эти вопросы Михаил часто задавал сам себе с тех самых пор, однако достойного ответа так и не нашел.

Да, впрочем, какая разница. Главное, что ход событий оказался вполне предопределен. И ныне казалось совсем несущественным то, что тогда можно было все предугадать. Слава Багина находилась еще в разгаре, однако уже тогда он подсознательно постигал, что пик пройден и начался неизбежный спуск, с каждым шагом все более крутой. Он мог, если бы захотел, приложить силы и превратить этот откос в какой-нибудь пологий спуск, весьма достойный бывшему герою спорта. Но, не захотел. В его голове, как некогда бывало у ухарей-самоубийц, с

азартом играющих в «русскую рулетку», с треском лопнула какая-то сдерживающая пружина. И пошло-поехало. Как-то само собой вышло, что Михаил стал своим человеком во всевозможных ресторанах, активным участником любых торжеств, где спиртное лилось рекой, а пьяные женщины развратно липли к нему в темных углах, хрипло дыша в ухо устойчивым перегаром.

Скоро Багин научился похмеляться по утрам, гадливо отправляя в свое саднящее нутро стопку водки и одновременно в недоумении косясь на новую, совершенно незнакомую бабенку, пьяно храпевшую на скомканной постели. Впрочем, даже такие женщины скоро перестали появляться в его запущенном холостяцком жилище, отдавая предпочтение более удачливым мужчинам. Зато остался алкоголь.

А уже после этого, когда Рубикон оказался, пройден, поначалу не очень заметный его одурманенному алкоголем взгляду откос и вовсе превратился в пропасть. Как-то так получилось, что спорт, а затем и все остальное, резко и бесповоротно ушли из жизни Михаила, оставив его один на один с собственной душевной пустотой, щедро приправленной свалившимся на голову безденежьем и безысходностью. И дело состояло даже не в том, что его несостоявшийся тесть приложил все силы к тому, чтобы перекрыть кислород и вышвырнуть отовсюду. Багин не винил его, ибо сам не раз, в пьяном кураже, старался сотворить тому на позор какую-либо гадость. Дело состояло в ином. Он это осознавал в той мере, чтобы, по плохому примеру многих опустившихся людей, не винить никого постороннего. Спасовав перед бременем славы и известности, бывший спортсмен разом, буквально за шаг, преодолел расстояние, отделяющее его от той мерзости, которую так презирал, и дал одолеть себя одному из исконных пороков. Михаил не успел заметить, как превратился в алкоголика, а это значило, что рано или поздно жизнь бросит его на дно, в самую гущу нечистот.

В конце концов, так и вышло. Звезда героя спорта скоростижно закатилась и оставила того на произвол судьбы, безжалостной и беспощадной. Он более не был тем стройным и подвижным пареньком с железным здоровьем. Как-то незаметно фигура оплыла и приобрела некую округлую полноту, так не похожую на него прежнего. Здоровье, основательно подточенное разгульной жизнью, вскоре дало понять, что о былой резвости и быстроте придется забыть и постараться научиться вести себя более степенно. Багин внезапно встал перед реальностью, поведавшей о том, что, перешагнув тридцатилетний рубеж, он стал другим, мало похожим на себя прежнего. Эта реальность отобрала у него практически все те качества, которыми так гордился Михаил и которыми так неосмотрительно разбрасывался в прежние времена.

Но, кое-что все-таки осталось. Осталось то врожденное, что было не под силу отнять никаким болезням и невзгодам. Реакция настоящего спортсмена и коронный «пушечный» удар. Отработанный до автоматизма и доведенный до совершенства. Этот бесценный дар судьба оставила без изменений, что, скорее всего, спасло его от фатального финала, спасло и вытащило из пучины наверх, к свету божьему. Впрочем, религиозным Багин себя не считал и к моменту спасения своей души относил случай, оказавший неоценимую помощь в осознании всей меры и глубины собственного падения.

История произошла порядка полутора лет назад, однако помнилась отчетливо, словно произошла накануне. В ту пору Михаил представлял собой яркий образчик жертвы необузданного алкоголизма. Средств на жизнь просто не осталось, ибо все ценности, включая золотые медали, оказались пропиты, а для того, чтобы выжить и получить порцию самой дешевой водки, пришлось выйти на ближайший рынок и подрабатывать грузчиком. Багин уже почти обосновался в этой среде и не чурался всякого рода бичей и бомжей, каждое утро сползающих к торговым рядам в надежде перехватить грошик за случайно подвернувшуюся работу.

Конечно же, гонор, свойственный бывшему герою спорта, еще присутствовал в полной мере, вкуче с остатками физической мощи, не окончательно изжитой из тела обильными дозами спиртного. Из-за этого ему чаще, чем другим, улыбалась удача, позволяя возвращаться в запущенную донельзя квартиру навеселе и даже с мелочью в кармане. Считаться с другими,

а тем более делиться с кем-то, Михаил нужным не считал, чем, вполне естественно, и возбудил недовольство у прочей пропитой полукриминальной шпаны, кормившейся у рынка. Результатом стала та памятная стычка, едва не стоившая ему жизни.

В тот осенний день он неплохо «подкалымил» и к вечеру возвращался домой, с удовольствием прислушиваясь к бряцанию полных бутылок в своей матерчатой затасканной сумке. Настроение било через край, а сладостное предвкушение алкогольной «расслабухи» окрасило мир в радостные цвета. Легкой развязанной походкой «морячок» Багин продефилировал под хмурыми очами соседских старушек, что расселись чинным рядком на скамейках, расположенных по обе стороны у входа в подъезд, и даже улыбнулся им во время приветствия. Бабушки, поджав губы, надменно закивали в ответ.

– Вот кому жить легко, – произнесла одна из бабуль вполголоса, повернувшись к товарке, – Понавел домой целую кодлу, а сам за водкой. Сейчас шары зальют, и до утра галдеть будут, покою не дадут...

Объект сего обсуждения закрывал в это время подъездную дверь, и комментарий пенсионерки услышал лишь краем уха. Услышал и тут же забыл. А зря. Едва взбежав на третий этаж и направившись к двери собственной квартиры, Михаил заметил, как, откачнувшись от стены, навстречу ему двинулось несколько темных фигур. Их он насчитал пять. Ожидавшие, с привычностью волчьей стаи перерезали путь в спасительное нутро жилья, а еще несколько силуэтов перекрыли дорогу к лестнице, вынырнув сзади из сумрака верхнего и нижнего пролетов. Слишком похоже на западню. У Багина, молча наблюдавшего за опасными маневрами, внутри разом похолодело.

Эйфория удачного дня испарилась легким дымком, оставив напряженными узлы нервных сплетений. Осталось осознание того, что эти люди ожидают именно его персону. Хорошего здесь ждать не приходилось. Оставаясь внешне все таким же беззаботным, внутренне он весь подобрался и осмотрелся вокруг, стараясь, чтобы это выглядело по-идиотски.

– Ба! Вязель в гости пожаловал! – воскликнул Багин, узнав приближающегося к нему человека и, выдерживая интуитивно выбранную роль, тупо хихикнул.

Откровенно сказать, натуральных позывов к смеху даже не возникло. Михаил слишком хорошо знал репутацию прохиндея, которого лицезрел перед собой. Вязель, как любят выражаться в среде «шпаны», слыл «беспредельщиком». Заурядный мелкий вор по натуре, тот ко всему прочему имел буйный характер и довольно часто влезал в какие-либо криминальные разборки, не боясь пролить, кому бы то ни было, кровушку, причем нередко зазря. Тем самым среди уголовной братии быстро заработал неплохой авторитет, коим с успехом воспользовался, прибрав, как бригадир местной блатной группировки, под присмотр местного рынка. Не просто, ох не просто так привел с собой ораву мордovorотов этот наглый урка!

– Ну, здравствуй, Пузырек, – разомкнув тонкие губы, процедил Вязель.

Он намеренно назвал Михаила унизительной кличкой, которую поспешили прилепить к нему обитатели рынка, стараясь поставить его в ряд местных забулдыг.

– Ты не удивлен, что я решил навестить тебя? – продолжил он с показной важностью, демонстрируя пародию на босяцкий апломб.

– Да нет. Как раз ждал к столу. – Багин выразительно потрянул бренчащей сумкой, – Проходи и будь гостем, раз пришел, но друзей своих гони в шею, а то у меня водки не хватит.

Урка, не уловивший издевательского подтекста, с тем же видом принял подобающую статусу позу.

– Э, так не пойдет, Пузырь. Мы к тебе вместе пришли, так всех и надо бы пригласить. Нехорошо.

– Ну, раз нехорошо, значит, говори, зачем пришел, а потом все вместе и уходите. – Михаил безмятежно улыбался.

Улыбаться становилось все тяжелее, отчего он стал опасаться, что со стороны его гримаса скоро станет напоминать оскал.

– Ты, родной, мне не дерзи, – ощерился Вязель, будто бы подавая пример, как надо показывать зубы, – А, за то, что устанавливаешь на моей территории свои порядки, придется ответить.

– Это, какие такие порядки, – почти искренне изумился Багин и старательно округлил глаза.

– Такие, малый, что все, кто имеет с рынка заработок, отчисляют проценты на общак. Ты нарушил правило и придется тебя наказать.

Вот она, причина! Как говорится в народе, «если захотеть, можно прикопаться и к столбу». Желание у Вязеля имелось налицо. И плевать на то, что он, Михаил, к гопоте, обитавшей на рынке отношения не имел!

– Это как, наказать? Убьете? –

Урка, явно чувствуя себя на высоте, по-хозяйски ухмыльнулся.

– Ну что ты. Мы пока добрые. Для первого раза ограничимся малым. Например, тем, что ты квартиру свою на меня перепишешь.

Вот оно что! Совсем уже тебя, Михаил Юрьевич за забуддыгу стали считать! Обида хлестнула больно, понемногу заставляя вскипать кровь.

– А жить-то мне где? – спросил Михаил, прибавив в голос слезу.

– Ну, какой-нибудь сарай я тебе устрою. Тебе ведь все равно хоромы не нужны. Была бы водка и жратва. Зато жив останешься. – Вязель холодно блеснул взглядом за спину собеседнику, и тот почувствовал у правого бока приставленное тонкое стальное лезвие ножа, – По рукам?

– По рукам, – покорно согласился Багин, – Сейчас, только сумку поставлю, – он вялым движением отправил свою ношу на пол, после чего потянул руку для рукопожатия, которое, впрочем, так и не состоялось.

Неуловимо для Вязеля конечность ускорила движение, и мгновение спустя от души угостила его персону «качественным» ударом в челюсть. Остекленев взглядом, урка ушел из поля зрения, распластавшись на полу. Однако Михаил о нем уже не думал. Внезапностью он выиграл несколько секунд и теперь старался опередить противника, стоящего сзади. Не успел! Бок больно резануло металлическое жало. Бывшему боксеру не хватило подвижности полностью уйти от удара, однако он все же успел сделать его скользящим. Взревев, он со звериной яростью развернулся и одним «пушечным» ударом кулака отшвырнул подонка, словно мяч, к дальней стене, у которой тот и свалился, заливая одежду и пол хлещущей из носа кровью.

– Кто следующий? – страшный рык словно подстегнул остальных, и они стаей кинулись в его сторону, на ходу вынимая припрятанные «финки» и «пики».

Произошедшее потом помнилось довольно расплывчато. Кровавая пелена застлала глаза, отчего приходилось прищуриваться, выискивая сквозь нее своих врагов. Тело и руки, введенные праведной злостью в некую, забытую за время спортивного бездействия, нирвану бесчувственного и беспощадного механизма, крушили противника методично и неумолимо. Михаил сумел выбрать момент и проскочить меж нападавшими к лестнице, однако не бросился бежать, а напротив, обратил озверевший лик к недругам и с новой силой продолжил битву, готовый скорее умереть, чем отпустить восвояси хоть одну падаль.

Никто не ушел. Последнего отморозка Багин загнал в самый угол и могучим ударом выкрошил ему челюсть. Лишь после этого позволил себе остановиться и осмотреться, одновременно прислушиваясь к установившейся тишине.

Впрочем, тишина являлась неполной, нарушаемой чьим-то болезненным скулением.

– Вязель очнулся, – страшно улыбнулся победитель и подступил к лежащему урке, осторожно перешагивая через валяющиеся тела.

Напружинившись, словно хищный зверь, Михаил присел рядом с Вязелем на корточки и повторил улыбку, вызвав у того приступ колотящей дрожи.

– Ты хотел моей крови? – ласково спросил он его, – Вот она, – проведя ладонью по боку, собрал пригоршню кровавой жижи, обильно сочащейся из множественных порезов и ран, а затем с силой растер ее по физиономии урки, – Ты хотел моей смерти? Не дождешься!

– Я... я... – Вязель что-то хотел ответить, но из сведенного судорогой горла послышалось лишь невнятное бульканье.

– Боишься? – с той же улыбкой василиска продолжил Багин, – Правильно. Бойся меня. Нет, я не сделаю с тобой того, что ты хотел сделать со мной. Но, теперь и отныне, всегда, с этого момента, как только я тебя увижу, где бы, то, ни было, буду поступать вот так, – с этими словами он молниеносно размахнулся и провел сильный удар, с хрустом раздробивший нос Вязеля.

От удара урка дернулся, а затем обмяк, разбросав в стороны руки. Словно тряпичный Петрушка.

Только после этого Михаил почувствовал, сколько сил отдал на этом побоище. Слабость и жар от полученных ран распространялись в нем с ураганной скоростью, лишая тело возможности передвигаться с прежней быстротой и координацией. Понимая, что вот-вот и сам потеряет сознание, Багин поднялся на ноги и, судорожно цепляясь за перила, стал осторожно спускаться вниз. Стараясь не упасть, таки сумел добраться до подъездной двери и, толкнув ее немеющим телом, вывалиться наружу, беспомощный и окровавленный как зарезанное порося. Пытаясь поймать угасающим взглядом, перепуганные лица бабулек, сумел напоследок прошептать, – Вызовите милицию. Меня хотели убить...

К чести пожилых матрон, никто из них не дрогнул и не сбежал домой. Следуя просьбе Багина, они добросовестно вызвали наряд милиции и даже дали исчерпывающие свидетельские показания о произошедшем, чем сразу расставили необходимые точки в разбирательстве этой кровавой истории. Во всяком случае, когда, после приведения в чувство, он, лежа на койке, тупо глазел на белые стены больничных покоев, следователь, посетивший его и допросивший по факту разборки, не задал вопросов о том, кто спровоцировал инцидент, ибо уже удовлетворился предварительным опросом на месте происшествия. Михаил же остался, благодарен ему за то, что визит получился коротким и не затянутым. Как-то пришлось по сердцу, что тот не пытался читать нравоучений и даже в чем-то оказался застенчив.

Другое впечатление произвел оперативник из районного отдела, появившийся почти сразу за следователем. Он оказался полноват и невысок ростом, чем-то, напоминая сказочного, но изрядно помятого жизнью, колобка. Сходство с этим персонажем из сказок усиливал коротенький пегий ежик, нелепо смотревшийся на крупной шарообразной голове. Особо не церемонясь, опер забросал потерпевшего кучей разнообразных вопросов о подробностях происшествия, перемежая их с пошловатыми анекдотами и прочими шуточками. Багин взял в толк, что этот неприятный человек не прочь залезть ему в душу, а посему отвечал коротко и односложно. Впрочем, явно привыкший к подобному отношению, тот выслушал ответы еле-еле ворочающего языком Михаила без тени раздражения и даже сделал вид, что ими удовлетворен. После этого, по всей вероятности входя в положение потерпевшего, оперативник быстро «закруглился» и стал вежливо откланиваться.

– А вы счастливчик, Михаил Юрьевич, – произнес он напоследок, вдруг остановившись перед дверью, – Врачи нашли у вас около дюжины ножевых порезов средней тяжести, не считая того, что можно принять как простые царапины. Некоторые из них прошли в очень опасной близости от жизненно важных органов.

Багин, было, открыл рот, чтобы выразить этому человеку благодарность за сочувствие, однако остановился, натолкнувшись на выразительно пренебрежительный взгляд, исходивший из глаз – щелочек «колобка».

– Хотя, по мне, – продолжил он, – Жаль, что вы еще коптите небо, позоря свое бывшее величие. Я еще помню, кем вы были, и вижу, кем стали.

– И кем же? – хрипло осведомился Михаил.

– Грязью, – сморщился тот, – От лица бывших болельщиков я теперь могу лишь высказать свое сожаление в том, что знаменитый боксер превратился в жалкого пропойцу.

– Не рано ли списываешь, начальник? – прищурился Багин, внезапно испытав жуткое желание нахамить.

– По моему, вовремя. Прощайте, – отрубил опер и, пригладив ежик короткой стрижки, скрылся из виду.

Тот разговор оставил неприятное впечатление не столько тем, что вышел резковатым и прямым, сколько тем, что в словах человека-колобка внезапно почувствовалась, хоть и частичная, субъективная, но правота. Слова так и застряли в памяти Михаила. Застряли и постепенно стали одной из тех сил, что развернули его лицом к самому себе, помогли сделать трезвую переоценку прошлой жизни, а вслед за этим подвинуть бывшего алкаша и грешника на коренные перемены в своей, и так уже ломаной судьбе.

«Но эта встреча не стала последней каплей.

Последней каплей в принятии такого решения, таки, послужила встреча, которой он никак не ожидал и, даже, не мог предположить, что она когда-либо произойдет.

По прошествии нескольких дней после разговора с представителями власти, когда Багин стал чувствовать себя лучше, его навестил человек с репутацией неоспоримого авторитета в той среде, которую принято называть криминальным миром. Он появился как бы невзначай и мимоходом, однако обставил свой визит так, чтобы исключить присутствие рядом чужих ушей.

«Прихоть того, кто имеет хотя бы некоторую власть над людьми.

Само собой выходило, что столь интригующее появление было запланировано заранее.

Палата, где находился выздоравливающий Михаил, обычно шумная и заполненная гомоном больных, вдруг оказалась пуста. Уже потом он вспомнил, что незадолго перед этим медсестра под разными предлогами отправила из нее всех пациентов, кроме него. Выходя следом за последним из них, она напоследок скользнула по Багину неожиданно заинтересованным взглядом, словно видела впервые. Тот, ничего не поняв, озадаченно посмотрел вслед.

В одиночестве он пробыл совсем недолго. Дверь тихо скрипнула и пропустила в помещение невысокого мужчину в строгом сером костюме явно дорогого кроя. Мужчина остановился у кровати Багина и продемонстрировал острый режущий взор тускло-стальных глаз, быстро обежавших пространство помещения. Только после этого публичного действия, показавшимся обязательным, присел на стоявший рядом стул.

– Ну, здравствуй, Боксер, – сказал он, посмотрев Михаилу в глаза.

– Здравствуй, – ответил Багин, выжидательно глядя в ответ, – За какой надобностью? И кто такой?

Против ожидания, его слова не вызвали недовольства, хотя, можно было поклясться, и радости не принесли.

– Не кипишись. – мужчина вдруг лучезарно улыбнулся, разом показав собеседнику два ряда золотых зубов, – От меня тебе зла ждать не нужно. По крайней мере, пока. Сечешь?

– Пока не очень, – честно признался Михаил, отчего золотозубая улыбка его посетителя стала еще шире.

Невольно стало казаться, что он рекламирует искусство своего стоматолога.

– Ладно, не мороси зря, – перестал щериться пришелец, – Зря вату катать не будем. Тем более что разговор у нас предстоит серьезный.

– Не будем катать, – согласился Багин, – Тем более что мы не знакомы.

– Вася, – протянул руку мужчина, – Погоняло Лихой.

– А я...

– Знаю, – не дал продолжить ему Лихой, – Кумиров знают все. Даже бывших. Рукопожатие вышло крепким до хруста в костяшках пальцев.

– Видишь ли, дружбан. – продолжил Вася, одновременно доставая из кармана зубочистку, – Я знаю о тебе практически все, что можно. И это не праздный интерес, потому что ситуация, случившаяся у тебя с Вязелем, требовала немедленного рассмотрения.

– Почему? – спросил Михаил, хотя уже заранее знал, что услышит в ответ.

За последние дни, от нечего делать, он многое почерпнул о жизни и порядках уголовного элемента из первых рук. Его соседом по палате оказался старый «арестант», большую часть своей жизни проведший на тюремных нарах.

– Не будь наивен, Боксер, – метнул в него цепкий взгляд Лихой, – Ты же не пацан и знаешь, что любой район города имеет свою контролирующую силу. Я не имею в виду государственные структуры.

Багин знал, поэтому не стал развивать тему.

– Местное самоуправление, – хмыкнул он.

– Почти так, – согласно кивнул Вася, – И, кстати, забот не меньше, чем у мэра. Но дело не в этом. Оно в том, что в своем районе я слежу за справедливостью и, поэтому, считаю своим долгом разбирать каждый инцидент, произошедший с моими людьми. Тем паче стараюсь, чтобы все было по закону.

– По Конституции, что ли? – подал ироничную реплику Михаил.

– Причем тут Конституция, – поморщился Лихой, демонстративно пропустив сарказм мимо ушей, – Закон у людей должен быть один. Божий закон.

Авторитет верил в то, о чем говорил. По крайней мере, в его словах Багин действительно слышал долю правоты. Почему-то это раздражало.

– Извини, не поверю, – высказался он, критически взглянув на собеседника, – Слова с делом расходятся. Нельзя говорить о боге, когда творишь беспредел. Так ведь называется то, что со мной пытались сотворить?

– Беспредел, по отношению к тебе произошел, Миша, не при моем участии, – ответил Вася, ковыряя зубочисткой в зубах, – Клянусь, я не знал об этом, иначе бы, не допустил.

– Почему? – не понял Багин.

Ответом ему стала прежняя улыбка, являвшаяся, по-видимому, визитной карточкой гостя. Тот не скупился в стараниях сделать ее как можно более дружелюбной.

– Да потому, что не надо мешать людей с грязью. Я имею навар только с традиционных источников. Само собой, традиционных для нас, – поправился он, снова улыбнувшись с прежней лучезарностью, – Пусть мы бандиты, в твоём понимании, но и у нас есть принципы. Пусть не совсем моральные. Мы идем на это, чтобы не стать скотами, ибо тогда нам не место среди людей.

– Понимаю. Но, какие же принципы были у Вязеля?

– В том то и дело, – сказал Лихой, – Вязель переступил через них ради собственной выгоды. Он только не учел, что будет иметь дело с таким как ты.

– Разве ты не будешь защищать позицию своего человека? – Михаил внимательно посмотрел в стальные глаза собеседника, однако замешательства в них не заметил.

Они были бесстрастны.

– Нет, – отрезал Вася, – С самого начала я просек суть истории, и поддержки Вязелю не дам.

– Почему ты тогда здесь?

– Не догадался? На тебя посмотреть, Боксер. Редкий ты человек. Вязель не допёр, кто ты есть на самом деле. Кличку тебе поспешил бросовую приклеить, – он покачал головой, – Не Пузырь ты и никогда таким не будешь. Ты боец. Боксер. Так и буду тебя звать.

– Зачем? – не понял Багин.

– В нашей среде судят о характере человека по кличке.

– А-а-а. – протянул Михаил, – Ну Боксер, так Боксер.

На самом деле, о чем он не хотел признаваться самому себе, слова этого постороннего человека оказались ему по душе.

– А еще пришел я к тебе извиниться за беспредел. Не тебе это надо. Ты себя мужиком показал. Это надо мне.

Багин промолчал.

– Ну, бывай, – вдруг заторопился Лихой, – Пора. Не стану я вмешиваться в твою жизнь, дружбан, хотя и не нравится мне, как ты ее хоронишь. Не буду. Однако скажу, что был бы рад, если ты одумаешься и захочешь вылезти из дерьма, в которое сам себя опустил. А там, если понадобится моя помощь, не откажу. Такого человека и при себе не грех держать...

– Спасибо, – с натужной безмятежностью отозвался Багин, – Но лучше уж я сам.

– Не неволю, – согласился Вася, – Но хочу, чтобы ты знал на будущее. Если какая-нибудь птица в задницу клюнет, обращайся.

– Договорились, – улыбнулся Михаил вслед и долго еще смотрел потом в закрытую дверь, словно ждал кого-то еще.

Так вот и появились в жизни Багина силы, заставившие его пойти на коренные перемены в своей судьбе. Без колебаний и сомнений, с мужеством истового спортсмена, он раз и навсегда убил в себе тягу к спиртному. Прекратил употреблять его в любом виде. Образовавшуюся брешь во времяпрепровождении заполнил литературой и физическими упражнениями. Прошло какое-то время, и Михаил неожиданно поймал себя на мысли, что начал меняться к лучшему. Заметно окреп, стал выносливее, в конце концов, повеселел. Это помогло почувствовать удовольствие в обыкновенном человеческом бытии.

«Все прекрасное так просто.

Теперь ему не составило особого труда заработать и скопить сумму денег, необходимую для оплаты обучения в автошколе, что он и сделал, получив через некоторое время водительские права и обретя серьезную и денежную работу водителя большегрузных автомобилей.

С тех самых пор и появилась в жизни Михаила Багина нескончаемая лента дальней дороги, летящая зелень всевозможной растительности по обеим сторонам шоссе, да ощущение полета от быстрой езды, доставляющее ему почти телесное удовольствие. Жизнь вновь расцвела и приобрела давно утерянную привлекательность, даря новые радужные надежды. Или это только казалось? Теперь он боялся рассуждать, по инерции продолжая ожидать какого-либо подвоха от судьбы.

Глава 12.

Омск. Маргарита Корнеева. Приблизительно 8:00 утра 5 августа 1996 года.

Судя по превосходному настроению и самочувствию, посетивших ее сразу по пробуждению, выпалась Рита по-настоящему. Да и проснулась самостоятельно, без помощи портативного будильника. Может поэтому, разглядев, что стрелки на циферблате наручных часов показывают без малого восемь утра, девушка прямо-таки подскочила с кровати, охваченная жаждой выплеснуть накопленную за ночь энергию.

В этом желании Корнеева себе не отказала, с ходу принявшись «разгонять» мышцы тела давно и надежно освоенным гимнастическим комплексом. Половицы старого пола тонко закрипели под ногами, однако, даже это надоедливое звуковое сопровождение не смогло вывести ее из радужного состояния. Она любила бодрость утра, когда в каждой жилке молодого тела ключом бьет энергия.

– Э-э-эх! – сделала Рита последний мах ногой и едва не задела оконные шторы, которые тщательно задернула с прошлого вечера.

Недостаток освещения ей не мешал несколько, однако, восстановив равномерность дыхания, она подошла к окну и развела шторы по сторонам, открывая пространство для солнечных лучей. Так лучше. Затем Корнеева выглянула через стекло в пустоту двора с целью изучить его особенности.

В общем, двор как двор. Без изысков. Ни тебе детской площадки, ни добротных скамеек для стариков, которых, наверняка, полно среди здешних обитателей. Вместо внутреннего интерьера, сопутствующего обычным местам подобного типа, слабое подобие детской песочницы, развалины детских же качелей, оборванных варварским образом, да импровизированные места для сидения в виде неровных стопок старого осыпающегося кирпича, накрытых кусками фанеры.

«Что ж, наверное, здесь так принято. Дети растут как сорная трава на пустыре, а взрослые... Взрослые, кажется, не просыхают с самого утра, – сделала первые выводы девушка, углядев в центре дворовой «композиции», густо заросшей неухоженной зеленью, пару субъектов, лениво потягивающих нечто алкогольное из ярких пластиковых бутылок, – Какие-нибудь местные «бухари»

Однако, присмотревшись внимательнее, Корнеева несколько изменила свое мнение. При дальнейшем рассмотрении субъекты ей пропойцами уже не показались. Это были крепкие парни такого спортивного телосложения, которое обычно природой не дается. Явно выходцы из какой-нибудь местной «качалки». Оба, словно под копирку, в похожих спортивных штанах широкого кроя и совершенно не сочетающихся с ними кожаных пиджаках, накинутах поверх футболок крикливых расцветок.

«Н-да, – крутанула головой девушка, – Просто паноптикум. В Москве такого уже не увидишь.

Впрочем, ребята, коли судить по их поведению и физиономиям, клоунами себя совсем не чувствовали. Возможно даже, что такой стиль одежды здесь был вполне допустим и нормален. По крайней мере, парни вели себя довольно развязано и уверенно. Настолько, что отшили местного пьянчужку, морщинистого мужичонку-оборвыща, робко попытавшегося, было, присоединиться к их компании.

– Странная парочка, – вырвалось у Риты, интуитивно почувствовавшей подвох, хотя и не совсем понявшей, где он конкретно заключен, – Интересно, по чью же душу?

Стараясь не упустить парочку из виду, она начала собираться. Намеченные ею вчера дела ждать не могли. Поэтому, не спуская глаз с панорамы окна, девушка быстро собралась, упаковала вещи в спортивную сумку, а затем привычным движением сунула «Беретту» за широкий кожаный пояс, надетый прямо под легкую куртку спортивного образца, достаточно объемную для того, чтобы скрыть под ней оружие.

«Может Козин оказался прозорливее нас всех и сумел выследить меня? – внезапно родилась в голове пугливая мысль, – Может, ребятки посланы по мою душу?»

Нет, это глупо. Глупо подозревать каждого встречного в пособничестве врагу. Хотя... парни явно чего-то или кого-то выжидают. Но, явно не ее. Их взгляды с показной ленцой еще ни разу не обратились в сторону ее окна. Зато, и это становилось очевиднее с каждой минутой, неподдельно интересовались соседней «пятиэтажкой», стоявшей чуть ближе к улице, чем дом, из которого сейчас глядела Корнеева и полностью попадавшей в их сектор обзора.

– Не иначе, нашу группу пасут, – со все возраставшей долей убеждения предположила Рита, – Что-то уж больно похоже. Удобная позиция для наружного наблюдения. Им видно все, что происходит во дворе, а их самих не очень-то, учитывая фактор естественной маскировки раскидистой растительностью. Вполне удобно, если учесть, что машину наблюдения здесь незаметно не пристроишь. Она, скорее всего, припаркована где-то на близлежащей улице.

Кажется, так и есть. Рита увидела, как встрепенулась парочка и, проследив за направлением их взоров, высмотрела высокую мужскую фигуру, показавшуюся из крайнего подъезда искомого дома. Человека она не узнала, несмотря на то, что рассмотреть его удалось в полной мере. Но, несмотря на это, осталась в полной уверенности, что мужчина тоже является одним из членов группы, присланной сюда «Кондором».

Ее уверенность усилилась и переросла в полную, когда следом за незнакомцем показался Иван Усов. Он шел вместе с каким-то человеком неприметной наружности, ранее также гарантированно не попадавшим в поле зрения девушки. Троица непринужденно продефилировала по двору и вскоре покинула его, выйдя на улицу.

– Ага! – вслух сделала очевидный вывод Корнеева, когда после этого дефиле заметила всплеск оживления у доселе картинно попивавших качков.

После того, как бойцы «Кондора» скрылись из виду, субъекты оставили в покое початые бутылки и также потянулись со двора на улицу. На выходе из него они слегка притормозили, изобразили дружеское прощание и разошлись в разные стороны. Теперь, несмотря на этот демонстративный маневр, рассчитанный на стороннего зрителя, Рита более не обманывалась в верности своих прежних выводов. То был вполне обычный прием «топтунов», позволявший, не вызывая подозрений, разойтись в стороны, а затем перестроиться для профессионального «ведения» объекта слежки.

– Мило, – произнесла девушка, проводив их глазами, – По идее, сейчас должна произойти смена состава тех, кто ведет наблюдение во дворе. Вот бы мне успеть проскочить мимо них во время этой пересменки.

Решив воспользоваться упомянутым моментом, она подхватила за ремень стоявшую рядом сумку, закинула ее на плечо и спешно покинула комнату. Еще три минуты спустя, попрощавшись с хозяйкой квартиры и пообещав той вернуться не позднее десяти вечера, Корнеева выскочила на лестничную площадку и сбежала по лестнице вниз, простучав по ступенькам новыми кроссовками.

Не успела! Это она поняла сразу, едва покинула подъезд, автоматически выхватив глазами в глубине двора двух новых соглядатаев. К счастью, те выбрали другое, более удаленное от ее местоположения место для наблюдения, так что появление Риты оказалось ими оставленным без внимания. Удачно! Воспользовавшись этим обстоятельством, она быстро прошла вдоль подъездов у стены здания и, свернув за ближайший угол, канула со двора. Перед тем, как окончательно удалиться, девушка еще раз покосилась на людей, ведущих негласное наблю-

дение. Надо предупредить Ваньку! Конечно, ребята могли вычислить слежку и сами, но все-таки, лишним не будет. Она сделает это обязательно. Сразу, как только немного разгребет свои неотложные дела на сегодня.

Село Кочубеевка. Данил Бельский. 5 августа 1996 года.

Сознание «плыло». Словно большая восковая свеча, растаявшая под лучами жаркого летнего солнца, разум Данила терял общность и целостность, расплываясь в неопределенное «нечто», пятная подсознательную его сторону отдельными фрагментами фактических событий и, наоборот, окрашивая налетом ирреальности все то, что происходило на самом деле. Та грань, что некогда позволяла разделить эти две стороны субъективного человеческого «я», начала теряться и пропадать.

«Папа, заведи меня отсюда!!! Пожалуйста!!! – взмолилась внутри него маленькая незрелая индивидуальность, в силу своего возраста не имеющая сил сопротивляться тому, что творила с ней чужая злая воля, – Заведи меня назад!!! Я больше не хочу здесь оставаться!!! Здесь нехорошо!!! Темно, больно, страшно!!!»

Возможно, что виной тому плачевному состоянию психики, в каком ныне находился сын олигарха Бельского, были те психотропные препараты, которыми его пичкали с самого момента похищения и до сих пор. Когда это началось? Давно ли? Ощущение времени отсутствовало. Оно давно стерлось, оставив лишь тягостное чувство изрядной давности. Может, именно благодаря воздействию этой «химии», сознание веселого и подвижного юного создания, отличавшееся ранее устойчивостью и равновесием, превратилось в мозаичную мешанину отсветов и впечатлений? Может именно поэтому накопило столько боли?

Быть может. А может и нет. Аналогичным дестабилизирующим фактором могли стать издевательства, которым подвергали похитители свою десятилетнюю жертву. В воспоминаниях осталась череда вспышек-эпизодов, в которых его, Данила, периодически избивали, особенно не стесняясь выбором мест приложения ударов, в которых его мучили разными, с каждым разом все более изощренными способами и методами. И, кажется, насиловали...

Детская память, слишком чувствительная и впечатлительная для подобной жестокости, оказалась не в состоянии это отразить. Она отказалась сделать это, предпочтя зыбкое небытие грязной реальности. Наверное, поэтому, Данил запомнил лишь россыпь отдельных зрительных картинок, да отзвуки той боли, что периодически терзала его изможденный организм.

«Спасите!!! Кто-нибудь!!! Заберите меня...!!!»

Скорее всего, все-таки разрушительную роль сыграли все упомянутые факторы. Это если посудить здраво. И до сих пор регулярно вкалываемые препараты, и унижение, щедро перемешанное с издевательствами на фоне безысходности. Все вместе, они сделали из здорового мальчика беззащитную и безвольную жертву, способную лишь лежать на отведенном ей месте и ожидать хоть какого-нибудь конца. Ожидать как избавления.

Ему, раздавленному морально и физически, оставалось только это. Данил не знал, не ведал, как долго. Достаточно для того, чтобы притупить все нормальные чувства и реакции организма. Еду давали как собаке, однако чувство голода так и не появилось. Наверное, из-за каких-нибудь поливитаминных добавок во вкалываемых препаратах. Куски черствого хлеба и прочая скудная еда, коей пытались с ним поделиться постоянно пьяные соглядатаи, валялись рядом, словно объедки рядом с собачьей конурой, нетронутые и подернутые свежим налетом плесени.

Впрочем, чем-то ему приходилось лучше, чем собаке. По крайней мере тем, что больше не связывали. Ни к чему. Под действием препаратов, тормозящих нормальные человеческие реакции, мальчик уже не был способен к побегу. Он либо пребывал в болезненном искусственном забытии, либо спонтанно созерцал разнузданные оргии совершенно спившихся охранников, давно потерявших остатки стыда и приличий. Данилу было все равно. Кто-то из истязателей, в период очередного провала сознания сорвал с него одежду, оставив совершенно обнаженным, однако это уже не трогало. Его поруганное тело уже нельзя было оскорбить силь-

нее. Душу тем более. Оставалось лишь бороться за ускользающие остатки сознания. Цепляясь за них, мальчик немо взирал на продолжающуюся вакханалию, проходящую под его взглядом, болезненно жмурился от периодических избиений и временами проваливался куда-то в темноту бессознательности, уплывая туда мрачными тоннелями. Бесы!!!

Не осталось ничего. Ни жажды, ни голода, ни радости, ни рассудка. Осталась боль и пустота.

Омск. Маргарита Корнеева. Полдень 5 августа 1996 года.

Общественный транспорт ходил с перебоями. Но все же ходил, так что Рита добралась до пригородного поселка Александровка приблизительно через час после того, как в телефонном разговоре с Бельским получила необходимые инструкции. Именно здесь, по имеющейся на нынешний момент информации, проживала заинтересовавшая Корнееву Нелл Барцева.

– Корыто, а не автобус, – презрительно буркнула она в адрес проржавленного транспортного средства грязно оранжевого цвета, что доставило ее на нужную остановку, – И как только люди на таком свиновозе ездят?

Добираясь сюда, она уже раз десять укоряла себя за то, что не воспользовалась автомашиной. Уже могла бы, минимум, с полчаса, как быть на месте и осматривать территорию. А так, пешеходом, попробуй провернуть задуманное со всей необходимой тщательностью.

«Ладно, – сама себя урезонила девушка, усилием воли подавляя раздражение, – Хватит плакаться. Нужно делом заниматься.

Адрес, по которому до сих пор значилась прописка Нелл Барцевой, был занесен на «форму номер один» паспортного стола давно. Лет так пять назад. И, по сути, не мог являться ее нынешним местом проживания. Хотя бы потому, что дом, к которому соотносились данные регистрации, принадлежал ее родителям и по какой-то причине властям неизвестной, уже пару лет как пустовал, постепенно превращаясь в развалины. Так что, когда Рита начала разработку заинтересовавшей ее персоны, пришлось напрячь воображение, с чего же начать.

«Одна из загадочных личностей славного города Омска, – машинально съязвила Корнеева, в очередной раз, прогоняя в уме череду разрозненных фактов о Барцевой, которые едва сумели накопать аналитики Всеволода Артемьевича, – Если таких личностей станет больше, то мне туго придется.

Кое-какие имевшиеся данные об Ангелине Барцевой наводили на размышления, имевшие двойственную природу. Согласно официальным данным, эта особа имела довольно яркое спортивное прошлое, благодаря которому вполне могла бы претендовать на титул звезды спорта конца восьмидесятых. Мастер спорта по спортивной стрельбе из лука и арбалета, призер многих международных соревнований. Это то, что можно было почерпнуть в официальной прессе. О том, что осталось за кулисами официального спорта, оставалось только гадать. Ангелина являлась гордостью большого города и большой страны ровно до тех пор, пока не получила травму, несовместимую с дальнейшим пребыванием в большом спорте. А потому и канула без следа в самом начале девяностых. В те времена, как известно, каждый боролся за себя. И никому не было дела до других. Так что, оставалось только предполагать, с чем пришлось столкнуться бывшей знаменитости стрелкового спорта, вернувшейся на родину и столкнувшейся с суровой действительностью.

«Неудивительно, что Ангелина исчезла для всего мира, обошедшегося с ней бездушно и не протянувшего руку помощи в трудную минуту – подумала Корнеева, – Сколько было тогда случаев суицида среди подобных отчаявшихся людей. Пресса упорно молчала об этом, однако все всё, как водится, знали.

Нет, Ангелина не исчезла совсем. Не наложила на себя руки и не сдалась. Она просто исчезла для тех, кто когда-то восхищался ею, и кто так быстро о ней забыл, как о сломанной игрушке. И теперь Рита догадывалась, куда именно.

«В самом деле, – девушка испытала некое подобие жалости, когда подумала об этом, – Куда было податься человеку, испытавшему унижение после славы и известности?

Кажется, до сих пор ее логика шла по правильному пути. Ангелина вполне могла стать сообщницей Козина. Мстя человечеству, она вполне могла применить свои спортивные навыки для его нужд. Так и появилась женщина с характерным прищуром, метаящая дротики с точностью снайпера.

Каких-либо характерных зацепок, которые позволили бы определить нынешнее местопребывание Барцевой, Рита так и не нашла. Никаких официальных следов в виде изменения места проживания, данных о работе и возможных судимостях. Ангелина будто испарилась на семь с лишним лет, не проявляясь нигде. Человек – невидимка со специфическими навыками. Лишь учтя это, можно не удивляться тому, что настоящее местопребывание такого человека остается тайной за семью печатями.

«Но, – добавила девушка про себя, – Ни одна из тайн не может оставаться тайной вечно. Должен иметься кончик ниточки, который приведет к искомому.

Такой кончик, верилось, она нашла. Нелли Барцева, сестра-близнец. Адрес ее нынешнего проживания оказался реально существующим. Оставалось только попробовать дернуть за эту ниточку.

«Интересно, – мелькнула в голове Корнеевой несколько отвлеченная мысль, – Насколько они похожи? Не только внешностью. Насколько схож их образ жизни?

Нелли Барцева, ныне носившая фамилию Ивашова, согласно имевшимся сведениям, проживала в пригородном поселке Омского конгломерата, работала учительницей русского языка и литературы в местной школе и воспитывала десятилетнюю дочь. Муж ее, по тем же данным, предоставленным источником информации Бельского, работал где-то на заводе простым рабочим. Простая семья, каких много в России. Рите осталось вторгнуться в этот устойчивый быт и взбаламутить его, словно омут, подняв на поверхность грязь семейных тайн, тщательно скрываемых ото всех посторонних.

«Хотя бы попробую это сделать, – немного урезонила она сама себя.

Выйдя на автобусной остановке, Корнеева огляделась. Затем попыталась разобраться в расположении улиц, что оказалось непростым делом. Лишь потратив на это около пятнадцати минут, она выяснила у прохожих направление, в котором следовало двигаться, после чего направилась на поиски дома по тому адресу, что имелся в наличии.

Вела себя Рита спокойно, без суеты, понимая, что внешностью и рядовым одеянием несколько не выделяется среди рядовых граждан. Размашистым деловым шагом она прошла по улицам селения полугородского типа, где этажность зданий варьировала от одного до пяти, минула несколько перекрестков, прежде чем оказалась в той части Александровки, которая была нужна.

«Кажется, я на месте, – сделала вывод девушка, после затянувшегося поиска разглядев на старом трехэтажном доме сталинских времен табличку с указанием улицы и порядкового номера, – Осталось найти квартиру и поболтать с хозяйкой.

Рассчитав приблизительное расположение квартир в здании, она вошла во второй подъезд и остановилась, прислушиваясь и присматриваясь. Торопиться не следовало.

«Вот она, эта квартира, – определила Корнеева по полустершемуся номеру, когда-то, может быть еще полвека назад начертанному на дверях масляной краской, – По самой двери можно определить, что хозяева живут просто.

Оглядевшись, девушка заметила узел телефонной разводки, вычленила из него взглядом тот провод, что шел в нужную ей квартиру, а затем аккуратно приладила к нему клипсу беспроводной «прослушки».

«Надо бы проверить работоспособность аппарата, – чертыхнулась она с неудовольствием, – Но делать это прямо здесь...слишком много шума на глазах у возможных свидетелей. Могу привлечь внимание. Лучше сделаю потом.

Рита подошла к квартирной двери и с усилием нажала на кнопку электрического звонка старинной конструкции. По виду, едва ли не начала двадцатого столетия.

Дверь распахнулась сразу, будто за ней Корнееву давно поджидали. Настолько быстро, что та невольно заподозрила открывшую ей женщину в том, что она все это время подглядывала в дверной глазок.

«Даже если так, – поспешила успокоить сама себя, – Она не смогла бы ничего толком заметить. А если бы заметила, то ничего бы не поняла. Успокойся!»

В принципе так оно и было. Опасаться нечего. Клипсу «прослушки» девушка поставила в нужное место со всей возможной точностью и быстротой. Одним движением. Словно смахнула паутинку с плохо выбеленной стены. И, хотя опаска все равно оставалась, Рита взглянула в глаза Нелли Барцевой с уверенностью человека, не сделавшего ничего незаконного и предосудительного.

– Кто вы и что вам нужно? – строгим голосом с повелительными нотками поинтересовалась женщина, рассматривая ее без особого дружелюбия.

«Повезло мне, – как бы мимоходом прикинула девушка, в свою очередь рассматривая собеседницу, – На ловца и зверь, как говорится... Не нужно будет ждать и тратить время.»

Внешность почти аналогичная той, которую она увидела на фотографии. Тот же овал лица, почти правильный, но все же чуть удлинённый. Те же очертания капризно припухлых губ. Только прическа светло-русых стриженных волос в пику фото строгая и почти монашеская. Следовало отметить, что Нелли могла выглядеть почти красивой, если бы не глубокая складка-морщинка прямо между ее бровей. Такая возникает в случае, если человек привык сдвигать брови во время мимических проявлений каких-либо собственных эмоций. Интересно, а точно ли это Нелли? От близняшек, частенько пользующихся своим сходством в глазах окружающих, можно ожидать всего на свете...

– Здравствуйте, – со всем дружелюбием, которое следовало проявить в данный момент без риска переиграть, улыбнулась Рита, – Вы Нелли Барцева будете?

– Именно, – подтвердила собеседница с краткостью, говорившей о том, что она не зря подвизалась на ниве русского языка и литературы, – А в чем, собственно, дело?

– Ой, – опять улыбнулась Корнеева, вполне натурально изобразив дружелюбие характера, – Дело-то, в общем и целом приятное. Видите ли, я являюсь штатным специалистом общественной ассоциации «Ветераны спорта Российской Федерации». Вот, кстати, мое удостоверение, – она энергично махнула перед носом женщины еще утром наспех сотворенной ею пластиковой карточкой, несшей на себе набор броских надписей с аббревиатурой «ВС РФ» и оттиск большой круглой печати, наискось пересекавший ее собственную фотографию, сделанную из рук вон плохо в местной фотостудии.

Если не приглядываться, то вполне сойдет.

– И чем я обязана...? – начала, было, Нелли все более недовольная вторжением посторонней в собственное жилище.

«Сошло! – подумала Рита, решив и дальше не давать собеседнице времени на излишние раздумья.»

– На самом деле все просто, – произнесла она с такой уверенностью делового человека, что заставила женщину замолчать и переключиться на восприятие, – Наша ассоциация проводит акцию гуманитарной помощи ветеранам спорта, к которым относится и Ангелина Барцева, ваша сестра. Фамилия Ангелины имеется в наших списках, поэтому мне поручили непременно ее разыскать. А учитывая тот факт, что ее нынешнее место проживания не соответствует указанному в адресном столе, то я решила навестить вас. Надеюсь...

– Интересно, где же вы все пропадали со своей гуманной миссией? – вдруг злобно прошипела ее собеседница, совершенно преобразившись в лице, – Где вы все были тогда, когда ей это было совершенно необходимо! Когда она погибала буквальным образом!

Стоп! Вот оно! В бешенстве сведенные лицевые мышцы и холодные глаза с характерным прищуром. На Корнееву, словно проходящую стадию дежавю, в упор взглянул призрак ее старой знакомой псевдо-уборщицы из школы, где похитили Данила. От этого взгляда возникло такое реалистичное ощущение непосредственной встречи, что Рите пришлось себя одернуть. Если бы то была сама Ангелина, ...наверное, они бы уже минут пять, как катались на полу прихожей, выламывая друг другу руки и выгрызая горло.

– Извините, – собеседница поняла ее оторопелый вид по-своему, – Я просто сорвалась. Наболело. Наше государство всегда запаздывает со своей помощью. Кстати, а в чем конкретно она заключается?

– Помощь-то? – спохватилась Корнеева, наконец, сглотнув комок в горле, – Да, это посылки с продуктами и предметами одежды от наших спонсоров...

– И только? – Нелли презрительно искривила губы, – Не густо.

– И еще почетные грамоты в память от благодарных почитателей...

Последняя фраза вызвала у Барцевой нервный хохоток.

– Еще хлеще! – иронично констатировала она, – Нет, уж, увольте нам от такой щедрости!

– Ну почему же вы так...?

– А как еще? – теперь уже Нелли не дала договорить своей непрошеной гостье, – Ангелина не для того корячилась, чтобы государство отдаривалось от нее безделушками. Прощайте!

Она вытеснила Риту за пределы прихожей, куда они незаметно забрались в пылу разговора, и попыталась закрыть перед ней входную дверь.

– Но, почему же? – «нарисовав» на собственном лице недоумение, не дала ей это сделать Корнеева, положив ладонь на ребро дверного полотна.

– Потому что моя сестра не нуждается в подачках! – с вызовом в голосе заявила Барцева и рывком скинула руку, удерживающую дверь в раскрытом положении, – Тем более, в таких мизерных!

– Давайте, я сама у нее спрошу? – выкрикнула Рита уже через дверь, – Подскажите, где она сейчас проживает и, уверена, мы с ней найдем общий язык.

– Вряд ли, – глухо донеслось из-за двери, – Не получится. Геля не станет вас слушать. К тому же, ее нынешнего адреса я просто не знаю. Видимся мы очень редко и целиком по ее инициативе. Так что, прощайте!

Корнеева осталась стоять перед закрытой дверью, изобразив на лице выражение глубочайшей растерянности. На случай, если недавняя собеседница еще разок захочет поглядеть в дверной глазок. На самом же деле, душа ликовала! Еще бы! Теперь она со стопроцентной уверенностью могла утверждать, что именно Ангелина Барцева являлась той самой женщиной, которая доставила в эти края Данила Бельского.

«А еще она меня чуть не убила, – подсказала мстительная память.

На самом деле, чуть не убила. И не завершила свой замысел только по стечению обстоятельств, сложившихся в пользу Риты. Эти же случайные обстоятельства опять сложились в определенную комбинацию, позволив ей настигнуть похитительницу сына олигарха. Почти настигнуть. Если ситуация и дальше позволит, она не только вернет отцу сына, но и сведет счеты. Определенно, в последнее время стало везти!

С этой мыслью Корнеева спустилась по лестнице и покинула подъезд, выйдя на улицу. Однако, далеко уходить не стала вспомнив, что радиус уверенного приема сигнала «прослушки» портативным приемником не превышает ста – ста пятидесяти метров. Учтя, сей факт, девушка удалилась от жилого строения лишь настолько, чтобы улучшить подходящий момент и нырнуть в густую чащу неухоженного кустарника, почти совершенно поглотившего в себе старый забор, когда-то ограничивавший дворовое пространство, а теперь покушавшийся уже на то, чтобы заполнить собой сам двор. Очевидных следов борьбы с этой напастью заметно не было. Лучше места для засады не придумаешь.

Оказавшись в чаще кустарника, Рита осмотрелась. Затем предусмотрительно отступила от не заросшего по каким-то причинам пятка земли, густо загаженного человеческими фекалиями и явно служившего для кого-то отхожим местом. В остальном, это место ее вполне устроило. Углядев среди ветвей старый пенек с проплешинами лишайника, Корнеева и вовсе обрадовалась. Вполне подходящее место для того, чтобы присесть и в относительном удобстве прослушать радиоэфир. Она так и сделала, опустившись задом на ветхую поверхность пня, водрузив на колени спортивную сумку и вынув из нее миниатюрный прибор, предназначенный для съема сигнала с устройства беспроводной клипсы.

– Ну-с, – ее спонтанное бормотание вплелось в шумы настраиваемой частоты сигнала приема, – Посмотрим, есть ли у сестер Барцевых вариант экстренной телефонной связи. Конечно, придется подождать, пока у них возникнет...

– ...Сколько я могу повторять тебе, Нелька, – вдруг огласил эфир уверенный женский голос знакомого Рите тембра, – Чтобы ты ни в коем случае не вела разговоры обо мне с посторонними лицами. Андрей предупредил меня через своего человека, что здесь уже рыскают ищейки наших врагов. Может, к тебе подослали агента-установщика...

«Опаньки! – Корнеева едва не заорала это вслух, – Кажется, мне сегодня определенно везет! Никак я не ожидала такой прыти от скромной учительницы русского языка и литературы. Значит, врала она мне со всей вдохновенностью филолога. А на самом деле...

– Да ладно тебе, Геля, – тоном старой брюзги отозвалась сестре Нелли Барцева, – Какой там агент! Помилуй боже! Так, девочка на побегушках из какого-то там общества ветеранов спорта. Ничего особенного. Пигалица недалекая. Уж я – то таких определяю с первого взгляда.

Выслушав этот «лестный» комментарий, Рита невольно улыбнулась. С изрядной долей самодовольства. Ничего не скажешь – разыграла «училку» как по нотам. С чувством и толком. Ни единого подозрения.

– Ты хоть документы у нее какие-нибудь видела? – не унимался в пустоте эфира голос Ангелины.

– Видела, – сердито огрызнулась Нелли, – Удостоверение. С фотографией и печатью.

– Это можно легко подделать. Такой дилетант, как ты, ничего и никогда не отличит.

«Стреляный воробей, – рассудила Корнеева, выслушивая эту перепалку, – На мякине не проведешь и пыль в глаза не пустишь. Любопытно было бы узнать, какие это университеты прошла бывшая звезда отечественного спорта, прежде чем научилась премудростям оперативной работы? Одной смекалки здесь явно маловато.

– Ну, не знаю, – Нелли явно надулась на сестренку, – Может она и шпион какой, только я ей о тебе ничего не сказала. А она, девка эта, спрашивала адрес, по которому тебя можно найти...

– Вот видишь!!!

– Да ничего я не вижу! – в тон взвизгнула Нелли, – Мало ли кому ты можешь понадобиться? А я не Цербер, чтобы на всех рычать! Надоели мне эти твои кошки-мышки, да шпионские истории. Ввязалась ты с этим Козиным...

– Молчи дура, – без выражения огрызнулась Ангелина, – Козин меня с колен поднял. И приласкал. Дело прошлое, но я до сих пор ему благодарна. Так, что, не тебе судить. К тому же вся эта история скоро кончится. Потерпи уж.

– Чего терпеть? У меня же семья! – «училка» явно привела последний довод, кажущийся ей весомым, – Зойка маленькая еще, в конце концов. А ну как твои шпионы придут нас убивать?

– Не каркай, – жестко отчеканила на это Ангелина, – Если бы, да кабы... Когда все закончится – я тебя не обижу. Андрей умеет вознаграждать за службу и верность. Это тебе не государство. Завтра-то будешь?

Корнеева наострила уши. Кажется, сейчас проскользнет какая-то конкретная информация.

– Да, буду, буду, раз уж пообещала. Только я не знаю точного твоего адреса. Кочубеевка большая. Пока найду, заблужаю.

– Поедешь на заимку Козина. Там спросишь Грача. Он тебе все подробно обскажет. Только давай, приезжай обязательно. А то мне отлучаться (Рита подскочила на своем месте) нельзя. Мне и обозначить себя для сельчан запрещено. Чтобы не привлекать внимания. Стоит себе дом на отшибе и стоит. Никто там не маячит и интереса, соответственно, нет.

– Вот и пусть тебе Козинские холопы еду с одеждой таскают.

– Тоже запрещено. Там у них нежелательные гости появились. Будут возить сами – привлекают к нам их внимание. А ты не привлечешь. И... привези мне еще моих пилюлек. Нужны они мне. Мой запас кончился еще три дня назад.

– Ох, бросила бы ты травить себя этой дрянью...

«Похоже, – сделала вывод Корнеева, – Геля плотно сидит на какой-то наркоте. Такие люди опасны своей неуравновешенностью и непредсказуемостью.

– Цыц! – властно осадил причитания сестры Ангелина, – Не учи меня жить. Сама-то, вон, то и дело стопочки замахиваешь. А это алкоголизм, сестренка. В общем, жду я тебя завтра к трем часам дня. Не опаздывай. Навестишь Грача, получишь инструкции и сразу ко мне. Поняла?

– Поняла.

– Тогда, до встречи.

Затихший радиоэфир уже с минуту продолжал тихо шипеть на волне приема, а Корнеева не спешила его выключать. Словно ждала еще чего-то. На самом же деле просто переваривала информацию. Надо же, так с ходу получит столько пищи для анализа!

– Значит, Кочубеевка, – задумчиво произнесла она вслух, – Дом на окраине. Любопытно.

Действительно любопытно. Если все пройдет гладко, то уже завтра, на исходе первой недели срока, отпущенного Бельскому похитителями, она уже точно определит местонахождение Данила. И, если повезет, в течение следующих суток освободит мальчишку из лап Козинской бой-бабы. Главное, не привлечь к себе внимания, не насторожить врага до времени.

Завтра! Все начнется завтра! С этой мыслью Рита поднялась с пенька и крадучись направилась вон из кустарника. Первоначальный успех достигнут. Осталось незаметно снять клипсу «прослушки» и поскорее убраться восвояси. Не нужно мозолить глаза местным обитателям и патологически подозрительной учительнице русского языка и литературы.

Глава 13.

Омск. Маргарита Корнеева.

Раннее утро 6 августа 1996 года.

Она беспокойно проспала эту ночь. Наверное, не имелось в ее натуре той легендарной непоколебимой выдержки, позволявшей всякого рода героям оставаться спокойными даже в час смертных испытаний. Не могла она, просто не могла безмятежно лежать и видеть сны накануне такого важного дня. Оттого и просыпалась через каждые пятнадцать минут, вздрагивала на любые посторонние шорохи и скрипы, ведущие вольготную и независимую жизнь в большом старом доме.

Впрочем, несмотря на это, раннее утро Корнеева встретила на ногах бодрой и морально готовой к любым испытаниям. Словно провела неделю на каком-нибудь курорте и теперь жаждала выплеснуть накопленную за время отдыха энергию.

«Адреналин, – лаконично оценила свое состояние девушка, мимоходом задумавшись, – Интересно только, надолго ли хватит его заряда?»

Эта мысль задержалась в ее голове ровно минуту, чтобы затем уступить место более важным темам. Или одной, но глобальной лично для нее теме, имевшей настолько много сторон и граней, что была сейчас способна заменить собой все то, что имело значение ранее.

Тема носила название «Освободить Данила». Как и все глобальные проблемы разных времен, она имела множество туманных неясностей, каких-то мелких сопутствующих обстоятельств и могла решаться разными путями. И, по сути, путь решения, который будет, в конце концов, избран, значения особого не имел. Значение имел только результат. Именно за него она билась все это время, именно на нем сконцентрировала все усилия. Именно за него, если понадобится, умрет. Она так решила.

Сборы многого времени не потребовали. Все подготовлено еще вчера. Нехитрый скарб собран, оружие проверено и почищено. Собраться, что подпоясаться. Другое дело, подготовить предстоящее мероприятие до деталей со всей возможной тщательностью и провести его, что называется, «от и до».

Из квартиры Рита вышла еще до семи часов утра, попрощавшись с хозяйкой квартиры так сердечно, словно та являлась для нее едва ли не родной матерью. Хозяйка ответила ей почти тем же. Такая благожелательность объяснялась просто – вчера девушка заплатила за недельный съем квартиры вперед и хрустевшие новенькие банкноты грели карман застиранного халата и добавляли пожилой женщине тонуса. Пусть. Никто не должен знать, что в эту квартиру она больше не вернется. Если кто-то потом, вычислив ее возможное местоположение, задумает устроить здесь засаду, то, безусловно, впустую потратит в ожидании какое-то время. Возможно даже, что эта пауза сможет дать ей и мальчику лишний шанс убраться из потенциально опасного района.

Подъездная дверь открылась почти без скрипа, повинувшись толчку руки. Интересно, люди, которые осуществляют слежку за группой «Кондора», ведут ее круглосуточно? Или, может, у них какой-то другой режим наблюдения? Ища ответ, ее взор метнулся по дворовому пространству и почти сразу уловил присутствие посторонних. Один из обычной пары соглядатаев, изображая пьяного, лежал на импровизированной скамье в глубине двора, а другой, как более трезвый, но все равно находившийся в невменяемом состоянии, бесцельно бродил по дворовым закоулкам.

«Неплохая игра для провинциалов, – критически оценила Корнеева, – Однако, на мой взгляд, несколько переиграно.

В свою очередь, решив сыграть роль обывательницы дома, Рита сотворила на лице вид не выспавшегося человека, вынужденного спешить на нелюбимую работу, и, бурча себе под нос что-то недовольным тоном, быстро вышла из подъезда на пешеходную тропинку, пересекавшую двор наискосок. Пара наблюдателей на нее особого внимания не обратила, вскользь задев равнодушными глазами. И в самом деле, зачем им распылять внимание на нее, если у них есть своя задача? Рассудив так, девушка подавила вздох облегчения и покинула двор.

Задерживаться на улице она также не стала. Можно, конечно, попытаться вычленив машину наблюдения, которая непременно должна была находиться неподалеку от домов, составлявших композицию покинутого ею двора, однако особого смысла в этом не имелось. Мало того, что окажется не в состоянии вычислить этот транспорт с особой достоверностью, так еще и попадет на глаза кому-то, кто может заинтересоваться ее персоной. Вместо этого, Корнеева удалилась на пару кварталов, после чего, зайдя в ближайшую подворотню, решительно достала аппарат мобильного телефона.

– Я слушаю, – голос Ивана откликнулся сразу, словно тот только и ждал ее звонка.

– Ваня, это я, – быстро произнесла в микрофон девушка, – Звоню тебе по делу, которое касается вашей группы. Если говорить вкратце, то все свидетельствует за то, что вы на крючке у местных.

– С чего ты взяла? – чуть дрогнул голос Усова, – И...ты за нами все это время следила? «Ох уж эти мужские амбиции!!!»

– Сильно сказано, следила. Скорее, не поленилась вычислить ваше место лежки. И нашла там ребят, ведущих за вами скрытое наблюдение...

– Не может быть, ...мы проверяли...

– Может, – уверенно сказала Рита, – Я тоже провела небольшое наблюдение. Эти люди ведут себя вполне профессионально. Думаю, что вам следует свернуть свою деятельность и, как минимум перегруппироваться. Еще лучше, если вы исчезнете из города.

– Не дожدهшься...

– Я так и думала, что ты это скажешь, – вздохнула в трубку Корнеева, – Вам все кажется, что вы самые умные, а все остальные завидуют и хотят вас обмануть. Настаивать не стану, а то ты и вовсе в этом уверишься. Делайте все, что считаете нужным. Я вмешиваться не буду. Однако прошу тебя предупредить своих ребят. Будьте осторожны. Если вас так хорошо пасут, как я видела, то кто-то из ваших контактов работает на Козина.

– Это нереально. Наши контакты стопроцентно проверены.

– Как знаешь. Я предупредила. Делать выводы – ваше дело.

Она отключила мобильный телефон и сунула его в сумку. Дело сделано, предупреждение отправлено по адресу. Остальное действительно не ее дело. Нянька группе профессиональных бойцов не нужна. Рассудив так, Корнеева села в автобус одного из городских маршрутов, следующий мимо того городского сквера, где пару дней назад она встречалась с Усовым. Пригнанная Ванькой и оставленная на стояночной площадке автомашина до сих пор должна была оставаться там и ожидать, когда она понадобится новой владелице.

Автобус тащился медленно, с надрывом завывая изношенным двигателем. Болтаясь в нем на неровностях дороги среди немногочисленных пассажиров, ухватившись за поручень, девушка смотрела за тем, как проплывают мимо улицы и проспекты. Большой город жил по своему распорядку. И будет жить. Несмотря ни на что и вопреки всему. Копашась в бесконечной суеде и толчее, он будет жить вопреки всем усилиям российских политиков, даже тогда, когда обитающий в нем народ напрочь лишат законных средств к существованию. Факт.

«Начинаешь философствовать?» – сама себе усмехнулась Рита, рассматривая стоявших рядом людей, – К чему бы? Рановато по возрасту.

Автомашину она нашла там, где и говорил Ванька. На стоянке неподалеку от сквера. Серая истерханная «Нива», наверное, выглядела настолько плохо, что даже не смогла заинтересовать потенциальных угонщиков.

«И в самом деле, чего я беспокоилась? Такое «чудо» не угонять – в металлолом только сдавать.

Приблизившись к машине, девушка выудила из сумки ключи и деловито, словно делала это каждый день, залезла внутрь. В салоне оказалось довольно чисто, если не учитывать крайнюю изношенность обивки сидений.

– Сойдет, – решила она, поворачивая ключ в замке зажигания, – Главное, чтобы не подвела. Иначе придется угонять тачку, а это означает непредвиденные осложнения.

Двигатель не подвел, запустившись с одного поворота ключа и заурчав с ровным рокотом. Наверное, Усов добросовестно отнесся к выбору средства передвижения и действительно подобрал стоящий «аппарат». Осталось проверить, какова машина окажется в ходу. Посудив так, Корнеева переключила рычаг коробки переключения передач и тронула «Ниву» с места, выводя ее на проезжую часть.

Привыкая к машине, она сперва выбрала для нее свободный маршрут, главным в котором стал выбор направления, но не конкретной схемы проезда. Потом, начиная ощущать средство передвижения слаженным с ней механизмом, Рита выбралась на проспект, ведущий за город, и прибавила газу.

До уже знакомой Александровки дорога на этот раз оказалась недолгой. И, что немало важно, известной. Запас времени тоже присутствовал. Эти два фактора склоняли девушку к тому, чтобы воспользоваться временной форой и разведать путь, ведущий к месту расположения так называемой заимки Козина. Однако подумав, Корнеева отказалась от подобного намерения. Мало ли, может на подъездных дорогах к этому объекту имеются какие-нибудь средства слежения за транспортом, появляющимся в округе. Например, в радиусе десяти километров. Ее, конечно, там никто не ждет и, соответственно, не станет акцентировать внимание. Но это только до тех пор, пока она не появится вновь в качестве «эскорта» Нелли Барцевой, которая, как известно, должна заехать за инструкциями к некоему Грачу. В этом случае, повторно появившийся автомобиль привлечет заведомо нежелательное внимание, что может привести к провалу всей операции.

«Наберись терпения, – приказала сама себе Рита, – Лучше держать Нелли под контролем от самого дома. Чего доброго еще ускользнет из под носа, пока я изучаю пути-дороги. Будет обидно.

Неторопливо проследовав по знакомым улицам, она подъехала к дому, знакомому с прошлого дня и поставила автомобиль на стоянку в том месте, с которого хорошо просматривался тот подъезд, через который она вчера входила. Теперь ей предстояло просто подождать момента, когда ее «зверь» выйдет на ту тропу, которая приведет к похищенному мальчику. Момент мог наступить и сейчас, и, с тем же успехом, к вечеру. А мог не наступить и вообще, в зависимости от изменения обстоятельств. Конечно, для выуживания более точных данных подмывало снова поставить на телефонную линию Барцевой «прослушку». Но нужно ли это в условиях, где ее появление могут заметить. Свое новое появление перед дверью квартиры Нелли правдиво не обосновать. Остается просто наблюдать издали. С этой мыслью Рита повернула ключ в замке, отключая зажигание и глуша двигатель автомобиля.

Девушка вздохнула. Не любила она ждать и тщательно отмерять время, хотя понимала, что при некоторых ситуациях это просто необходимо. Принимала умом, но не принимала характером. Может быть, в силу возраста.

– Хоть бы радиоприемник здесь присутствовал, – в голос посетовала Корнеева, ухватив глазами зияющую пустотой ячейку на панели, предназначенной для размещения подобной аппаратуры, – Сиди тут неизвестно, сколько времени и волком вой от безделья.

День занимался хмурым и мало схожим с тем благоденствием, которое должно царить в завершающем месяце лета. Утреннее светило, было, проглянуло и подмигнуло людям своим непринужденным оком, однако быстро затянулось кисеей плотных туч с редкими окошками просветов.

«Тоска! – подумала девушка, заметив на лобовом автомобильном стекле появившиеся мелкие крапинки редкого ленивого дождя, – Как бы на весь день не зарядил. Не очень веселая погода для затяжных прогулок.

Впрочем, больше осадков она не заметила. Попугав, погода остановилась в хмуром равновесии. Словно не могла определиться.

Омск. Иван Усов. Утро 6 августа 1996 года.

Телефонный звонок Корнеевой выбил Усова из той колеи, в которой он находился все последние дни. И в самом деле, что-то не складывалось, не входило в рамки проведения операции на чужой территории.

«Действительно, – подумал Иван, отнимая от уха заголосившую короткими гудками трубку мобильного, – Слишком все одно к одному. События складываются друг с другом гладко, словно кто-то написал сценарий. Тут тебе и благополучное прибытие из столицы частным рейсом без каких-либо проблем, связанных с переправкой оружия и боеприпасов к ним, радушная встреча с невесть откуда взявшимся местным контактером, вполне вольготное и безопасное размещение в пустующем жилье и, главное, появление информации о том, что в заимке Козина появился мальчишка, содержащийся на правах арестанта. На месте старшего группы было бы самое время насторожиться.

Он вышел из ванной комнаты, куда зашел с целью обеспечения обязательной конфиденциальности на время разговора с Маргаритой и, поискал взглядом, отыскивая Серого. Сделать это оказалось нелегко, так как в это самое время бойцы группы вплотную занялись приведением в порядок боевой экипировки, из-за чего, соответственно, создали полнейшую суету. Им следовало спешить с последними приготовлениями. Не далее, как сегодняшним вечером, их миссии назначено завершиться и прийти к логическому концу.

Серого он обнаружил в соседней комнате. Вольготно расположившись на кресле, тот с профессиональной тщательностью занимался чисткой своего любимого пистолета для бесшумной стрельбы. К слову, и местный контактёр, все это время старательно опекавший группу, оказался здесь же. Имел он не очень благозвучную фамилию Пякин, и, согласно той информации, какой снабдили их из Москвы, числился оперуполномоченным одного из местных отделов по борьбе с экономическими преступлениями. Сейчас, застыв рядом с Серым тут же на другом кресле, опер Пякин следил за чисткой оружия с видом заипнотизированного человека.

– Чего хотел? – поднял на Усова взгляд бригадир, – Закончил с экипировкой? Смотри, все должно работать как часики.

– Уже разобрался, – произнес Иван, присаживаясь на стул рядом, – Пистолет я всегда держу в порядке, а «УЗИ» только что проверил и смазал. Я по другой надобности. Хотел обозначить для тебя, командир, парочку вопросов, которые мне не дают покоя.

Пякин встрепенулся и тоже сфокусировался на Усове. Почуял, что ли? По информации, имевшейся на опера, тот был весьма прожженным малым. Работа на государственной службе не мешала ему параллельно содержать привокзальное кафе. Тот еще фрукт. По некоторым словам и недомолвкам, услышанным при нейтральном восприятии разговоров его и Серого, Пякин не чурался участия и в контрабандной торговле спиртом, и с «крышеванием». А, возможно и с чем-то посерьезнее. Этакая местная помесь торгаша с чиновником.

«Такой за копейку маму родную продаст, – мелькнула резонная мысль в голове Ивана, ухватившего, словно отдельную картинку, физиономию контактёра, – И не факт, что являясь одной из функциональных связей заместителя начальника охранный агентства «Кондор», он не стал функциональной связью Козина. Двойная выгода от двойной игры. Это, если не учитывать двойной риск.

Он не стал акцентировать свое внимание на этом человеке. Нет конкретных предпосылок. Мужик, как мужик. Вроде бы ничего особенного. Возраст около тридцати пяти. Не мальчик. Лицо несколько широковато. Со щеками, толщина которых свидетельствовала о хорошем аппетите. Небольшие усики на слегка выпирающей верхней губе. Глаза беспокойные и подвижные, как у человека, привыкшего наблюдать. Зацепиться особенно не за что.

– Да вот, подозрительно мне, – как бы недоуменно поинтересовался он, – Как это так получилось, что мы так легко обнаружили здесь информацию об интересующем нас заложнике? Не мулька ли это? Мы ведь сами не видели мальчишку на территории заимки.

– Информация получена из первых рук, – скороговоркой, в свойственной ему манере, высказался Пякин, – Я лично знаком с одним из людей, работающим в охране на заимке. Видел его на днях и в разговоре выяснил, что в то самое время, когда похитили сына вашего шефа, на заимку привезли мальчишку с внешностью, по всем приметам схожей с этим самым... Данилом Бельским. Его держат взаперти и никуда не выпускают, чтобы не привлекать внимания.

– И все? – сощурился в сторону опера Усов, – И никаких конкретных индивидуальных сведений о заложнике?

Иван заметил, как усиленно забегали и без того обычно мечущиеся по сторонам глазенки Пякина. То ли занервничал, то ли просто возмутился тем, что в его адрес выражается недоверие. Как почувствовать человека, привыкшего к изворотливости и обману?

– Конкретных указующих подробностей немного, – слегка порозовел массивными щеками оперативник, – Упоминалось, что мальчишка отзывается на имя «Данил», а еще, что он до похищения жил с отцом в Москве.

– Данных вполне достаточно, – закончив с чисткой пистолета, снова вступил в разговор Серый, – И я, как старший группы считаю, что на заимке содержат именно сына Бельского. Чего тебе еще?

– Ну, раз этот вопрос решен, – продолжил тему Иван, – Тогда возникает другой. Почему мы столь свободно все эти дни производили изучение подступов к заимке и не привлекли внимание людей Козина, коли они так серьезно, зарекомендовали себя до сих пор? Глупо допускать, что они отнесутся несерьезно к охране важного заложника. По идее, они вообще должны были засекретить пребывание мальчика. Утечка подобной информации в таком случае оказалась бы просто невозможна. Ищи его хоть целый год!

– Слишком много вопросов, – выслушав, поморщился Серый, – Я вполне доверяю Эдуарду. Его рекомендовал лично Савчик.

Последнее выражение произвело на Ивана должное впечатление. Привыкший к жесткой дисциплине, на месте бригадира он также вполне удовлетворился бы рекомендацией куратора группы.

– Тогда почему, – несколько обескуражено задал он вертевшийся у него на языке вопрос, – За нами все это время ведется слежка?

А вот этих слов Серый также явно не ожидал. Уловив смысл, обратился к Пякину с широко раскрывшимися от удивления глазами.

– Могли бы и раньше заметить, – с недовольным видом буркнул опер, привычно отведя неопределенный взгляд, – Не волнуйтесь. Это мои ребята. Так сказать, подстраховка на всякий случай. Я хотел убедиться, что за вами не идут люди Козина. Удовлетворены?

Усов явно удовлетворения не испытал. Он мог только предполагать. Лукавит Пякин, или нет? Уверенности в этом человеке у него быть не могло. Другое дело, верит ли этому прохиндею Серый?

С этой мыслью Иван перевел глаза на бригадира в ожидании реакции. И не дождался. Вместо того чтобы как-то разобраться в вопросе, тот спокойно вернулся к оставленному минуту назад оружию и снова принялся его осматривать.

«Кажется, он вполне удовлетворился таким двусмысленным ответом, – понял Усов.

В восьмидесяти километрах от Белогорска. Гурген. Полдень 6 августа 1996 года.

Место здесь по праву называлось глушью. В полном смысле этого слова. Именно такой, чтобы представляться весьма удобным местом для осуществления дела, задуманного Гургеном. Кричи здесь – не кричи, все равно никакой помощи, если что, не жди. Тайга на этом промежутке трассы непроходимой стеной подступала к выщербленному и основательно изношенному асфальту, словно хотела поглотить дорогу начисто. Отчасти поэтому, а также из-за крайней малонаселенности здешних мест, не приходилось бояться случайных очевидцев, так как даже редкие охотники не рисковали бродить по этой буйной растительной непроходимости. Впрочем, на самом деле, даже такая возможность никого не волновала. Если бы кто-нибудь и появился в пределах видимости, бредя ли в чаще, или катя по шоссе, вряд ли он осмелился вмешаться в грядущие события и противостоять восьмерым крепким, да к тому же, еще и вооруженным мужчинам, на двух автомашинах устроивших в этих местах западню.

– Ашот. – не поворачивая головы от пейзажа полузадушенной тайгой дороги, обратился Гурген к водителю, – Свяжись с Суреном и выясни, они уже сели на хвосте или еще нет. Не хватало еще, чтобы фургон проскочил мимо. Другой такой возможности еще поискать.

Слово «нет» руководитель бригады произнес несколько в нос и с характерным проказским «эканьем», что придавало его речи некий оттенок дополнительной властности. На самом деле Гурген Исаакян, благодаря родному дяде некогда окончивший один из столичных ВУЗов, умел разговаривать по-русски чисто и без национальных фразеологизмов. Однако, ныне, если честно, считал это для себя не совсем уместным. Ради того, чтобы производить большее впечатление, считал нужным выговаривать слова именно так. Ради своего имиджа вожака сравнительно молодой, не достигший еще и тридцатипятилетнего возраста, предводитель группы и вел себя так, чтобы постоянно поддерживать впечатление человека, не бросающего зря слов на ветер. Возможно, что он просто начитался дешевых бульварных романов, всю пропагандирующий определенный стиль поведения. Может, что не исключено, тут также сыграли популярные стереотипы расхожих «боевиков». Не суть важно. Важно то, что Исаакян твердо следовал им, выработав определенный стиль поведения, поступков и словесных идиом. Так что сейчас, отдав приказание, он не стал слушать переговоры, лишь поудобнее устроился на сидении и устремил на шоссе пристальный взгляд. Этот транспорт нельзя пропускать и точка. Иначе он, Гурген Исаакян перестанет оставаться монополистом по поставке высококачественной «дури» на этом участке Сибирского региона. Прознав о его слабости, целая орда давних недругов и соперников кинется на сладкий пирог наркобизнеса в надежде откусить кус побольше и пожирнее. Может быть бизнес Исаакяна, в этом случае, и устоит, однако заварится «буча», что неминуемо «засветит» его перед госструктурами. А это, как ни печально, будет грозить возникновением новых препон и проблем при дальнейшем функционировании картеля.

Естественно, Гургена подобная перспектива не устраивала, посему он и предпочел взять руководство операцией лично в свои руки. Перед угрозой больших убытков не грех проболтаться двое-трое суток в пыльной машине.

– Босс, – закончив переговоры, доложил Ашот, склонив в сторону Исаакяна свой грузный торс, – Они сели на хвост. Ведут фургон в пяти километрах отсюда.

– Это радует, – изрек Гурген, хотел что-то добавить, но в следующий момент передумал и вновь отвернулся к окну машины.

Ашот, питавший надежды на более подробные инструкции, смущенно уставился в массивный затылок шефа и громко засопел, поджав свою монолитную нижнюю челюсть.

Исаакян не хотел разговаривать, ибо пребывал в отвратительнейшем настроении. В первую очередь на самого себя. Расслабился за последнюю пару лет, вообразил себя крупной фигурой, на которую все должны оглядываться с уважением и опаской! Ротозей! Не заметил, как допустил досадный промах. Не углядел, не уловил он момента, когда появился на его вотчине юркий таджик Ухтум, который не стал оглядываться на кого бы то ни было, не стал спрашивать разрешения, а быстро наладил свой канал героинового транзита. И выглядело это тем обиднее, что первую крупную партию наркоты ушлый Ухтум отправил так, что сам Гурген узнал об этом лишь потом, когда его собственный бизнес дал сбой. Мало того, что конкурент сбил его цены дешевым товаром, он еще и нацелил торговлю дурманом именно в тот регион Сибири, где Исаакян давно удерживал самые прочные позиции. Такая наглость болезненно ударила как по доходам, так и по самолюбию гордого армянина.

– Да нет же, – подумал он, в который раз споря сам с собой, – Мои ребята сработали вполне профессионально и четко. Люди таджика выявлены и обезврежены, сам Ухтум умер не раньше, чем все рассказал. Теперь осталось перехватить и прибрать к рукам вторую партию товара, предназначенную моим потенциальным клиентам, после чего преимущество опять неоспоримо перейдет на мою сторону, и дела наладятся.

И все же червь неудовольствия еще точил душу, оттого Исаакян хмуро молчал, продолжая всматриваться в дорогу.

– Босс, – прервал его размышления голос Ашота.

Гурген обернулся и уперся взглядом в протянутый ему водителем мобильный телефон.

– Сурен сообщил, что они уже на подходе.

– Отлично, – воскрес тот к действительности и быстрым движением выхватил трубку, – Сурик-джан! Когда выйдешь на нужный участок дороги, действуй по плану. Я тебя прикрою и, если будут осложнения, приду на подмогу. С водителем не церемонься. Он здесь лишний человек.

Последние инструкции оказались даны в самое время. Уже через минуту из-за поворота на приличной скорости вырулила махина тентованного КАМАЗа, поднимающая за собой на грязном заляпанном асфальте столб мелкой пыли. Урча, автомобиль вышел на прямой участок шоссе и, прибавив газу, скрылся из виду, мелькнув солнечными отблесками на боковых стеклах. Спустя минуту, следом за грузовиком черной молнией вылетел тонированный ВАЗ шестой модели.

– Сближайся с ним Сурик. Пора! – рявкнул в трубку Исаакян, тогда как белая «Нива», ведомая Ашотом, уже выруливала вслед промчавшимся машинам.

Глава 14.

Омск. Маргарита Корнеева. Полдень 6 августа 1996 года.

Нелли она заметила только через два часа нудного ожидания. Женщина, одетая в темные джинсовые брюки, клетчатую рубашку и накинутый поверх него легкий полуспортивный пиджак, деловито выскочила из подъезда, с видимым усилием волоча большую клетчатую сумку «мечта оккупанта».

– Наконец-то, – сопроводила ее возгласом Рита, – Ух ты, как затарилась! Не иначе, сестренке на месяц собрала.

Барцева, естественно, слышать этого не могла. Закрыв за собой подъездную дверь, она энергично тряхнула белобрысой стрижкой, подхватила удобнее свою поклажу и ринулась в сторону дороги. Ну, ни дать, не взять, торговка с привокзального рынка. Словно призрак, куда-то в сторонку уплыло видение вчерашней учительницы.

«Как обманчива природа...»

Хмыкнув на эту мысль, Корнеева завела двигатель и тронула машину в сторону, куда только что ушел объект слежки.

За домом Барцеву встречало такси, темно зеленое «Жигули» третьей модели. Запыленное, с кое-где примятым кузовом. В общем, боевая модель «извозчика». Предупредительно открыв багажник, водитель погрузил туда объемный баул клиентки и, дождавшись пока та усядется на заднем сидении, резво тронулся с места. В свою очередь, подождав, пока автомобиль удалится настолько, что наблюдать за ним станет возможно только на самой границе естественного зрения, Рита устремилась за ним.

«Таксист явно из породы гонщиков, – вскоре оценила девушка стиль вождения своего подопечного, пытавшегося «гонять» даже на городских улицах, избобилующих светофорами, – Джигит.

Вести скрытое преследование оказалось нетрудно. Тем паче, что о ней, «висящей на хвосте», ни Нелли, ни тем более водитель-извозчик не подозревали. Это давало определенные преимущества, так как Корнеевой, за неимением дублирующих автомашин для качественного и профессионального проведения слежки, приходилось управляться самой.

Таким своеобразным тандемом они пересекли практически весь Омск по кривой диагонали, затем выбрались за город, где перестроились на одну из федеральных автотрасс. Здесь стало проще, ибо больше не приходилось гнаться за резвым такси по беспокойным проспектам. Пусть таксист, почувствовавший свободу на трассе, и прибавил ходу своей «лошадке», но Рите все равно стало удобнее, отчего она несколько расслабилась.

Впрочем, как оказалось, зря. Где-то через полчаса, когда на обочине дороги стали попадаться указатели, информирующие о приближении населенному пункту городского типа с названием Белогорск, такси неожиданно быстро юркнуло на боковую дорогу, ведущую куда-то в лесные дебри. Чертыхнувшись в душе, Рита с трудом сманеврировала и тоже вписалась в поворот, едва не задев крылом один из столбиков сигнального ограждения.

«Ладно, хоть не в кювет, – с долей сарказма подумала она, высматривая теряющуюся среди проселка точку преследуемого автомобиля, – А то был бы веселенький финал для моего предприятия...»

Подумав об этом, девушка сразу переключила сознание на другое, полностью сосредоточившись на том, чтобы не упустить петляющее среди дремучей чащи такси. Съедет в сторонку и пиши, пропало. Потеряется, словно иголка в стоге сена.

Нет, кажется, пока все в порядке. Глаза от напряжения даже заболели, однако заметили впереди слабое облачко пыли, поднятое прошедшей по проселку машине.

Этот «этап» гонки продолжался еще около двадцати минут. Затем, словно по мановению волшебной палочки, пылевое облако исчезло, сильно обеспокоив преследовательницу. Она прибавила своей «Ниве» ходу и едва не вылетела из леса на большое открытое пространство явно искусственного происхождения. Когда-то, возможно сотню лет тому назад человеческая рука освободила эту землю от таежной чащобы, чтобы основать здесь для себя жилища. Лишь кое-где на расчищенном поле виднелись полосы рукотворных посадок лесной растительности, растущей по прихоти тех, кто их высадил, прямыми аллеями. За кронами «аллей» виднелись дома жилых построек.

«Неплохое селеньице, – оценила размер Корнеева, – Дворов, этак на пятьдесят, а то и более. Здесь потеряться, раз плюнуть. Стоит только захотеть».

Такси с интересующим ее пассажиром этого явно «захотелось». Хотя бы потому, что на грунтовой дороге, ведущей прямо в поселок, уже никого не было. Только легкая пыльная дымка, еще не улегшаяся на поверхность грунта, говорила о том, что тут только что кто-то проехал.

«Замечательно! – разозлилась девушка и, остановив свой автомобиль на обочине, со злостью стукнула кулаком по рулевому колесу, – Упустила! Раззява!»

Мерный рокот двигателя на холостом ходу подействовал отрезвляюще. И в самом деле, почему упустила? Еще ничего не потеряно. В крайнем случае, если такси не найдется в самом селении, всегда можно разузнать у местных жителей о том, куда оно направилось.

«Заимка, – вспомнила Рита, – Заимка Козина. А это, судя по его значимости и размаху деятельности, совсем не маленькое сооружение. И, если его нет именно здесь, то обязательно найдется тот, кто укажет дорогу».

Она вновь тронула с места автомобиль и, подведя его прямо к полосе ближайшей лесопосадки, остановилась, выбрав место для «рекогносцировки». Поселок лежал прямо перед ней, словно на ладони, как бы проваливаясь в центре, где протекала небольшая речушка и поднимаясь вверх по ограничивающим ее склонам. На дальней стороне, там, где виднелась стена глухой таежной чащи, выделялась группа крепких строений, обнесенная общим массивным забором. Ни дать, ни взять мини-городок. Рассмотрев этот объект со всей возможной детализацией, девушка стала утверждаться в предположении, что это и есть искомая заимка.

«Если я и найду такси, то только там».

Порешив так, она снова «пришпорила» свою «лошадку», устремившись поскорее разыскать свою пропажу. Однако двинулась туда не через деревню, в центре которой грунтовка подходила к небольшому мосту и вела далее вверх по склону, густо застроенному бревенчатыми домишками. Вместо этого Корнеева свернула на проторенную сельчанами проселочную дорогу, огибающую селение по краю и явно ведущую к броду через водную преграду. Так удобнее и практичнее. Меньше внимания при той же эффективности. Она вдавила педаль газа и, не обращая внимания на усиливающуюся тряску, с которой едва справлялась амортизационная система ее средства передвижения, увеличила скорость до предела.

Брод оказался именно там, где и предполагалось. Снизив скорость и включив второй колесный привод, девушка провела автомобиль через него и убедилась, что там действительно мелко. Уровень воды едва закрывал половину колеса. Определенно, сегодня улыбалась удача. Молча порадовавшись, Рита дождалась, когда «Нива» выберется на пологий бережок, и снова прибавила ей ходу.

Окраина деревни оказалась от нее по правому боку. Покосившись на ряд избушек, оказавшихся в непосредственной близости, девушка перевела взгляд вперед. Там метрах в ста впереди виднелась небольшая рощица, густо окаймленная кустарником. За ней, если судить по прежним раскладкам, должна была виднеться ограда пресловутой заимки.

Корнеева переключила передачу и, снижая скорость, подъехала к рощице. Затем, когда машина оказалась под сенью деревьев, заглушила мотор и, вынув ключ из замка зажигания, вылезла из салона. А затем, определив направление, с которого ей будет удобнее всего вести наблюдение за объектом, полезла прямо сквозь чащу насаждений.

«Кажется, здесь никто и никогда не ходит, – подумала она мимоходом, продираясь сквозь густой шиповниковый массив, – Но я ведь не боюсь трудностей, не так ли? Так что, вперед, моя дорогая, вперед!»

Так, подбадривая сама себя, Рита добралась до середины рощицы, где, совершенно неожиданно для себя обнаружила, что на самом деле чаща исхожена десятком постоянных тропинок и довольно проходима безо всяких усилий. Вся загвоздка заключалась в том, что протоптаны эти пешеходные пути, были со стороны жилого массива поселка и, соответственно, располагались почти перпендикулярно тому направлению, в котором девушка двигалась.

– Замечательно! – высказалась она по этому поводу, ощущая себя почти дурой, – Впрочем, нельзя было предполагать наверняка о подобных тропинках с того края, откуда я зашла в рощу.

Посудив так и слегка успокоившись, Рита продолжила движение тем же курсом, отчаянно шипя на старания колючего кустарника отодрать с нее, если не куски кожи с плотью, то уж куски ткани с куртки.

Когда на ее нелегком пути забрезжил просвет, то бишь вид на искомую заимку, Корнеева пригляделась и даже присвистнула от гаммы смешанных чувств, овладевших ею. С того ракурса, с которого она сейчас наблюдала за объектом, очень удачно просматривались большие дощатые ворота с узором из набитых на их поверхности металлических полос, очевидно олицетворявшие собой главный вход во внутреннее дворовое пространство, ограниченное высокой оградой. А у этих самых створ сейчас стояло то самое зеленое такси, которое наняла Барцева для своих целей.

– Попались голубчики! – с долей пафоса произнесла вполголоса девушка, словно и вправду только что взяла на мушку двоих человек, беседующих около автомобиля, – С поличным!

Беседа Нелли с человеком, вышедшим к ней из заимки за ворота, очевидно, только началась. По крайней мере, так девушке показалось из-за того, что пока говорила она, разбавляя речь скудной жестикуляцией. Человек, стоявший напротив нее, слушал внимательно, рассматривая собеседницу так, словно та находилась под микроскопом. Вероятно, из-за этого Барцева заметно нервничала и вела себя не очень уверенно.

«Наверное, это какой-нибудь авторитетный человек, если она так робеет перед ним, – посудила Корнеева, с усилием фокусируясь на нем в старании рассмотреть поподробнее.

Глаза заболели от напряжения, однако, особых результатов осмотр не дал. Человек, как человек. Никогда ею не виденный ранее. Поджарое, но совсем не тощее тело стандартных мужских пропорций, свободные движения, свойственные молодым людям, не обремененным болезнями возраста. Темные коротко стриженные волосы, обрамлявшие четко очерченный абрис лица с доминирующим крупным орлиным носом и волевыми чертами. То ли это представитель какой-то кавказской национальности, то ли... нет, достоверно она определить не могла. Девушка не могла видеть ясно, но ей показалось, что глаза носителя столь выдающейся внешности обладают необычайной цепкостью взгляда.

– Н-да, типаж, – тихо подвела она итог своим наблюдениям и едва не вздрогнула, на секунду уловив, что глаза собеседника Барцевой обратились в ее сторону, – Неужто заметил?

Рита дернулась, было, в сторону, дабы постараться скрыться из виду. Сработал какой-то инстинкт. Она совсем позабыла, что выйдя из сени рощицы, стала видна со стороны заимки. Пусть нечетко, но все-таки. Дернулась, но затем решила оставаться на прежнем месте. Мало

ли как могут рассудить люди, охраняющие заимку. Может быть, они примут ее за кого-то из местных жителей.

Пока Корнеева препиралась сама с собой, человек с орлиным носом отвернулся в другую сторону, снова приняв участие в завязавшемся разговоре. Теперь он что-то говорил Нелли Барцевой, сопровождая свои слова куда более оживленной, чем у собеседницы жестикуляцией рук.

«Наверное, он ей сейчас рассказывает, где именно найти сестру.

Разговор у ворот закончился быстро, продлившись, наверное, около пяти минут, в общем. Получив исчерпывающие инструкции, Нелли возвратилась в салон зеленого такси, после чего машина сразу тронулась с места вырывая на дорогу. Наблюдавший за отъездом человек у ворот проводил ее взглядом, однако почти сразу же повернул физиономию в сторону рощицы, где располагалась Рита. Черт! Кажется, все-таки заинтересовался ее присутствием! Заметив это, девушка стала медленно отступать назад до тех пор, пока не скрылась за ветвями деревьев. Может быть, он не примет увиденное всерьез и не поднимет тревогу?

«Увидим, – не стала гадать Корнеева и, не медля ни секунды, понеслась в обратном направлении, – Если все-таки поднимет тревогу, то я скоро обнаружу за собой погоню. Только и всего.

Хихикнув такой своей беспечности, девушка сосредоточилась на бешеной «скачке» сквозь неприятный цепкий кустарник. Может быть поэтому, обратный путь занял ощутимо меньший промежуток времени. По крайней мере, так показалось, когда она добралась до своей «Нивы» и влетела в ее салон.

«Ходу! – сама для себя мысленно воскликнула Рита, поворачивая ключ в замке зажигания.

Она вырулила на дорогу и помчала свой транспорт вслед такси, удалявшемуся по тому же проселку, что привел их в это место. Теперь она горела решимостью ни на секунду не выпустить преследуемую машину из виду.

Тем временем человек с приметным носом продолжал оставаться на прежнем месте. Со своего места, он не мог видеть маневров автомобилей, однако, вслушиваясь в гул их моторов, разносившийся далеко в этих местах, сощурился с видом разбирающегося в подобных вещах специалиста. Примерно через минуту, придя к какому-то своему выводу, мужчина оставил свою позицию и направился внутрь двора заимки, на ходу вынимая из кармана связку автомобильных ключей.

Приблизительно в восьмидесяти километрах от города Белогорска. Михаил Багин. Полдень 6 августа 1996 года.

Что-то не давало Багину расслабиться. Подсознательная заноза саднила в мозгах на протяжении последних суток, отчего он чувствовал себя на редкость неудобно.

«Словно вша не гребешке, – сравнение несколько покорило, однако, в целом, показалось верным.

И причина крылась, скорее всего, не столько в плохом ночлеге и невкусной еде, сколько в череде неясностей и оговорок, окружавших этот рейс с самого начала.

Ухтум был клиентом непостоянным, почти разовым, но платил неплохие деньги, поэтому Михаил не нашел причин отказываться от поездки. Тем более что аналогичный рейс, выполненный им пару месяцев назад, прошел гладко, как по маслу. Конечно, не могло не насторожить, что таджик требует вести машину на всем пути только одному водителю, однако шестисоткилометровое расстояние не могло напугать настолько, чтобы начать спорить. Так или иначе, в этот рейс, как и тогда, Багин отправился без напарника.

И все-таки, предчувствия – вещь неистребимая! В этот раз уверенности в удачном завершении поездки у него почему-то так и не появилось. Знал, что таджик имеет дела с криминальной средой (своими глазами видел получателей груза), но до последнего раза не видел его таким нервным и взволнованным. Конечно, то не забота нанятого водителя, но появилось ощущение, что у Ухтума серьезные проблемы. Михаил никаких вопросов задавать не стал. Не только из принципа. Его действительно волновало только то, чтобы товар, загружаемый в машину, имел законную природу и не нес в себе никакой опасности. Впрочем, таджик его клятвенно заверил, что в мешках находится обыкновенный сахар, для чего даже вскрыл один из партий для наглядности своих слов. Большого Багин от него не требовал.

Теперь же, преодолев большую часть пути, Михаил вдруг занервничал. Может, разгадка крылась в том, что данный отрезок дороги пролегает в глухих малообитаемых местах? Может сама эта глушь навеивает неуверенность и тревогу? Ответа Багин не выискивал, но на всякий случай решил повнимательней отнестись к окружающей обстановке. Мало ли что.

Не зря. Это он понял уже тогда, когда выехал на трассу с места своего последнего ночлега, пришедшегося на окрестности небольшого провинциального городка, почти потерявшегося в лесу. Не сразу, но обратил внимание на то, что следом за ним, словно на веревочке, двигается черная «шестерка», тонированная, совсем как в перестроечных фильмах про российских гангстеров.

– Интересная петрушка, – пробормотал Багин, следя за загадочным преследователем через зеркало заднего вида, – Не иначе, как братья бандиты. Чем-то заинтересовал их мой несчастный сахар. А может, то был вовсе и не сахар? Поди проверь этих ушлых торгашей.

И все-таки вопрос о порядочности заказчика рейса «грузил» не так, как реальная опасность «пересечься» с дорожными «братками». Для того чтобы окончательно выяснить намерения «севших на «хвост», Михаил снизил скорость и припарковался у обочины. Затем, делая вид, что проверяет исправность ходовой части, обошел вокруг КАМАЗа, одновременно косясь в сторону, откуда должна было появиться легковушка. Ее он так и не дождался, а когда, через пяток минут, залез в кабину, заметил знакомый черный силуэт на обочине, в метрах трехсот сзади. Капот машины оказался поднят, и несколько человеческих фигур усиленно суетились около, изображая срочный ремонт.

– Понятно, – глубокомысленно резюмировал Багин и двинул машину дальше, – Вы бы еще транспарант на крыше установили: «Мы гонимся совсем не за тобой».

В намерениях своих преследователей уверенность теперь была почти полной. И эта уверенность возросла, когда, взглянув в зеркало через некоторое время, он опять-таки увидел черную «шестерку» позади.

Впрочем, как счел Багин, пораскинув мозгами, волноваться покуда не стоило. Места шли более-менее оживленные, и Михаил оставался, спокоен, ибо брал в толк, что бандиты не рискнут тормозить прилюдно, да еще при полном свидетельском «кворуме». Но это пока. Через пяток километров, судя по предыдущему опыту, начиналось глухое и безлюдное место продолжительностью около пятидесяти верст, и упомянутое обстоятельство заботило с каждой секундой все больше. Расчет преследователей, очевидно, и строился на том, чтобы «обработать» объект гона именно на этом участке. Постигнув это, новоявленный «объект» нервно сжал челюсти так, что четко обозначились скулы, и задумался о том, как следует ему поступить в дальнейшем. Дело с каждой минутой представлялось все более серьезным. По меньшей мере ввиду того, что за его персоной просто так никто бы не увязался. У бандитов, судя по всему, имелось вполне определенное намерение прибрать машину с грузом к своим рукам.

– Это даже не рэкет, – пронеслось вдруг в голове здравая мысль, – Иначе они бы уже давно, не боясь случайных свидетелей, подрулили ко мне и потребовали откуп. Обычная практика. А так, втихаря загоняя...

Тогда кто это? В свете последних соображений Михаил ощутил, что теперь заволновался не на шутку. Тем более что оставалось всего лишь преодолеть поворот и, собственно, углубиться в участок ожидаемых дебрей.

– Я могу, конечно, развернуться и отправиться назад, – проскользнула мимоходом мысль, – Но они, скорее всего, все равно прицепятся, и будут болтаться за мной до тех пор, пока снова не выгадают момент. Не выход, – решил он и надавил на педаль газа.

КАМАЗ утробно заурчал и, набирая скорость, принялся преодолевать поворот, трясясь на многочисленных выбоинах в покрытии дороги.

Вот и новый сюрприз. За поворотом, на обочине, замерла белая «Нива». Подозрительное совпадение. Или, не совпадение вовсе?

– Тоже по мою душу? – прищурился в ее сторону Багин и прицокнул языком, – Похоже, так оно и есть. Нехорошо.

Он не ошибся в своих предположениях, тем более что преследователи уже не скрывали своих намерений и недвусмысленно сокращали отделяющее их от грузовика расстояние. В пыльном мареве сзади стало видно, как черный ВАЗ, подпираемый белым пятном второй машины, приближается на большой скорости.

– Наглецы, – констатировал Багин, однако ходу не прибавил, выжидая дальнейшего разворота событий.

А они не заставила себя долго ждать. Черная «легковушка» пошла на обгон и поравнялась с грузовиком. Михаил скосил глаза в ее сторону и узрел физиономию какого-то кавказца, сидящего рядом с водителем и оттуда знаками подающего ему сигнал остановиться. Ага, сейчас! В ответ придурковато округлил глаза и отрицательно покачал головой. Тогда кавказец что-то крикнул и продемонстрировал пистолет, тряся им в воздухе, словно погремушкой.

«Тоже мне, герой боевиков. Рожей не вышел.

– Хрена с маслом, – с выражением ответил на этот довод Михаил, будто кавказец мог его услышать, и прибавил газу, форсируя ход.

Верный КАМАЗ обиженно взревел и рванул вперед, уже не особо выбирая дороги.

Взяв в толк, что по-хорошему машину не остановить, преследователи также решились на крайние меры. Боковое стекло кабины неожиданно тренькнуло, образовав круглую дырочку с мелкими трещинками по краям.

– Стреляют, – как-то отстранено подумал о происходящем Багин, однако внутри себя, как ни странно, паники не ощутил, – Дело серьезное. Того и гляди, между глаз такую же вот дырочку нарисуют.

Чувство смертельной опасности холодной волной омыло разум через минуту, пусть и запоздало, но побуждая к действиям. Руки уверенно крутанули баранку, и громадина грузовика надвинулась на легковушку, прижимая ее к обочине.

Следующий выстрел он уже услышал. Пуля звонко щелкнула о металл боковой двери, но почему-то не пробил ее.

– Пистолет, – вспомнил Михаил из своего служивого прошлого, – Они стреляют из пистолета, а у него пробивная мощь не так велика. К тому же, по касательной.

Он еще сильнее повернул руль и вынудил черную «шестерку» отступить назад. Зато, воспользовавшись этой ситуацией, с другой стороны вперед вырвалась белая «Нива». Вырвалась и заплясала на кочках впереди, тряся обрубленным задом. Но так продолжалось недолго. Кажется, всего несколько секунд. Затем Багин оцепенело наблюдал за тем, как под ударом приклада разлетается на куски заднее тонированное стекло машины, а в пробитую брешь высывается автоматный ствол.

– Черт! – опомнившись, истерично выкрикнул он и резко дал газ, отчего КАМАЗ прыгнул прямо на «Ниву».

Наверное, это был единственно верный в данной ситуации маневр. Раздался скрежет, и грузовик тряхнуло, после чего белый автомобиль с запоздалой резвостью рванулся на отрыв. В этот же момент стрекотнул «Калашников» и по лобовому стеклу хлестнула очередь, оставив на нем ряд отверстий. От этого стекло сразу опуталось паутиной множественных трещин и приобрело белесый оттенок.

– Придется идти по компасу, – пошутил сам для себя Михаил в целях поднятия духа, – Но недолго. Теперь у меня для вас найдется сюрприз.

В этот момент послышался треск новой очереди, заставивший пригнуть голову, и стекло обрушилось, осыпав его колким крошевом. Зато открылся вид дороги. Багин глотнул свежего, слегка приправленного ароматом тайги, воздуха и с новой силой надавил на педаль газа. Прямо перед крутым поворотом, который Михаил запомнил при изучении дорожного атласа данной местности. Грузовик снова взревел и с силой въехал в смятый зад «Нивы». Как раз вовремя, чтобы притормозить самому и вписаться в крутой вираж. Зато белая легковушка, сбив по пути столбик бокового ограждения, словно камень из пращи вылетела за пределы дорожного полотна.

«Вот так-то!!!»

Багин не стал следить за полетом «Нивы». Ему было не до того, так как на «хвосте» сидел еще один преследователь, не менее опасный и, самое главное, вполне боеспособный. Однако, как назло, больше крутых поворотов не предвиделось. Напротив, шоссе дальше шло прямо, да и качество его покрытия стало выглядеть неизмеримо лучше.

– Самое лучшее время вспомнить черта, – подумал Михаил, наблюдая за тем, как черная «шестерка» набирает скорость, намереваясь обогнать грузовик.

Он принялся всячески мешать преследователям, выполнить маневр, в свою очередь, увеличивая скорость и одновременно стараясь не дать врагу места для совершения обгона. Огромный грузовик, послушный его рукам, принялся юлить в клубах пыли, словно гипертрофированный пес, виляющий хвостом. Это не дало преимущества ни одной из сторон, хотя и оставило на некоторое время все на своих местах. Решение, единственно верное в данной ситуации, пришло, наконец, в голову только после двадцатиминутной гонки.

– Ну что же, – пробормотал Багин, – Веселиться, так на полную катушку

Он еще сильнее разогнал машину и стал выждать, когда преследователи попытаются настичь его снова. И, нужно отдать должное, все-таки дождался. Увидев через зеркало заднего

вида, что «шестерка» подошла сзади на предельно близкое расстояние, Михаил резко, изо всех сил нажал на педаль тормоза. Такого визга и скрежета он не слышал, пожалуй, за всю свою жизнь. КАМАЗ, словно живое существо, задрожал, затем его ощутимо стало водить из стороны в сторону, будто мощный ураган дул изо всей силы в лоб. Но главная цель столь экстремального торможения оказалась достигнута. Послышался приглушенный из-за рева двигателя металлический лязг и, почувствовав легкое сотрясение, Багин, выглянул в окно, смотря за тем, как сминается капот черной легковушки. Лобового стекла в этот момент у нее уже не наблюдалось, зато по асфальту шоссе далеко вокруг разлеталось фееричное смотрящееся на солнце облако сверкающих осколков.

– Есть! – удовлетворенно выдохнул Михаил и окончательно остановил свой грузовик.

«Время пошло.

Про себя считая секунды, он проворно спрыгнул на землю и бросился к изувеченному автомобилю. Время было дорого, ибо оставалось неизвестно, насколько пострадал его экипаж.

Несколько позднее, приблизившись вплотную, Багин выяснил, что торопиться не стоило. Когда он подбежал и заглянул вовнутрь салона, то увидел четверых кавказцев, находившихся там без всяких признаков сознания. Двое передних, как определил с ходу Михаил, в бойцы уже не годились, потому что сместившаяся передняя часть машины зажала их словно в капкане, по всей видимости, разможжив нижние конечности. Посмотрев на их белые бескровные лица, он ограничился лишь тем, что выудил попавшийся на глаза пистолет Макарова. Очевидно, тот самый из которого по нему незадолго до этого велась стрельба. Убедившись, что «пушка» заряжена, Багин взял ее наизготовку и приблизился к дальней двери, почти не пострадавшей и сохранившей целостность, рывком открыл ее и взял под прицел темные фигуры внутри салона.

Те не шевелились. Тогда Михаил схватил ближайшего из кавказцев за ворот куртки и резким рывком извлек наружу. Тот оказался рослым и несколько тучным, отчего вывалился подобно кулю с картофелем. Жесткий удар о покрытие дороги видимо привел его в чувство, поэтому недавний преследователь слабо застонал и приложил руку к свежей шишке на своей голове.

– Ты кто такой? – ледяным тоном поинтересовался Багин, вонзив в лежащего недобрый взгляд.

Церемониться с бандитами в его планы не входило. Закон тайги – побеждает самый сильный.

– С-сурен. – кавказец вытаращил глаза, в которых показался страх.

В это самое время внутри машины раздался тихий щелчок, заставивший Михаила внутренне напрячься. Сработала память войскового офицера. Такой звук могла издавать только спускаемая планка предохранителя. Уяснив для себя это, Багин быстро вскинул пистолет на опережение и, не раздумывая, трижды выстрелил в салон, целясь в силуэт видневшегося там человека. Ответом на это действие стал короткий вскрик, сменившийся утробным бульканьем. Раздался бряцанье выроненного автомата. Силуэт завалился навзничь, сползая вниз.

– Не убивай, – вдруг попросил лежащий внизу Сурен.

– Без надобности не буду, – честно заверил его Багин, – Однако ты мне должен рассказать, кто меня преследует и за что. Прояснишь ситуацию?

– Да, да. Конечно, – закивал кавказец, отчего его полные щеки задвигались в такт кивкам.

– Рассказывай, – приказал Михаил, – Лучше с самого начала.

– Я... я работаю на Гургена Исаакяна. Он контролирует поставки дури в регион Сибири...

– Значит наркотики, – поморщился Багин.

– ...Они должны быть спрятаны среди товара...

Так он и знал!

– Чертов Ухтум! – вырвалось то, что уже вертелось на языке, – Дальше!

– Да, да, Ухтум!!! – заторопился кавказец, – Он захотел конкурировать с Гургеном, поэтому тот был вынужден его уничтожить...

– Ухтум мертв? – оторопел Михаил от такой оперативности доморощенных наркомафиози.

Ребята определенно не обходились простыми методами запугивания.

– Да. И перед смертью, под пытками рассказал о том, что отправил новую партию наркоты, дал маршрут и координаты, где искать машину. Так мы вышли на тебя...

– Ежу понятно, – остановил его Багин, – Можешь не продолжать.

– Но...

– Передашь своему Гургену, чтобы он отстал от меня. Совсем. Я честный человек и, поэтому, уничтожу дурь до последнего грамма...

Глаза кавказца наполнились ужасом и мольбой.

– ...Но это, же бешеные деньги!

– Плевать. Я так и сделаю. И запомни, в следующий раз, если ты встанешь на моем пути – пожалеешь. Понял? Ну, бывай, – он протянул руку, чтобы помочь Сурену подняться и принять сидячее положение, однако в следующий момент другой рукой нанес ему сильный удар в челюсть.

Не успевший даже закрыть глаза, тот обмяк и завалился навзничь.

Обстоятельства дела выяснены и теперь нужно быстрее уносить отсюда ноги. Оставив Сурена в покое, Михаил перешагнул через его тело и направился к своей машине. Но остановился, снова подошел к салону искалеченного автомобиля и выудил из кармана боевика, у которого он «позаимствовал» пистолет, запасную обойму. Затем, для уверенности взяв оружие наизготовку, отступил восвояси.

«Вот тебе и денек! Развлечений через край.

Забравшись в кабину, он кинул «Макарова» на сиденье рядом с собой, после чего завел двигатель и тронул грузовик в путь. Выбросив из выхлопной трубы густой клуб черного дыма, КАМАЗ заурчал и продолжил прерванное движение, постепенно набирая скорость. Черная легковушка смятой коробкой осталась стоять посреди дороги, уменьшаясь и теряясь из виду.

***Район заимки Козина. Костя Грач. Приблизительно 15:00
6 августа 1996 года.***

Костя Грач не выказал ни капли удивления тому, что к нему явилась сестра Ангелины Барцевой. Отчасти потому, что удивляться особенно было нечему. «Волчица Ангелина», насколько он знал, недолго бы протянула без своих «волшебных таблеток». Наркоман – это особенное человеческое существо. Оно способно свободно жить без своей отравы только небольшой промежуток времени, а затем готово пойти на все, чтобы добыть очередную дозу. Болезнь, сводящая на «нет» все достоинства человека, носящего ее.

«Что ж, Козину виднее, кому стоит доверять охрану малолетнего заложника. Только бы не пришибла мальчика в приступе «ломки», – подумал он, выходя во двор следом за охранником, сообщившим ему о прибытии такси ко главному входу, – С нее станется.

Женщина, ждавшая его около ворот, поразительно напоминала Ангелину, однако вблизи выглядела моложе ее. Ни тебе серого оттенка лица, ни глубоких теней под глазами. Зная, что Нелли и Ангелина близнецы, Костя бы удивился этому наблюдению, если бы не знал наверняка, насколько быстро старятся любители наркотического дурмана. Повидал. Потому, не проявляя внешних эмоций, вышел за створу ворот и приблизился к посетительнице.

– День добрый! – произнес он фразу, ни к чему его, впрочем, не обязывающую, – Вы интересовались мной. Чем обязан?

– Добрый, – ответила женщина, развернувшись ему навстречу, – Меня зовут Нелли. В девичестве носила фамилию Барцева. Я сестра Ангелины. Приехала к вам по просьбе моей

сестры. Она просила навестить ее. Сказала, что находится в поселке Кочубеевка, однако за подробными инструкциями отослала к вам.

Взгляд Кости потемнел так, что женщина отшатнулась.

– Связавшись с вами, Ангелина нарушила определенные инструкции, которые ей дали, – холодно произнес Грач, – Ей было запрещено говорить родственникам, где она сейчас находится и чем занята.

– Но... ей нужна... сменная одежда и... продукты, – пролепетала Нелли, округлив глаза.

Скорее всего, он произвел на нее должное впечатление. Подумав об этом, Костя усмехнулся про себя. Однако выражения лица не изменил.

– Скорее всего, – произнес он все тем же ледяным тоном, – Ей нужно не совсем это. Ведь так?

Собеседница не ответила и потупилась. Наслаждаясь паузой, Грач повел взглядом по сторонам. И почти сразу же заинтересовался человеческой фигурой, появившейся на опушке близлежащей рощицы. Судя по всему, женщина. Из местных? Мало на то похоже. Местные давно не интересуются происходящим у заимки. Себе дороже.

– Ладно, – продолжил он, возвращаясь к разговору, – Это на ее совести. Знаю, что если я вам откажу, будет только хуже. Поэтому, не стану ничего доносить хозяину и укажу вам место, где сейчас находится ваша сестра. Вы себя осторожно вели? Никто за вами не следил?

– Э-э-э... в смысле за мной? – оторопело произнесла Нелли, – Кажется нет.

– Ну, хорошо, – Костя снова скользнул глазами по неподвижной фигуре на опушке рощицы, – Тогда запоминайте. И не вздумайте записать на бумаге то, что я скажу.

Через минуту, получив исчерпывающую информацию, Нелли Барцева поспешно впорхнула в салон машины, на которой прибыла сюда, и дала водителю указание двигаться по тем координатам, которые она ему скажет. Грач наблюдал за этим вполглаза, размышляя о своем. Дело, разворачивающееся вокруг него, судя по всему, становилось все более интересным. Доказательством тому была загадочная женская фигура, явно следившая за сестрой-близнецом Ангелины. Эта фигура не вписывалась в ту информацию, которой на данный момент располагали люди Козина. Она явно не была никем не учтена. А раз так, то будет нелишним...

Через пару минут, не став прогревать двигатель, Костя выгнал из гаража выданный ему в пользование «ВАЗ 2107» грязно серого цвета и, дав машине с места полный газ, вылетел за ворота.

Дорогу к селу Кочубеевка он, естественно, знал лучше, чем те, кто сейчас устремился туда в характерном тандеме. Поэтому уверенно свернул за пределами поселка на старую, едва заметную в густом спорыше малоезженую колею и еще прибавил скорости, благо колдобин здесь, за редким исключением, не наблюдал. Двигатель зашумел на повышенном тоне, но достаточно ровно. Сойдет. В месте назначения его «семерка» окажется этак минут через пятнадцать, далеко опередив Нелли Барцеву и ее загадочного преследователя (или преследователей).

Место для содержания похищенного мальчика Крутой специально выбрал таким образом, чтобы, при экстренной необходимости к нему можно было добраться накоротке. Кочубеевка подходила для этих целей идеально благодаря непосредственной близости к заимке при наличии официально езженных дорог, располагавшихся с таким расчетом, чтобы обогнуть широким полукольцом обширный лесной массив.

Грач пересек упомянутый массив по старой лесной дороге и вывел автомобиль к населенному пункту несколько с другой стороны, нежели те, кто сейчас должны были уже подъезжать по тракту, принятому для массового передвижения. Впрочем, это направление оказывалось более выгодным тем более, если учесть, что к искомому дому на окраине можно было добраться без плутания по сельским улицам. Сейчас требовалось лишь слегка обогнуть окраину села, и он окажется в нужном месте. Прямо напротив старого бревенчатого дома, массив-

ного и грузно осевшего в землю почти по самые окна, глядевшие на широкий пустырь, за которым начиналась тайга. Место довольно глухое и не привлекающее внимания.

«И жители, не особенно страдающие любопытством.

Впрочем, особенно возбуждать любопытство и не предполагалось. Когда Ангелине и ее двум помощникам поручили охрану малолетнего заложника и определили им для пребывания этот дом в глухой Кочубеевке, то дали им недвусмысленные инструкции о поведении. А они, помимо соблюдения могильной тишины, включали в себя тщательную маскировку окон и запрет, на появлении кого бы то ни было из них во дворе в светлое время суток. И, нужно сказать, что эти инструкции охранная команда выполняла в точности. Иначе, доверенный согладаятай, оставленный неподалеку, уже давно доложил бы о нарушении и необходимости срочной смены места для содержания похищенного.

«Вот только пристрастие Ангелины к синтетической дури и связь с сестрой, похоже, нарушили все планы, – подумал Костя, остановив автомобиль на самой опушке леса и заглушив двигатель, – Как ни старался Козин предусмотреть все поползновения своего недруга, тот, судя по всему, лазейку нашел. Иначе как объяснить появление новых действующих агентов на поле событий? Или это все та же группа? Вышла из-под наблюдения? Исключено! Они там под прочным колпаком.

Заинтересованно он осмотрел показавшийся в поле зрения дом. Пока ничего и никого. Но это пока. «Гости» появятся с минуты на минуту. Еще раз, прикинув в уме временные выкладки, Грач вполне убедился, что события должны начаться в промежутке ближайших десяти минут. Не меньше. Придя к подобному выводу, он захлопнул дверцу салона автомобиля и неторопливым шагом, прикрываясь сенью естественной растительности, щедрыми клочками кустарника покрывавшей пустырь, начал приближаться к дому. Не доходя до него метров двадцати – тридцати остановился и определил для своих наблюдений место под дикой яблоней, достаточно широко раскинувшей вокруг свою крону. Отличное место для того, чтобы увидеть все и остаться незамеченным.

С местом он определился вовремя. Точно перед тем моментом, когда все началось. Сперва слух донес до него шум двигателя автомашины, а затем из-за поворота ближайшей улочки показалась и она сама. Знакомое синее такси, подпрыгивая на кочках, приблизилось к самому дому и остановилось, чуть скрипнув тормозами. Наблюдавший за этим Костя осуждающе покачал головой – даже если все закончится благополучно, место содержания мальчика все равно придется переносить. Хотя бы потому, что появление неизвестного автомобиля рядом с нежилым домом неизбежно привлечет нежелательное внимание сельчан. Ангелина, конечно, хотела бы это посещение обставить для окружающих какой-нибудь случайной причиной, не заслуживающей внимания. Например, что некие люди искали кого-то, но ошиблись строением. Однако если посудить здраво, этот «номер» не пройдет с вероятностью девяносто девять и девять процентов. Селяне не такой уж и глупый народ. У них присутствует и смекалка и наблюдательность.

Движение в стороне он заметил боковым зрением. Обернулся и заметил другую машину. Серая, со ржавыми разводами «Нива» показалась из-за угла соседней поселковой улицы и заложив неожиданно резвый вираж, приткнулась к кустарнику с другой стороны пустыря. К дому она приближаться не стала, однако наблюдательный Грач сразу определил в ней тот самый транспорт, преследовавший синее такси.

«Становится интересно, – подумал он, устремив взгляд на автомобиль, – Сколько же там? Судя по салону, не менее пяти человек. При большом желании, шесть. Не больше.

Из открывшейся двери машины такси выбралась Нелли Барцева. Водитель выскочил из салона за ней вдогонку и, деловито откинув крышку багажника, вытащил большой клетчатый баул.

«Ну конечно! – с изрядным сарказмом хмыкнул Костя, – Это совсем не привлечет внимания окружающих! Как в том анекдоте... «Штирлиц шел по улицам Берлина и что-то, неуловимо выдавало в нем русского разведчика. То ли парашют, волочившийся за спиной, то ли папироса «Казбек» в углу рта...»

Видимо придерживавшаяся иного мнения, Нелли с видимым усилием подхватила сумку и поволокла ее прямо во двор дома, деловито продефилировав под окнами.

В это самое время дверца «Нивы» отворилась, выпустив на обозрение тонкую девичью фигуру в полуспортивном одеянии. Грач, привлеченный этим новым явлением, едва не раскрыл рот в удивлении.

«Она одна что ли? – не поверил он своим глазам, – А где же группа поддержки из вооруженных здоровяков? Она явно сумасшедшая, если хочет в одиночку полезть в дом, охраняемый тремя вооруженными людьми.

Впрочем, неизвестная впечатление невменяемой не производила. Глубоко надвинув темную бейсболку на темные волосы, она по-кошачьи перебежала от машины к ближайшему кусту, находящемуся на пути к интересующему ее дому и там замерла, осматриваясь. Затем, выждав небольшую паузу, снова сделала рывок.

«Она знает, на что идет, – вдруг постигнул наблюдатель, невольно восхитившись этим храбрым созданием в женском облике, – И идет на это все равно.

Девушка сделала еще одну перебежку, плюхнулась в густой бурьян, а затем полезла через забор. Секунда, и она оказалась внутри ограждения. Еще два прыжка, и неизвестная притаилась у самой стены бревенчатого строения.

«Интересно, как она поступит дальше? – задался вопросом Грач, ясно осознавая, что эта пигалица сейчас готовится встретиться с четырьмя взрослыми людьми, находящимися внутри дома и готовыми, при случае, порвать ее в клочья, – Соваться туда будет для нее верхом неблагоразумия.

Девушка, однако, об этом так не думала. Разглядев что-то для себя интересное, она скользнула за угол строения и скрылась из виду, оставив Костю гадать о том, что произойдет в самое ближайшее время.

Словно сговорившись с неведомой освободительницей, в эту самую минуту на сцене разворачивающегося для наблюдателя спектакля снова появились действующие лица задействованного «актерского состава». Дверь дома приоткрылась и через нее на крыльцо вышли сестры Барцевы, о чем-то горячо переговаривавшиеся друг с другом. Ангелина, вышедшая следом за сестрой, выглядела хмурой и недовольной.

«Было бы странно, если бы она выглядела радостной после нескольких дней полного воздержания от наркоты, – посудил Грач, – Теперь, если она получила свои вождельные пилюли, Ангелина будет стремиться поскорее выпроводить гостью за ворота. Наркоманам, как правило, чужды родственные чувства. Им бы дозу, да поскорее.

К вящему изумлению Кости, неизвестная, словно как-то определила, что людей охранения подле заложника убавилось. По крайней мере, выстрелы, глухими резкими хлопками раздавшиеся внутри дома в следующий момент застали беседующих на повышенных тонах сестер врасплох. Изменившаяся в лице Ангелина бросилась, было в дом, однако вдруг застопорилась на месте, словно окаменев, а затем отступила назад, медленно сходя с крыльца и тесня находящуюся позади нее Нелли.

«Черт возьми, оперативно! – восхитился снова Костя, наблюдая за тем, как с пистолетом наперевес, держа на мушке опешивших женщин, на крыльцо выступает давешняя незнакомка, – Пять с плюсом за смекалку и быстроту!

На лице девушки, неожиданно оказавшемся в поле обозрения, блуждало выражение совершенного бешенства. Грач, за исключением единственного раза, не бывавший внутри

дома, где содержали заложника, мог только догадываться о том, что послужило причиной для такой злобы.

«Кажется, Ангелине не придется ждать пощады, – подумал он, взглянув на пистолет в дрожащей от возбуждения руке незнакомки, – Конечно, если эта бестия не припасла для своей защиты ничего экстренного. Это было бы в ее духе.

Последнее обстоятельство пришло в его голову в связи с тем, что по обыкновению, Ангелина не ограничивалась огнестрельным оружием, носимым в подмышечной кобуре. Мастер спорта по стрельбе из спортивного лука, женщина всегда тяготела к подобному оружию и зачастую применяла его наравне со стрелковым. Обычно на ее запястье присутствовал своеобразный браслет, представлявший собой стилизованную декоративную обойму для ручных дротиков, а уж с ними она управлялась с такой легкостью, что могла дать фору любому снайперу. Интересно, состоится ли эта дуэль? Успеет ли Геля применить свой коронный трюк? О том, чтобы самому вступить в происходящие на его глазах события, Грач не думал. Точнее, делать этого не хотел. По своим причинам. Как бы ни сложилось, ему все будет на руку. По крайней мере, нынешнее положение вещей может подстегнуть развитие интересующего его процесса. И чем круче будет происходить это самое «развитие», тем благоприятнее для него.

В такт ожиданиям, разговор у крыльца оказался коротким, вместив в себя, по всей видимости, лишь по несколько реплик с каждой стороны. Затем, словно получив сигнал со стороны, противники подняли оружие. Но выстрел прозвучал только один. Понадеявшись на свою реакцию и на отвлекающий маневр с пистолетом, выхваченным ею из кобуры, Ангелина предпочла сделать свой коронный бросок дротика из запястной обоймы. В то же самое время, заставив вздрогнуть перепуганную Нелли, выглядывавшую из-за плеча сестры, незнакомка произвела выстрел из своего пистолета, одновременно прыжком сместив свое положение в сторону.

И, кажется, этим маневром, выиграла поединок. Со своего места Костя не видел, куда угодил дротик, однако остался в полной уверенности, что своей цели он не достиг. Напротив, выстрел, произведенный со ступенек высокого крыльца, свою цель нашел и поразил наповал. Ангелина зашаталась, поднесла руки к груди и свалилась к ногам сестры, оцепенело смотревшей на ее предсмертные корчи.

«Наверное, сейчас придет и черед близняшки, – отстраненно подумал Грач, следя за победительницей, – Сейчас все в ее власти.

Скорее всего, так подумала и Нелли. По крайней мере, это понимание ясно отразилось на ее побелевшем от ужаса лице. Подняв взгляд от агонизирующего тела своей сестры, та посмотрела вперед и помимо своей воли зажмурилась.

«Сейчас...

Однако вопреки ожиданиям Кости, незнакомка стрелять не стала. Вместо этого, она опустила пистолет и что-то отрывисто произнесла, адресуя слова застывшей в ожидании смерти женщине. Нелли, словно очнувшись от ступора, послушно кивнула застывшим лицом-маской, развернулась и пошла прочь из двора на непослушных плохо подвижных ногах.

«Браво! – проникся уважением к ней наблюдатель, – Ты все больше и больше мне нравишься, голуба моя. Будет очень жаль, если ты сложишь голову в той каше, которая заварилась.

Девушка выждала, пока от двора отъедет синее такси, увозящее с собой залитую слезами Нелли Барцеву, после чего вернулась в дом. Там она пробыла следующие пять минут, а затем вернулась, ведя за руку наспех одетого худого десятилетнего мальчика. Тот следовал за своей спасительницей со странным выражением на мокром заплаканном лице. Словно находился не в себе.

«Кажется, мальчик пережил достаточно, чтобы свихнуться, – сделал вывод Грач, – Любопытно было бы узнать, что делала с ним Ангелина, получив в свое распоряжение такую игрушку. Фантазия наркоманов, судя по всему, очень извращена.

Далее рассуждать он не стал. Главным образом из-за того, что девушка вместе с заложником двинулась со двора через задний ход. Так было ближе добраться до своего автомобиля. Однако, одновременно с этим, ей предстояло пройти в непосредственной близости от притаившегося под деревом наблюдателя.

Костя не выдержал, поддавшись соблазну, и вышел из своего укрытия.

– Я восхищен вашей храбростью, – произнес он, появившись чуть в стороне от тропинки, по которой следовала незнакомка, – Нужно обладать хорошо развитыми навыками, чтобы вот так легко нейтрализовать трех вооруженных людей, готовых к сопротивлению. Одно неверное движение и...

От неожиданности девушка остановилась на месте, как вкопанная, машинально потянувшись к поясу. Мальчик, напуганный появлением еще одного человека, судорожно спрятался за ее спиной.

– Не советую, – показал Костя глазами на руку, которую она тянула к пистолету, – Не успеете. В отличие от Ангелины, я стреляю куда более профессионально. Уберегите руку, и я не причиню вам вреда. Более того, не стану препятствовать вам, убраться отсюда вместе с мальчишкой. Видите, моя кобура даже застегнута?

– Ладно, – устало кивнула незнакомка, тряхнув хвостом темных волос, – Кто вы и зачем следили? Почему не вступились, если это ваши товарищи?

– Я бы не сказал, что это мои товарищи, – заметил на это Грач, проследив за тем, как рука собеседницы возвращается в исходное положение, – Хоть мы и работаем на одного человека. Номинально.

– На Козина?

– На него, – кивнул Костя, – Вас это может удивить?

– Я уже устала удивляться, – коротко бросила на это девушка, – Если не хотите крови, то зачем вы здесь?

Грач усмехнулся.

– Хотел увидеть, что здесь произойдет. Вы ведь узнали меня, не так ли?

– Узнала. Вы тот человек, который разговаривал с Барцевой у ворот.

– Точно, – коротко похвалил он ее за наблюдательность, – Я самый. Воспользовавшись короткой дорогой, прибыл сюда и просмотрел весь спектакль от начала и до конца. Нужно было решить, как поступить правильнее.

– И решили?

– Решил. Мне по душе дать вам и мальчику шанс доказать, что ваша игра не проиграна. И ежу понятно, что сделать это будет тяжело. Не бойтесь?

– А есть из чего выбрать? – в тон ответила незнакомка.

– Именно поэтому я решил не вмешиваться, – сказал Костя и отступил в сторону, – Идите, у вас теперь есть фора. Пусть небольшая. Минут пятнадцать – двадцать, но все-таки. Потом, как человек Козина, я обязательно подниму шум. Только, прошу, если попадетесь, не выдавайте меня. Хорошо?

– Странно все это, – медленно протянула девушка, не сводя с него глаз, – Но все равно спасибо. Прощайте.

Она снова взяла мальчика за руку и повела к ожидавшей машине, однако взгляд ее остался прикованным к странному человеку. Тот продолжал стоять в прежнем положении, не выказывая никакого намерения к агрессии.

– Еще один совет, уважаемая, – произнес он ей вслед, – Не пытайтесь выручить своих друзей. Даже если вы с ними в одной связке. Момент форы может быть упущен.

– О чем вы?

– О той группе, которая по наводке нашего человека уже несколько дней утюжит окрестности заимки. Разве вы не действуете заодно?

Незнакомка неопределенно пожала плечами.

– Действуем заодно, но каждый своими путями.

– Тогда ваш путь должен лежать стороной от них. Это сейчас может быть опасно. Ваш сегодняшний подвиг может оказаться напрасным.

Она поняла и сверкнула взглядом.

– Что с ними?

– Они погибнут, – просто объяснил Костя, – Это уже не изменить. Сами понимаете – война.

– Они сейчас тоже где-то здесь?

– Полчаса назад группа, о которой мы с вами ведем речь, выехала в сторону заимки, где вы были, следя за Барцевой. Они намерены попытаться неожиданно захватить объект. Неразумное решение, даже если кто-то их к этому решению подводил. Им этого сделать, естественно, не дадут. На дороге, по которой вы проезжали в поселок, устроена засада. Не уцелеет никто. Я бы посоветовал проявить благоразумие и не совать голову под пули.

Незнакомка остановилась, о чем-то размышляя.

– Я подумаю, – пообещала она, после чего снова направилась к машине, – Прощайте. В благодарность за этот совет обещаю не сдавать вас, если кому-то посчастливится нас с Даней изловить живыми.

Грач продолжал оставаться в амплу неподвижного наблюдателя ровно до того момента, пока «Нива» не скрылась за углом улицы. Только потом он сошел со своего места и направился во двор, где только что произошел скоротечный бой одиночки против троих. Все-таки молодец девчонка! Сумела выиграть бой без единой царапины! Заслуживает глубокого уважения!

Любопытство, прежде всего, толкнуло его войти внутрь дома. Поймав себя на этом желании, Грач прошел по двору, аккуратно обойдя лежащее ничком тело и, неторопливо поднимаясь по ступенькам крыльца, заглянул в дверь. Внутреннее пространство большого старого дома пахло в его лицо затхлостью. Костя поморщился от стойкого запаха и шагнул внутрь, щурясь в полутемном пространстве.

Глаза привыкли не сразу, однако, когда стали различать внутреннее убранство жилища, то чувство брезгливости только усилилось. Сколько хватало глаз, валялся хлам и истлевшая ветошь, какие-то битые черепки и изломанная мебель. Грач сделал несколько шагов вперед и споткнулся о батарею какой-то стеклотары. От движения ноги, эта тара, оказавшаяся грудой пустых бутылок, расплзлась по сторонам, звонко забренчав по половицам.

– Черт побери, – вырвалось у него в то время, когда он перешагивал через это немое свидетельство чьего-то пристрастия к спиртному, – Склад какой-то.

Впрочем, он догадывался, кто приложился к замеченному им бутылочному Монблану. По мере продвижения от проветриваемых сеней в воздухе все сильнее разливался сивушный дух. Похоже, что троица надзирателей изрядно по пьянствовала во время своего безвылазного сидения в этой норе.

– И как не сгорели с такого количества отравы? – вслух изумился Костя, отворяя дверь во внутренние покои, – От одного запаха закусить тянет.

Внутренние комнаты убранством не отличались. Все тот же хлам и полуразрушенная мебель за тем исключением, что здесь уже чувствовалось некое, пусть и скрытое человеческое присутствие. Грач заглянул в первую комнату, однако ничего там интересного для себя не обнаружил. В соседней комнате тоже. Он двинулся дальше и оказался в большой комнате, по всей очевидности, облюбованной надзирателями заложника для постоянного пребывания. Здесь сивушный дух стал просто непереносим, несмотря на то, что дальнейшее окошко, небольшое и двустворчатое, явно предназначенное для вентилирования помещения, оказалось распахнуто настежь.

– Наверное, – предположил Костя, – Именно через него девчонка забралась вовнутрь. Если так, то здесь же должны находиться два трупа...или почти два трупа.

Трупы он обнаружил здесь же. Один лежал у самой стены, повалившись подле вороха тряпья, словно специально нагроможденного в самом углу. Другой, полураздетый, в тренировочных штанах и майке лежал ничком на продавленном диване, небрежно накрытом старой простыней, теперь щедро пропитавшейся кровью. Грач наклонился и рассмотрел рану в груди у оскалившегося на диване мертвеца. Сразу и в сердце. Наповал. У бойца не было и шанса.

– Неплохая прицельность, – отметил он, мимоходом оглянувшись в сторону окна, от которого, очевидно, и был произведен выстрел, – Явно тренированная особа.

Он прошел к другому трупу и обнаружил ту же картину. Сразу и наповал. Только здесь пуля угодила в висок, разворотив черепную коробку с другой стороны. Впрочем, с такого расстояния...да при условии, что бойцы в этот самый момент смотрели в другую сторону...

– Удачно зашла, – подвел общий итог Костя, – Если бы они ее заметили, то не они, а она здесь полегла. У этого самого окна.

Как бы то ни было, но девушка победила и добила того, чего не смогли сделать ее товарищи, может быть в этот самый момент уже уподобившиеся бывшим охранникам похищенного мальчишки. С этой мыслью Грач отвернулся от покойника и обратил взгляд на грудку тряпья. Кажется, он теперь догадывался, для какой цели она была здесь воздвигнута. Здесь лежал заложник. Зарывшись в дурно пахнущее тряпье словно звереныш.

Грача передернуло, когда он угадал в слежавшейся ветоши контуры продавленного от постоянного лежания маленького силуэта. Кровь. Пятна крови. Нет, это не кровь убитого бойца. Слишком далеко. Скорее всего, это кровь мальчишки. Стоит только догадываться, что ему пришлось вынести, находясь здесь, рядом с постоянно пьяными людьми, потерявшими человеческий облик.

– За это их действительно стоило убить, – произнес Костя, вспомнив бешеное выражение лица незнакомки, когда она появилась не крыльце, – Мрази!

Высказавшись, он отвернулся от трупов и вышел вон, борясь с приступом невольной тошноты. Останками займутся те, кому это дело поручат. Он же увидел все, что хотел и более оставаться здесь не намерен.

Оказавшись во дворе, он огляделся по сторонам и глянул в сторону улицы. Какой бы подозрительный шум здесь не произошел, сельчане не очень-то спешили разузнать, что случилось. Правильно. В нынешние беспокойные времена может быть себе дороже. Утвердившись в этом выводе, Грач сошел с крыльца и приблизился к телу Ангелины, застывшему на тропинке лицом вниз.

– Кажется, кому-то сегодня не повезло, – сказал он вполголоса, схватив тело женщины за шиворот и с усилием перевернув его на спину.

На удивление, та оказалась еще жива. Серое лицо еще дергалось в мимических судорогах, из приоткрытой щели посиневших губ пузырилась темная кровь. Глаза, подернутые мутной дымкой, вдруг слабо дрогнули, и на секунду в них появилась осмысленность.

– Мар...га...ри...та, – с трудом выдохнула умирающая, – Корнеева... Это... она...

Это оказалось последним, что смогла произнести Ангелина Барцева перед своей кончиной. Через минуту она закончила агонизировать и упокоилась окончательно. Серое лицо стало светлеть, пока не налилось мертвецкой восковой желтизной.

Грач следил за этим процессом со спокойствием человека видавшего всякое. Затем, убедившись в факте смерти Ангелины, поднялся с колен и тщательно отряхнул штанины. Теперь он знал имя отпущенной им незнакомки. Маргарита Корнеева. Где-то он слышал это имя.

Он достал из кармана мобильный телефон, однако звонить и делиться новостями не спешил. Обещал. Пройдет пятнадцать минут и Костя обязательно наберет номер Крутого, чтобы сообщить горестное для всех известие и имя той, кому это удалось осуществить. Но это потом.

А пока... Пока он посидит в этой мертвой тишине, вслушиваясь то ли в шелест листвы деревьев, то ли в немой вой грязных душ отлетающих в преисподнюю.

Глава 15.

Дорожное ответвление, ведущее к заимке Козина. Иван Усов. Около 15:20 часов пополудни 6 августа 1996 года.

Вторая половина дня, на удивление тех, кто наблюдал утреннюю хмарь, выдалась солнечной. Иван посмотрел вперед из-за спины сидящего на переднем пассажирском месте Назара и слегка зажмурил глаза от яркого серебристого отсвета нагретого асфальта. Потом перевел взгляд вперед и дальше, обходя вниманием виляющий зад впереди идущего автомобиля. Обычный дорожный пейзаж для этих мест. Извилистый дорожный путь, пролегающий меж двух зеленых стен густого леса, заросший травой и частыми клочками низкого кустарника кювет. По такой дороге хочется ехать неторопливо, наслаждаясь композицией езды и дышащего жарким теплом окружающего фона.

«Нет, – одернул себя Усов, – Неподходящее настроение для ответственного дня. Следовало бы подумать о предстоящей операции.

Такое несоответствие душевного состояния с теми задачами, что предстояло исполнить группе, преследовало с самого утра. Обычно молчаливый и скрытный, нынче Иван даже сам себе боялся признаться, что «играть в войну» его сегодня совершенно не тянуло. Борясь с этой «внутренней слабостью», он сегодня ходил сам не свой, переживал и хмурился, наблюдая за бодрыми сборами остальных членов команды.

«Экий вояка! – несколько иронично подумал Усов о Назаре, обладавшем изрядным опытом профессионального армейца и первым собравшим свой нехитрый скарб, состоявший из оружия и необходимого боезапаса, – Жаль до Рембо личиком не дотянул.

Словно заправский голливудский герой, тот уже упрятал специальный жилет с карманами, набитыми патронами и запасными обоймами под спортивную куртку, убрал за пояс автоматический пистолет Стечкина, и теперь, явно «рисуюсь», принял героическую позу с автоматом наперевес.

Несмотря на несколько комичный момент, опаска все равно не отпускала. Помимо этого, из головы не выходило давешнее предупреждение Маргариты, добросовестно переданное им Серому и решительно отвергнутое тем, как несостоятельные выдумки после оправданий опера Пякина. Опаска, посеянная Корнеевой в его душе, не ушла. Она осталась и подспудно росла, словно семя, попавшее на благодатную почву. Возможно поэтому, Иван несколько сильнее обычного присматривался к мимике местного опера и прислушивался к его плоским шуткам, отпускаемым по всякому случаю, следил за взглядами мечущихся маленьких глаз, пытаясь уловить хоть какой-то подозрительный для себя намек.

Сборы группы оказались недолгими. Покончив с ними, бойцы взяли в руки оставшийся нехитрый скарб с вещами первой необходимости, умещавшийся в спортивных сумках и, поочередно покинув временное жилище, спустились во двор. Возвращаться сюда не планировалось. При удачном стечении обстоятельств, как предполагалось, бойцы «Кондора» вместе с освобожденным заложником прямо с места проведения операции должны были на двух автомашинах, предоставленных угодливым Пякиным, выбраться на федеральную трассу, ведущую через Уральский хребет в сторону Уфы и далее по ней следовать к месту назначения.

Во дворе их ожидали три автомашины «ВАЗ 21099». Две серебристо-серых и одна бордовой раскраски. Не новые, но смотревшиеся достаточно «бодро».

– На красной поедет Пякин с водителем, – пояснил на вопросительный взгляд Усова Серый, – Он будет сопровождать нас до объекта, а затем, когда мы двинем оттуда на трассу, вернется назад. Надо же ему на чем-то добираться?

Присутствие опера с его подручными на месте предстоящей операции Ивану показалось явно излишним. За предыдущие несколько дней они достаточно изучили окрестности заимки, чтобы успешно ориентироваться там самим.

«А нужно ли это? – хотел спросить он, с новой силой проникаясь подозрениями, однако бригадир в это самое время уже повернулся к нему спиной, отдавая какие-то распоряжения.

Мучимый невысказанными подозрениями, Усов присоединился к группе, которой предназначалось ехать во второй машине группы, а учитывая то, что «девятке» Пякина предназначалось возглавлять кортеж, замыкающей. Неплохо с тактической точки зрения, если предполагать вероятность засады, о которой намекала Рита.

«Никогда не поздно подстраховаться, – подумал он мимоходом, усаживаясь между двумя другими бойцами на заднем сиденье автомобиля, – Если начнется стрельба, то останется вероятность отхода. Это будет нелишним при самом плохом обороте дела.

С подобными мыслями Иван не расставался на протяжении всего пути. То и дело смотрел за окно, хмурился и постоянно поправлял уложенный рядом «Узи», неудобно упиравшийся в коленку.

И все-таки, как ни был он насторожен, трагический момент фатально пропустил. Наверное, потому, что засмотрелся на мелькающую за окном череду деревьев. Впрочем, с его места было бы затруднительно сразу заметить то, что бордовая машина, возглавляющая их колонну, внезапно прибавила скорость, затем развила ее до максимума и, пока водитель следовавшей следом «девятки» среагировал, ушла в отрыв. Практически сразу же за этим событием и последовали первые выстрелы, обозначившие для группы начало конца.

«Звук станкового пулемета, – с неприятным холодком в груди определил Усов, уловив характерные звуки, – Если это так, то...

Убийственные трассеры пришли с двух направлений, перекрестились в воздухе, настигли ведущую машину и впились в ее корпус, нещадно взлохмачивая металлическую обшивку.

«Кинжальный обстрел, – отстраненно, словно со стороны, подумал наблюдавший за этим Иван, – Мгновенная крупнокалиберная смерть. Ни единого шанса.

– Стоять!!!! – заорал он на весь салон, вскидываясь со своего места, – Тормози!!! Иначе нам всем конец!!!

Впереди идущая «девятка» клюнула капотом вперед, оседая на изуродованный огнем передний мост, накренилась, тщетно борясь с инерцией, а затем встала на ребро. Судя по траектории, там уже некому было бороться за ее устойчивость. Секунда, и машина закувыркалась по асфальту проезжей части, разбрасывая по сторонам куски пластика, потом резко изменила курс движения и ухнула в кювет.

– Тормози!!!! – крик Ивана перешел в утробный, полный ужаса визг и захлебнулся где-то в его легких.

Наверное, в тот самый момент, когда в его грудь вошла пулеметная пуля. Она отбросила Усова на сиденье и оставила лежать там, в роли уже безмолвного наблюдателя. Мутным потусторонним взглядом этот наблюдатель увидел все, что произошло в следующие минуты.

Водитель второй автомашины, прежде чем получил пулю в череп, успел произвести маневр торможения и даже погасил остаточную инерцию, развернув транспортное средство поперек дороги. Однако это все равно не спасло экипаж в салоне, мгновенно ставший отличной мишенью для стрелковых расчетов противника, засевших в лесу. Длинные очереди ударили по корпусу автомобиля, дырявя и вышибая из него искры. Ворвавшиеся внутрь смертоносные заряды мгновенно разыскали тела жертв и вышибли из них дух вместе с кровавыми ошметками. Усову, обмякшему между сидевшими по бокам стрелками, относительно повезло, так

как эти пули, поразившие спутников, его самого минули за исключением одной, рикошетом угодившей в бедро. Учитывая предыдущее смертельное ранение, это лишь продлило агонию настолько, чтобы досмотреть, словно страшное кино, все до самой развязки. Кровь в развороченных легких утробно хлюпала и во время мучительных приступов удушья струями извергалась из его рта, однако Иван еще умудрялся дышать, стекленеющими глазами продолжая смотреть на отблескивающее серебром солнечных отсветов асфальтовое покрытие дороги.

Где-то между селом Кочубеевка и займой Козина. Маргарита Корнеева. Около 16:00 часов пополудни 6 августа 1996 года.

Машину Рита вела нервно. То ли сказала недавняя схватка, отобравшая изрядную долю нервных окончаний, то ли вся ситуация в целом действовала на нервы. «Спасая одного, можно положить десятерых». Где она слышала эти слова? Память не давала никаких ссылок. А тем временем, выражение начинало прямо-таки сверлить мозги, порождая вопросы. А спасла ли? А стоило? Нет, на этот вопрос она ответ знала. Стоило. Мальчишка ни в чем не виноват. Он стал просто разменной картой в большой игре взрослых корыстных людей, из-за сиюминутной выгоды теряющих человеческое лицо. И, стоит отдать себе отчет, случись такое снова, она без раздумий пошла бы его освобождать. Другое дело, спасла ли она его, вырвав из рук бандитов? Не опоздала ли? Девушка оторвалась от дороги и бросила короткий косой взгляд на своего маленького пассажира. Судя по виду, Данилу пришлось пережить многое. Возможно, что это пережитое больше не даст ему быть прежним веселым и беззаботным мальчиком. Сейчас трудно судить. По облику и состоянию он выглядел очень нервным, если не сказать, частично невменяемым. Возможно, что это со временем пройдет. Бесследно или нет, это уже другой вопрос.

Она уже смутно помнила дорогу до Кочубеевки. Наверное, потому, что находилась в крайне возбужденном состоянии. Адреналин в крови начинал зашкаливать. Помнила только силуэт впереди идущей машины синего цвета и свое стремление. «Не упустить!» Обуянная этим желанием, Корнеева словно приклеилась к этому синему такси и гнала свой автомобиль почти «на автомате», сосредоточив внимание только на впереди идущей цели.

В том же состоянии Рита осталась и после того, как настигла преследуемую машину у заброшенного дома. Выучка «Кондора» и тренировки на его полигоне не прошли даром. Машинально предприняв все необходимые меры безопасности и маскировки, она забралась во двор и затаилась, пытаясь хоть как-то просчитать обстановку.

Конечно, она не могла знать, не имела даже приблизительных сведений о том, сколько человек может охранять Данила. Логика подсказывала, что явно не десять. Похитители явно надеялись на то, что предпринятые ими меры конспирации окажутся настолько надежными, что никто не сможет отыскать место содержания заложника. Поэтому вполне можно было предполагать охранную группу в количестве до пяти человек. А учитывая режим полной конспирации, и того меньше.

«Не узнаешь, пока не проверишь, – решила тогда девушка, начиная ощущать усиливающиеся колебания внутри себя, – Вперед!»

И она пошла вперед, опасаясь, что эти внутренние колебания, дойдя до максимума, могут заставить ее спасовать.

Повезло. Из-за духоты и спертости воздуха внутри дома его временные обитатели приоткрыли небольшое окошко на глухой теневой стороне, тем самым невольно дав ей возможность получить преимущество. Корнеева им и воспользовалась. У пьяных в стельку соглядатаев, находившихся к ней спиной в то самое время, когда она перемахивала через подоконник раскрытого окна, шансов не было. Два точных выстрела, произведенных с близкого расстояния, отправили их на тот свет. В боевом кураже девушка едва не выстрелила в угол комнаты, где глаза уловили шевеление, и лишь в последний момент в куче тряпья она увидела фигуру

обнаженного, измазанного грязью и кровью Данила. Он не был связан, но, судя по всему, находился в той степени изможденности, которая исключала способность к самостоятельному осуществлению побега.

Первым порывом стало желание обнять мальчика и немедленно увести его подальше отсюда. Вид Данила не оставлял сомнений в том, что ему пришлось вынести не только заточение.

«Издевались! – жарко дохнуло в голову понимание, вызывая прилив бешеной злости, – Изверги!

Нет, дело пока не закончено. Еще не все охранники уничтожены так, что можно легко получить пулю в спину, попытавшись вытащить мальчишку через окно.

– Это я, малыш. Рита, – произнесла она в угол, – Я пришла за тобой. Знаешь, где твоя одежда? Ищи ее и одевайся. Я сейчас вернусь.

Сумела ли она его тогда успокоить, или он просто послушался ее приказа, ничего особенно не восприняв разумом? Размышлять было некогда. Выпавшее указание, девушка рванулась из комнаты в коридор, располагавшийся за ней, и по нему дальше. Быстрое движение пистолетом по сторонам в сторону боковых комнат. Никого! Тогда она шагнула к дверям, ведущим в сени. И сделала это вовремя! Успела к тому самому моменту, когда дверная створка отошла в сторону, открыв взгляду бледное лицо Ангелины Барцевой.

– Руки в гору! – рявкнула Корнеева, нацелив «Беретту» прямо в это ненавистное лицо, – Не дергайся, сука и шагай назад! Быстро!!!

Последний выкрик вышел настолько проникновенным, что женщина отшатнулась и попятилась назад, тесня кого-то у себя за спиной.

– Пошла! – подогнала ее девушка и вышла на крыльцо следом.

Опешившая от столь сильного напора, Ангелина задом сошла по ступенькам крыльца вниз и остановилась на тропинке перед домом. За ее спиной жалась сестра-близнец с искаженным от ужаса лицом.

– Постой-ка! – вдруг хрипло произнесла Ангелина, бросив взгляд на лицо Риты, осветившееся солнечным светом, – Ты же умерла! А с того света люди не возвращаются. Только бесы.

– Значит, я твой личный бес, – ощерилась в злобной улыбке девушка, – И лично пришла за твоей поганой душой!

– Это она! – произнесла за спиной сестры помертвевшая Нелли, – Это она приходила ко мне!

– Тварь! – холодно произнесла в ее адрес Ангелина, не повернув головы, – Значит, это ты притащила ее за собой. Я же предупреждала тебя, бестолочь!

– Откуда я знала, что она следит за мной!

– Ладно! – отпихнула та Нелли локтем, не отводя напряженного взгляда от дула нацеленного на нее пистолета, – Отвали! Видишь, у нас разговор еще не окончен?

«Хоть и конченная наркоманка по виду, а туда же, – подумала Рита, – В ковбои!

– Потягаться хочешь? – усмехнулась она, глядя в лицо той, кого во снах и мыслях убивала, чуть ли не каждый день, – Попробуй. Я не буду стрелять до тех пор, пока ты не вытащишь свою пушку из кобуры.

Рита не знала, что побудило дать этой стерве шанс себя показать. Догадываясь о том, что именно та все это время издевалась над ребенком, стоило просто нажать на спусковой крючок. Но она дала этот шанс, в глубине души надеясь на то, что Ангелина использует его честно. И снова ошиблась. Это она уяснила, заметив, что в то самое время, когда рука той поползла к подмышечной пистолетной кобуре, другая рука чуть заметно затрепетала. Так действуют люди, подготавливая конечность к броску. Опять стрелки и дротики? Вполне возможно. Тогда движение руки к кобуре просто обманный маневр.

Корнеева оказалась готова к тому, что произошло через минуту. Едва ее противница дрогнула, начиная уверенный бросок отравленной стрелки, как она сделала стремительный прыжок в сторону, одновременно делая выстрел.

– Вот и все, – заметила затем, выпрямляясь и всматриваясь в измятое смертной мукой серое лицо прижавшей руки к груди, падающей Ангелины, – Нужно было стрелять, а не стремиться выказать мастерство. Тем паче, что его, как такового уже не стало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.